

Д.Б.СЕИДЗАДЕ

Азербайджанские Депутаты
в Государственной Думе
России

Азербайджанское Государственное
издательство
Баку 1991

ВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа посвящена изучению деятельности депутатов от азербайджанских социальных верхов в Государственной думе четырех созывов. Она представляет собой монографическое исследование позиций и платформы азербайджанской буржуазии в начале XX века, ее взаимоотношений с царским самодержавием, нашедших отражение в выступлениях ее идеологов в Думе, в многочисленных информациях и корреспонденциях в буржуазных органах печати.

В числе важнейших проблем истории нашего народа значительный интерес привлекает история национального движения в Азербайджане, история классов и классовой борьбы в период трех российских революций.

Политические коллизии начала XX века в России ускорили размежевание общества. В. И. Ленин, анализируя опыт первой российской революции, подчеркивал, что она показала «все общественные силы России в открытом, массовом действии классов...»¹. Революция показала, что существование царизма в прежнем, «чистом» виде уже невозможно. Пролетариат «смел со своей дороги поддельную булыгинскую думу, вырвал у царя манифест о конституции и раз навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений»².

Революционный кризис в Азербайджане в начале XX в. усугублялся колониальной политикой царизма, противоречиями между самодержавием, с одной стороны, интересами социальных верхов, с другой, народных масс Азербайджана - с третьей.

В таких условиях в Азербайджане возникло национально-освободительное движение.

Выступая против национального угнетения, лидер национально-освободительного движения в Азербайджане выступали за федеративное устройство Кавказа, подразумевая предоставление самоуправления каждому региону, за уничтожение национального неравенства. Они ратовали за независимость в культурно-просветительной области, за свободное развитие азербайджанского языка и обучение на родном языке. Азербайджанские трудящиеся массы стремились к социальному и национальному освобождению путем революционной борьбы, буржуазия добивалась своих желаний, чаяний путем осуществления реформ. Колониальная политика царизма, ограничения в экономической и политической сферах, испытываемые азербайджанской буржуазией, создавали почву для усиления ее оппозиционных настроений и для апеллирования к трудящимся массам своей национальностью.

Будучи экономически зависимой от царизма, политически неоформленной, в отстаивании своих интересов она ограничивалась подачей петиций и прошений, добиваясь уравнивания в правах с русской буржуазией и

помещиками. Уже в самом начале революции, в 1905 г., азербайджанская буржуазия несколько активизировалась в политическом и идеологическом отношениях, выступая в лице своих лидеров и идеологов на политической арене с изложением собственных взглядов и требований. Хотя политическая линия азербайджанской буржуазии имела свои и довольно существенные особенности, в ней преломлялись общие тенденции политики российской буржуазии в целом.

Политическое кредо азербайджанской буржуазии, сформировавшееся в период обострения социальных коллизий 1905 года, нашло свое выражение в выступлениях ее представителей и идеологов на протяжении всего предоктябрьского периода и очень четко проявилось в период деятельности Государственной думы. В сущности, впервые после включения в состав России представители Азербайджана получили возможность выступать со своей позицией с высокой трибуны России. Находясь в условиях жесткого политического бесправия, стремясь скоординировать свои действия с представителями других мусульманских окраин России, азербайджанские депутаты добивались радикальных преобразований в области национального равноправия. В работе впервые исследуется фактический материал, рассматривается деятельность депутатов, анализируются их выступления с думской трибуны, попытки объединить усилия со всеми мусульманскими депутатами Российского парламента, их надежды, возлагаемые на кадетов. Но все стремления были тщетны — царизм, Дума ничего так и не предприняли, чтобы удовлетворить их требования, уравнять их в правах, ввести земское самоуправление и т. д. И даже «всеподданнейшие записки» местной царской администрации, которой было трудно управлять краем старыми методами, не смогли подействовать на царя. Он четко держался своего курса по отношению к инородцам — никаких прав, никаких привилегий; т. о. представители азербайджанских социальных верхов оказались в определенной политической изоляции и в таких условиях не смогли достичь своей цели — в рамках Российской империи добиться отмены правоограничений. Обращения к царю, местной царской администрации, убеждения, просьбы — таков был основной путь и вытекающие из него формы и методы их борьбы не только за свои классовые привилегии, но и за свободу национального развития.

Труды В.И.Ленина - современника грандиозной эпохи пробуждения и бурного развития самосознания народа, небывалого размаха его политической активности представляют ценный источник изучения политического развития России в предоктябрьский период. В них дан глубокий анализ позиции, тактики и действий политических сил общества, содержатся важнейшие методологические указания для исследования и оценки национально-освободительного движения, роли буржуазии в этом движении.

Литература, посвященная изучению Государственной думы, достаточно велика. Но в подавляющем большинстве это труды, которые исследуют деятельность Думы в целом. Среди них работы Черменского Е. Д., Авреха А. Я., Шацилло К. Ф., Старцева В. И., Дякина В. С., Сидельникова С.М., Павлова М., Шелохаева В. В., Колесниченко Д. А., Думовой Н. Г. и т. д.³. Заслугой указанных авторов является то, что они начали разрабатывать проблему, которая в настоящее время привлекает широкое внимание. Для нас представляет большой интерес статья Стельник В.Я⁴ которая впервые в азербайджанской советской историографии осветила деятельность депутатов, представителей буржуазии Азербайджана в I Государственной думе. Однако в рамках статьи всесторонне осветить позиции, их участие в деятельности Думы вряд ли было бы возможно.

Разработке вопросов буржуазно-либерального движения в Азербайджане, формированию политического облика азербайджанской буржуазии в начале XX века посвящена изданная нами в 1978 г. монография⁵. В данной работе, которая является логическим продолжением опубликованного исследования, на основе глубокого изучения архивных и других материалов, большинство которых впервые вводится в научный оборот, предпринята попытка переосмыслить известные сюжеты, проанализировать деятельность азербайджанских депутатов в высшем представительстве страны, охарактеризовать их социально-политический облик, показать их борьбу за осуществление своей программы на широком фоне социально-экономических и политических преобразований в обществе начала XX века.

Первостепенное значение для разработки данной темы имеют стенографические отчеты Государственной думы, периодическая печать и материалы, хранящиеся в фондах ЦГИА и ЦГАОР СССР, ЦГИА Азербайджанской республики. Одним из важных источников являются дореволюционные документальные, статистические и справочные издания.

Несмотря на наличие обширной и многопрофильной литературы, в которой в той или иной степени затрагиваются, либо освещаются некоторые вопросы разрабатываемой нами темы, она не была еще объектом специального исследования. К сожалению, отсутствуют и обобщающие труды по Государственной думе всех созывов. Незавершенность, в то же время назревшая необходимость в освещении позиций социальных верхов азербайджанского общества в условиях острейших политических конфликтов всего предреволюционного периода послужили основанием для издания данного исследования.

ГЛАВА I АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ БУРЖУАЗИЯ, ЕЕ ИДЕОЛОГИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

В связи с развитием капиталистических отношений шел интенсивный процесс трансформации в социальной структуре азербайджанского общества. Возникли и формировались новые классы-буржуазия и пролетариат. «Основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат: — буржуазия как строитель этого капиталистического общества, как его руководитель, как его двигатель, - пролетариат как его могильщик, как единственная сила, способная сменить его»⁶.

Буржуазия Азербайджана по своему составу была многонациональной. Соотношение позиций национальных отрядов буржуазии в разных отраслях производства было различным. Азербайджанский национальный капитал, овладев определенными позициями в нефтедобыче и нефтепереработке, был более широко представлен в металлообрабатывающей, шелковой, легкой, пищевой и некоторых других отраслях промышленности. Значительной была прослойка азербайджанской буржуазии в торговле. Ей принадлежала большая часть морских судов.

Анализ экономических позиций азербайджанской буржуазии в ряде отраслей народного хозяйства Азербайджана свидетельствует о том, что, несмотря на ограничения, связанные с великодержавной политикой царизма и конкуренцию со стороны иностранных и некоторых других национальных групп отечественных капиталистов, ее представителями в ряде отраслей промышленности, транспорта и торговли были основаны довольно крупные капиталистические предприятия, имевшие объективно позитивное значение для углубления капитализма в Азербайджане, развития важных отраслей его народного хозяйства. Бесспорно, предпринимательская деятельность азербайджанской буржуазии имел прогрессивное значение. Следует отметить, что представителями азербайджанской буржуазии - Г.З.Тагиев, М. Нагиев, Г. Дадашев, Ш.Асадуллаев, Г.Б.Ашумов и целый ряд других являлись одновременно владельцами промышленных предприятий, морских судов, торговых заведений и т. д.⁷, что укрепляло их экономические позиции и свидетельствовало о крупном капитале, находящемся в их распоряжении.

Главным центром формирования и развития азербайджанской промышленной и торговой буржуазии стал Баку, где в конце XIX-начале XX в. сконцентрировалась деятельность наиболее крупных ее представителей. Именно в Баку сосредоточилась та ее часть, которая вкладывала капитал в доходное домовладение. Ей принадлежали десятки роскошных многоэтажных домов, приносившие крупную и устойчивую прибыль. Многих

представителей азербайджанской буржуазии эта область размещения капитала привлекала простотой управления и извлечения прибыли. В Баку и Елисаветполе проживала основная часть азербайджанской буржуазной интеллигенции, которая являлась выразительницей интересов буржуазии и обуржуазившихся помещиков, достойно представляя их в органах местного самоуправления, в Государственной думе, на съездах и совещаниях, созываемых царской администрацией и т. д. С конца XIX в. азербайджанская буржуазия стала апеллировать к социальным низам своей нации, стремилась выступить от имени наций.

Сложным и противоречивым было отношение азербайджанской буржуазии к царскому самодержавию. Ее наиболее прогрессивные политические круги выступали с решительным протестом против колониальной политики самодержавия, ущемлявшей интересы азербайджанского народа. Это недовольство вызывалось, в частности, курсом царизма на серьезное стеснение предпринимательской деятельности азербайджанской буржуазии в тех отраслях обрабатывающей промышленности, развитие которых могло бы вызвать конкуренцию с аналогичными предприятиями русской буржуазии в центральных частях страны, а также ограниченным представительством в органах городского самоуправления, стеснениями в области вероисповедания, национальной культуры.

Тем не менее азербайджанская буржуазия проявляла свою активность именно в сфере городского самоуправления. Несмотря на ограничение царским законодательством числа гласных-иехристиан (в Бакинской городской думе-одной третью, а затем половиной от общего числа гласных)⁸, азербайджанская буржуазия укрепляла свои позиции в городском самоуправлении, что было связано с заинтересованностью в решении вопросов промышленной и торговой деятельности ее в городах. Так, в Бакинской городской думе в 1902-1905 гг. азербайджанцев из 48 гласных было 23. В их число входили такие крупные представители азербайджанского капитала, как Г. З. Тагиев, М. Нагиев, Ш. Асадуллаев, Н. К. Садыхоз, Н. Мехтиев, А. Дадашев, видные представители азербайджанской буржуазной интеллигенции — А. М. Топчибашев, Ф. Везиров, А. Агаев и др.⁹ В Шемахе из 12 городских уполномоченных насчитывалось 6 азербайджанцев¹⁰. Таково же было соотношение в составе городских уполномоченных Ленкорани и Кубы¹¹.

Хуже складывалась для азербайджанской буржуазии ситуация в Совете съезда нефтепромышленников и в Бакинском биржевом комитете, в которых она практически не была представлена. Объясняется это как сильной конкуренцией со стороны других национальных отрядов буржуазии, так и трудностями, препятствиями, чинимыми ее представителям в получении технического образования.

До первой русской революции азербайджанские социальные верхи не только не образовали своих политических партий, но и не сформировали более или менее четко своей политической программы. С начала 80-х годов XIX в. на средства Г.З. Тагиева стала издаваться газета «Каспий», по и на ее страницах долгое время требования и чаяния азербайджанской буржуазии не получили четкого и ясного выражения.

За исключением отдельных статей буржуазных идеологов, в которых говорилось о политическом бесправии мусульман, их правоограничениях, трудностях в общественно-политической и культурно-просветительской деятельности, до революции азербайджанская буржуазия не выразила свою оппозиционность каким-либо конкретным политическим актом.

В 1905 году гигантский рост освободительной борьбы создал объективные условия для политической активизации всех слоев общества.

Под давлением начавшейся в стране революции в правящих кругах России усилились настроения в пользу некоторого обновления самодержавного строя. Царь был вынужден поручить министру внутренних дел А.Г. Булыгину составить проект рескрипта о привлечении выборных к законодательству. 18 февраля 1905 г. проект рескрипта был оглашен и одобрен министрами. Царь объявил о своем намерении «отныне... привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений... при непрременном сохранении незыблемости основных законов Империи»¹², т. е. самодержавия.

Рескрипт 18 февраля либеральная буржуазия России сравнивала с «дверью», за которой рисуются перспективы светлого будущего»¹³. Им вторила азербайджанская буржуазия и ее идеологи. На страницах газеты «Каспий» были опубликованы «Высочайший манифест», рескрипт Николая II на имя Булыгина и указ Правительствующему Сенату от 18 февраля 1905 г. Газета считала решение вопроса об участии общественных представителей в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений «самым важным актом, главной основой всех мероприятий и реформ последнего времени»¹⁴. Этот рескрипт воспринимался как средство ликвидации бюрократической опеки, ограничений развития экономической, политической и культурной жизни общества. Замалчивая о колониальном угнетении Азербайджана самодержавием, та же газета «Каспий» в передовой статье старалась объяснить застой общественной жизни тем, что даже опытные чиновники столичных центральных учреждений не в состоянии охватить, понять и правильно истолковать все общественные нужды данного, удаленного от центра, района¹⁵. Газета считала, что идеи рескрипта дали прочную точку опоры земскому и городскому самоуправлению, и высказывала лишь пожелание, чтобы право представительства было распространено и на

окраины. Такие же чувства выражались в отношении царского рескрипта в статье А.М.Топчибашева о создании Кавказского наместничества. Важным условием «обновления жизни на Кавказе» А. М. Топчибашев считал введение земского самоуправления, суда присяжных, уравнивание жителей Кавказского края в правах с населением внутренних частей России, распространение на него «всех начал, которые выставлены теперь на первую очередь: ... законодательные гарантии неприкосновенности личности и имущества, свободы совести, печати, слова и народных собраний»¹⁶.

Идеологи азербайджанской буржуазии высказывали положительное отношение к содержанию царского манифеста и рескрипта Булыгина и надеялись на распространение положений царского рескрипта на окраины, в частности, на Азербайджан. Они надеялись попасть на Особое совещание, обещанное рескриптом. Вопрос о допущении представителей самоуправления гор. Баку на совещание был обсужден на заседании городской думы 8 марта. Дума единодушно ходатайствовала перед министром внутренних дел о допущении трех ее представителей на данное совещание, которое, считала она, «будет иметь огромное влияние на дальнейшую постановку вопросов, касающихся необходимых внутренних преобразований»¹⁷. Для поддержания этого ходатайства к А.Г.Булыгину направлялась депутация в составе городского головы К. А. Ирецкого и двух гласных - А. М. Топчибашева и П. О. Гукасова¹⁸. Дума также обратилась к городским головам Елисаветполя, Дербента, Эривани, Шуши, Нухи, Кубы, Ленкорани и Темирхан Шуры с предложением поддержать их решение¹⁹. Предложение нашло отклик у уполномоченных городского упрощенного управления Ленкорани²⁰ и Кубы²¹. Предложение Думы было поддержано также совещанием, состоявшимся 15 марта в доме Тагиева²².

Депутация была принята в Петербурге А. Г. Булыгиным 2 апреля 1905 г.²³. Беседа длилась 10-15 минут, во время которой депутация сумела донести пожелание гласных Думы-приобщить Кавказ к тем общим реформам, которые намечались для центральной России, и избрания от всех народностей Кавказа представителей на Особое совещание. Министр, сразу оговорив, что члены Особого совещания будут назначаться царем, заявил, что представители Кавказа будут участвовать в его работе обязательно, так как этот край имеет свои местные особенности. Баку же, занимая особое положение, также будет иметь возможность послать своего представителя от городской думы²⁴. Однако совещание, обещанное правительством, не состоялось. Правительство объявило, что проект, подготовленный в Министерстве внутренних дел, будет прямо представлен в Совет Министров, а затем окончательно рассмотрен в совещании под председательством царя²⁵.

Весной и летом 1905 г., в период нарастания революционной борьбы в стране, азербайджанская буржуазия использовала мирные, легальные методы

буржуазно-либерального движения — подачу петиций, посещение тех или иных представителей царской администрации, выступления на страницах печатных органов. Самым примечательным в ее деятельности в этот период было составление и представление царскому правительству петиций.

15 марта во дворце Г.З.Тагмева состоялось совещание представителей азербайджанской буржуазии и буржуазной интеллигенции. На совещании обсуждался вопрос о необходимости проведения реформ в Кавказском крае, о подаче правительству петиции²⁶. Было признано целесообразным для ее вручения в Петербург отправить депутацию «от мусульман всего Кавказа». С этой целью совещание решило направить телеграмму во ЕСС основные пункты края с предложением рекомендовать представителей в депутацию. Тем самым была сделана попытка к консолидации вокруг себя сил национальных, а также всех мусульман Кавказа. Однако, вероятно, эта попытка не удалась.

Под петицией, составленной А. М. Топчибашевым и представленной в апреле 1905 г. «доверенными от мусульманского населения» Закавказья в Комитет министров, стояли подписи представителей социальных верхов Бакинской и Елисаветпольской губерний - Ш. Асадуллаева, Р. Ширванского, А. Зиятханова, Г. Зюльгадарова, А. Агаева, М. Р. Векилова и др.

Петиция эта примечательна тем, что она явилась первым программным документом, представленным от Азербайджана царским властям. В дальнейшем она явилась как бы платформой, основой обращений в те или иные административные инстанции. При этом отдельные пункты ее наполнялись более конкретным держанием.

В петиции прежде всего излагались ограничения мусульман в общественной и в хозяйственной жизни. Число гласных-мусульман в органах городского самоуправления края не могло превышать половины всего состава. Высшие должности во всех учреждениях гражданского и военного ведомства были им недоступны. Мусульмане как со средним, так и с высшим образованием ограничивались в выборе занятий свободными профессиями, устранялись от педагогической деятельности, студентам-мусульмане не могли пользоваться казенными стипендиями, их не принимали в ряд высших учебных заведений. В некоторых местностях мусульмане не могли даже свободно проживать, приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлей. Они были лишены сословных прав русских дворян и купцов²⁷. В петиции поднимался вопрос о представительстве мусульман «во всех законосовещательных, законодательных и других: учреждениях представительного характера, которые будут образованы в Империи», о праве занятия ими без ограничений должностей на государственной службе и общественном поприще.

Значительное место занимало в петиции обоснование необходимости

введения на Кавказе земских учреждений на началах полного самоуправления и без вмешательства административной власти, участия мусульман в земстве и городском самоуправлении без всяких ограничений. Отмечалось, что осуществление на Кавказе, как и во внутренних губерниях России, идеи полного самоуправления возможно при условии отмены всех ограничительных законов, установления нормальной организации гражданского управления, гарантии законности в управлении. Ставился вопрос о введении такого важного института, как суд присяжных заседателей. Это было необходимо на Кавказе, где судьи не знали языка и не были знакомы с бытом местного населения. Высказывалась необходимость введения и института выборных мировых судей. В петицию был включен пункт о распространении на рабочих-мусульман мероприятий по улучшению быта фабрично-заводских и промысловых рабочих «путем расширения фабричного законодательства»²⁸.

Не были обойдены и вопросы положения крестьян-обязательный выкуп крестьянских наделов, предоставление малоземельным и безземельным крестьянам земли, установление налогов с учетом местных условий. Однако обходились вопросы о том, за счет каких земель должны наделаться крестьяне, каковы предполагаемые нормы наделов и т. д. Эта неопределенность была устранена в выступлениях депутатов Государственной думы, когда вопрос был уже конкретизирован. Но об этом несколько позже.

Петиция содержала ряд демократических требований распространение на мусульман свободы совести, слова и печати (на русском и родном языках), свободы собраний и союзов, неприкосновенности личности и жилища, введение всеобщего обязательного и бесплатного начального образования с преподаванием на родном языке и т. д. Включение этих требований имело важное значение, так как придавало ее содержанию общедемократический характер, свидетельствовало о ее направленности против национального угнетения.

В Петербург направлялись петиции от мусульман Волги, Урала, Крыма и т. д. Содержали они требования, которые перекликались с вышеупомянутой петицией²⁹. Однако этим требованиям не суждено было претвориться в жизнь. 17 апреля 1905 года был издан «высочайший указ», который обходил все просьбы и требования петиции и содержал лишь утверждение, будто всем мусульманам «не о чем больше думать, как о развитии своих духовных и материальных сил на свое и дорогой Родины благо»³⁰. Единственной уступкой самодержавия было предоставление мусульманам права выбора муфтиев, казиев и приходского духовенства и заявление о свободе изучения и исповедания своего вероучения.

Петиционная кампания продолжалась и после издания этого указа. В апреле 1905 г. в Комитет министров была представлена петиция мусульман

Елисавет-гюльской губернии³¹, наместнику на Кавказе от имени мусульманского населения Закатальского округа³². Осенью ему же было подано «ходатайство от жителей м. Сальян и Джеватского уезда»³³, прошение представителей мусульманского населения города Нухи³⁴. Все эти обращения помимо требований апрельской петиции содержали и пункты, связанные с хозяйственно-административными вопросами, проблемами местного характера. Для волеизъявления азербайджанской буржуазии использовались посещения тех или иных представителей царской администрации. Депутация 12 «именитых граждан г. Баку, принадлежащих к высшему, интеллигентному и состоятельному классу», посетив царского сенатора А.М.Кузьминского, прибывшего для ревизии г. Баку и Бакинской губернии в июне 1905 г., выразила пожелание, чтобы «мусульманам, подобно другим населяющим империю народностям, были бы даны одинаковые права политические, гражданские, религиозные»³⁵. Использовали они и поездки к наместнику на Кавказе. 10 июня 1905 г. ему представились съехавшиеся в Тифлис депутаты «от мусульман Кавказа»³⁶. Большинство депутатов принадлежали к помещицкому классу, хотя некоторые по роду занятий представляли интеллигенцию, тесно связанную с буржуазией.

Петиция, представленная ими наместнику, была написана А. М. Топчибашевым. Почти все петиции, обращения и прошения составлялись и представлялись при непосредственном участии этого видного азербайджанского общественного деятеля. Это было неслучайным. Получив блестящее юридическое образование, он обладал способностью высоко профессионально и глубоко компетентно составлять программные документы. Именно этим руководствовались лидеры мусульманского движения в России, поручая ему составление программы и устава Всероссийского мусульманского союза - «Иттифаги муслимин». Именно поэтому он, уже отстраненный после разгона I Государственной думы от парламентской деятельности за подписание выборгского воззвания, неоднократно приглашался в Петербург для принятия участия в работе мусульманской фракции Государственной думы всех созывов, особенно в тех случаях, когда фракции надо было принять решение по обсуждаемым в Думе важным законопроектам. Мы ниже более подробно остановимся на общественно-политической деятельности А. М. Топчибашева. Здесь же считаем уместным привести отзыв о нем популярного среди мусульман России печатного органа «Тарджуман». Высказывая свое отношение к предложению «персидского правительства важного поста в Министерстве юстиции» А. М. Топчибашеву, газета писала: «Топчибашев принесет на новом посту большую пользу, но таких людей мусульмане России считают единицами и сами нуждаются в их опыте, энергии и знаниях»³⁷.

А. М. Топчибашев во время визита к наместнику дал разъяснения пунктам петиции. Признав пожелания, изложенные в документе, вполне

справедливыми, наместник обещал обратить особое внимание на открытие школ на родном языке, открытие женского учебного заведения и мусульманского духовного учебного заведения. Пообещав также оказать содействие изданию газет и журналов, книг на родном языке, наместник счел в принципе возможной отмену некоторых стеснительных условий цензуры. Однако анализ беседы у наместника показывает, что он просто хотел отделаться пустословием, ссылаясь на необходимость решения большинства вопросов «в законодательном порядке», что означало бесконечную бюрократическую волокиту в различных ведомствах царского государственного аппарата. Удовлетворение небольшой части пожеланий, выраженных мусульманской делегацией, наместник ставил в зависимость от установления в крае «спокойствия».

В июле 1905 г. от имени «бакинских мусульман» наместнику было представлено ходатайство, в котором ставился вопрос о скорейшей отмене ограничений для мусульман при выборе Бакинской городской думы и о приостановке выборов ее нового состава на 1905-1909 гг.³⁹. Одновременно наместнику были направлены прошения об утверждении уставов Мусульманского благотворительного общества и Общества распространения грамотности среди мусульманского населения наместничества Кавказского. В начале августа все три ходатайства были представлены А.М. Топчибашевым, и бакинские газеты поспешили сообщить, что этим ходатайствам «дан надлежащий ход и есть полная надежда на благоприятное их разрешение в скором будущем»⁴⁰. Тем не менее, разрешение на открытие благотворительного общества и общества грамотности было получено в конце 1905- начале 1906 г., а ограничения в выборах мусульман в городскую думу, как и другие правоограничения, не были ликвидированы в условиях царского режима.

В своих петициях, прошениях и визитах азербайджанские буржуазные идеологи последовательно добивались разрешения на издание газеты на родном для коренного населения языке и об облегчении цензуры. 22 апреля 1905 г. канцелярия наместника сообщила в Главное управление по делам печати, что А. М. Топчи-башеву разрешено издавать в Баку «ежедневную газету на татарском (азербайджанском. - Д. С.) языке „Гайят“» («Хаят» — «Жизнь». - Д. С.)⁴¹. Газета финансировалась Г.З.Тагиевым⁴². Государственным цензором был определен А. Атамалибеков, ответственными редакторами - А. Агаев и А. Гусейнзаде⁴³. К участию в газете привлекались «все лучшие мусульманские силы из числа пишущих мусульман Кавказа, Казани, Крыма, Уфы и пр.»⁴⁴.

6 июня 1905 г. з знак выхода газеты был отслужен молебен и состоялось торжественное собрание «знатных лиц Баку». На собрании председательствовал губернский казий⁴⁵. Присутствующие приветствовали Г.

3. Тагиева и благодарили его «за проявленную преданность нации»⁴⁶. В этот же день за подписью Г. З. Тагиева и редакторов газеты А. Агаева и А. Гусейнзаде была послана благодарственная телеграмма наместнику с пожеланиями «сил и здоровья на благо всего Кавказа»⁴⁷. Будучи единственным печатным органом на азербайджанском языке, газета привлекала внимание представителей различных общественно-политических течений.

Одним из требований, выдвигаемых в ходе петиционной кампании в 1905 г., было введение земства. В июле 1905 г. в телеграмме главноначальствующему гражданской частью на Кавказе Я. Д. Маламе наместник отметил целесообразность и возможность введения на Кавказе положения о земских учреждениях⁴⁸. На заседании Совета наместника в Тифлисе он выступил с речью, в которой изложил основные принципы предлагаемой земской реформы в крае, подчеркнул необходимость подготовки специального «Положения» об этой реформе⁴⁹. Он обещал также созвать в Тифлисе представителей от всех сословий и городов. Совещание состоялось 16 июля 1905 г. На нем принял участие 59 человек - представители царской администрации на Кавказе, помещики и капиталисты, редакторы крупнейших местных газет и др.⁵⁰. Большинство выступивших предложило широко ознакомить население края с «Положением» 1864 г., согласно которому сфера деятельности земства была строго ограничена узким кругом чисто хозяйственных вопросов.

«Положение» было переведено на азербайджанский язык А. Агаевым и при содействии Г. З. Тагиева опубликовано в августе 1905 г.⁵¹.

Азербайджанская буржуазия с восторгом встретила сообщение о подготовке к введению земства, принимая его как возможность добиться самоуправления краем, самостоятельности в решении местных вопросов. Выражая ее устремления, А. М. Топчибашев именовал «день 16 июля навсегда памятным в летописях» Кавказа, считая его «началом реформ», приветствовал «возможность и целесообразность введения на Кавказе земских учреждений»⁵².

По указанию наместника было опубликовано «Земское положение», за основу которого взято «Положение» 1864 г.⁵³. Низшей земской единицей признавалось всесословное земское участковое управление. В Закавказье, в отличие о центральных губерний, предполагалось создать более мелкую земскую единицу в составе небольшого числа сельских обществ. Звеном покрупнее считалось уездное земство, гласные которого должны были избираться на особых участковых собраниях и на особых избирательных собраниях наиболее крупных плательщиков земских сборов. Общее число уездных гласных делилось поровну между крупными землевладельцами и остальными. Практически это означало, что землевладельцы должны были

располагать таким же числом гласных, как и десятки тысяч трудящихся. Высшей земской инстанцией в крае предполагалось окружное земство с представительством в нем по два гласных от каждого уезда⁵⁴. Проект предусматривал строгий административный надзор за земскими учреждениями, возложенный на членов Совета наместника от Министерства внутренних дел, губернаторов и уездных начальников, что отвечало целям колонизаторской политики царизма. По указанию наместника, уездные и губернские совещания должны были состояться до сентября. К 15 сентября протоколы их следовало представить в канцелярию наместника⁵⁵.

Несмотря на то, что столь сжатые сроки были помехой для более тщательной подготовки к проведению совещаний, представители азербайджанской буржуазии провели довольно активную работу и призывали принять активное участие в совещаниях. В Елисаветполе и Аджикенде на совещаниях выступил А. М. Топчибашев, разъясняя необходимость введения в Закавказье земства. Организацию уездных и губернского совещания по введению земства в Елисаветпольской губернии осуществляли представители социальных верхов - А. Зиатханов, А. Рафибейли, А. Хасмамедов⁵⁶.

17 август 1905 г. было проведено первое совещание по организации земских уч нии. Совещание назначило проведение усомний на 28 августа, а с 9 по 13 сентября наметило губернское совещание в г. Баку. В конце августа прошли уездные совещания в Кубинском, Джеватском, Геокчайском, Ленкоранском, Шемахинском уездах Бакинской губернии. Выбранные на них представители на губернское совещание и в Совет наместника принадлежали к классу землевладельцев⁵⁷. 19 августа на частном совещании гласных Бакинской городской думы были намечены представители на губернское совещание (по инструкции наместника город Баку мог быть представлен на губернском совещании 10 представителями)⁵⁸, утвердить их предстояло на заседании городской думы 22 августа⁵⁹. Однако августовские события в Баку, обострение межнациональных столкновений, пожары на промыслах, революционные выступления трудящихся отложили заседание Думы. На уездном совещании, состоявшемся только 21 сентября, интересы городской думы представляли и. о. городского головы К.Сафаралиев и член Бакинской городской управы М.Г.Гаджинский, который председательствовал⁶⁰. В совещании участвовали представители владельцев крупных и средних промышленных и торговых предприятий, судовладельцев, землевладельцев и др.⁶¹.

Совещание приветствовало обещание введения земских учреждений в крае «как акт доверия правительства населению», выразило благодарность наместнику. На нем было принято постановление, которое категорически высказывалось против деления землевладельцев на крупных и мелких. Право голоса предоставлялось владельцам земли в одну или более десятин, а также

владельцам торгово-промышленных предприятий с 6000 рублей годового оборота. Устанавливался имущественный ценз для городских жителей не ниже, чем в тысячу рублей⁶². Тем самым трудящиеся массы лишались возможности иметь представителей в земских учреждениях. Были избраны также представители на губернское совещание. Ими оказались: И.Гаджинский, М.Г.Гаджинский, Р.Селимханов, А.Селимханов (он же был избран в Совет наместника), Н.Амираслаиов, Э.Мамедови др.⁶³.

27 сентября в Баку с участием 33 уполномоченных открылось губернское совещание. За некоторым исключением на нем присутствовали выходцы из помещиков и буржуазии, представители интеллигенции. Председательствовал на собрании М. Г. Гаджинский. Он заявил, что, «все население получает право личного участия в управлении, а вместе с тем возможность самостоятельной работы и развития личной инициативы»⁶⁴. При этом устанавливался образовательный ценз - гласный должен был иметь среднее образование⁶⁵, что свидетельствовало об ограничении круга лиц, которые могли быть избранными в состав учреждения. Высказывалось также мнение о том, чтобы при наместнике был учрежден Особый совет из выборных на уездных и губернских совещаниях лиц для окончательного решения «всех земских дел Кавказа»⁶⁶. В Совет наместника от Баку был избран М. Г. Гаджинский. После особого ходатайства городской думы это куцее «представительство» было пополнено двумя гласными Бакинской городской думы — И. Гаджиевым и А. Сапаровым⁶⁷.

В Елисаветпольской губернии ввиду нарастающего крестьянского движения не удалось провести уездные совещания, что сорвало и, проведение губернского совещания⁶⁸.

В конце августа 1905 г. проходили совещания по введению земства в Закатальском округе. Присутствовали на них владельцы торговых и промышленных заведений, представители от города Закатал, сельских обществ и т. д. Высшим земским органом в крае признавалось Кавказское земское собрание, которое должно было объединять уездные и губернские совещания, заниматься общекраевыми вопросами - проведением дорог, постройкой мостов, открытием высших учебных заведений, ведать медицинским обслуживанием и т. д.⁶⁹.

Земская кампания 1905 г. не дала никаких результатов. Эта идея была обречена на провал, ибо, как писал В. И. Ленин о реформе 1864 г.: «...земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку се всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством»⁷⁰.

В 1909 г., когда вновь проводили губернские совещания по вопросу о

введении земства (кстати, опять-таки ни к чему не приведшие, земство в Азербайджане так и не было введено), наместник в своем обращении к губернаторам Закавказья вынужден был признать, что «...еще в 1905 году, вскоре после моего вступления в управление краем, были созданы по моему распоряжению уездные и губернские совещания из представителей, избранных населением, для обсуждения вопросов, связанных с введением в Закавказском крае земской реформы. Но вследствие особых условий того времени совещания эти в некоторых уездах не могли состояться вовсе, а состоявшиеся — не дали надлежащего материала для постановки вопроса на практическую почву. Обстоятельства эти... не позволили своевременно приступить к осуществлению намеченного преобразования»⁷¹.

Газета «Каспий» объясняла безуспешность земской кампании «общими условиями русской жизни», одновременно продолжая внушать массам необходимость введения земства, которое если даже «выполнит только часть программных задач и при том задач аграрно-экономического характера», то и в том случае Закавказье сделает крупный шаг вперед⁷². Это высказывание газеты, отражавшее общее настроение того времени, безусловно заслуживает внимания, ибо введение земства социальными верхами Азербайджана рассматривалось как первый этап к самоуправлению региона, к ликвидации политического и национального неравенства.

Большие надежды возлагала буржуазная печать на учреждение Государственной думы, проект которого был составлен А.Г.Булыгиным. В передовой статье газеты «Каспий» от 5 августа булыгинский проект характеризовался как «исторический акт», огласка и обсуждение которого «удалят все сомнения и принесут только пользу великому делу обновления нашего государственного строя»⁷³. Сообщалось также, что копия проекта Булыгина послана на заключение наместнику Кавказа. С этим связывались надежды, что последний привлечет к обсуждению «местные силы».

6 августа телеграф сообщил об «Учреждении Государственной думы» и ознакомил с Положением о выборах в Думу. Роль Государственной думы ограничивалась предварительной разработкой и обсуждением законодательных предположений и рассмотрением росписей государственных доходов и расходов⁷⁴. Самодержавие оставалось неизменным. Царь объявил, что сохранит «всецело за собой заботу о дальнейшем усовершенствовании» этого нового учреждения.

Созывом булыгинской думы царское правительство стремилось укрепить в народе конституционные иллюзии. Хотя либеральная буржуазия была не вполне удовлетворена булыгинской Думой, тем не менее она решила участвовать в Думе. Азербайджанская буржуазия была в восторге от этого обещания царя - «первый шаг в области коренных реформ», «великая внутренняя реформа начата, архаический строй постепенно отодвигается в

область истории и русское общество накануне светлой, свободной жизни, строгого правопорядка, разумного труда и широкого контроля»⁷⁵. Оправдывая установку - «в заседание посторонние не допускаются», она пыталась объяснить это «условиями переживаемого времени». не видя в том стремление «ограничить гласность»⁷⁶.

Хотя в «Положении о выборах в Государственную думу» было довольно откровенно сказано, что население национальных окраин России будут избирать в Думу лишь «на основании особых правил», которые будут еще разработаны, и что в Думу не могут быть избраны «лица, не знающие русского языка»⁷⁷, идеологи азербайджанской буржуазии заявили о том, что пока «несвоевременно входить в оценку отдельных пунктов опубликованного акта»⁷⁸. Национальная буржуазия очень надеялась на представительство в Думе, рассчитывая на «соответствующее место в ней»⁷⁹. Еще и еще раз в ходе этих событий она поднимала вопрос о необходимости предоставления свободы слова и печати, отмены цензуры⁸⁰.

Сформулировав в 1905 г. в целом свои требования, чаяния и нужды, азербайджанская буржуазия, ее идеологи в дальнейшем использовали всякую возможность для их представления. Так, в 1906 г. в ходе работы так называемого «примирительного» съезда в Тифлисе, созданного наместником в связи с обострившимися межнациональными столкновениями, почти каждый азербайджанский участник его затрагивал в выступлении то или иное положение апрельской петиции. Следует отметить, что требования при этом конкретизировались и определялись пути их реализации.

Съезд открылся 20 февраля 1906 г. в большом зале дворца наместника в Тифлисе. Состав съезда был довольно-таки представительным. На нем присутствовали все члены Совета наместника, губернаторы, представители азербайджанцев и армян, духовные лица. География представительства была обширна. По социальному составу оно было однородным - выходцы из социальных верхов. Азербайджанское население представляли: от Тифлиса - присяжный поверенный М.Шахмалиев, Г.Едигаров, Ш.Мирзоев, казий Мовлазаде; от Эривана - А. Эриванский, А. Гаджибеков; от Нахичевани - Э.Султанов, М.Шахтагтинский; от Елисаветпольскою уезда - А.Хасмамедов, А.Зиатхаиов; от Зангезурского уезда - Д.Султанов; от Шушинского уезда - Д.Нурибеков, К.Исабеков, И.Кулиев; от Нухинского уезда - Г.Джалил; от Казахского уезда - И.Векилов; от Арешского уезда - С.Султанов; от Ахалкалахского уезда - М.Палавандов; от Борчалипского уезда - Р. Ахундов, А.Ахвердиев; от Баку - А.Агаев, А.М.Топчибашев, К.Карабеков, И.Гаджиев⁸¹. Присутствовали представители буржуазной прессы - «Тифлисский листок», «Кавказ», «Новое обозрение», «Мшак», «Арач», «Каспий», «Иршад»⁸². Председателем редакционной комиссии съезда был избран А. М. Топчибашев.

Во вступительной речи наместника графа И. И. Воронцова-Дашкова

отмечалось, что все его старания в течение года, направленные на предотвращение «безумной резни мусульман с армянами», привели лишь к «некоторой локализации зла, к некоторому затишью». Теперь же они собрались для того, чтобы обсудить административные меры, которые «могли бы оказать действительную пользу». «Не в том вопрос, кто виноват в этой смуте, а какие средства действительны для прекращения зла, губящего материальное благосостояние страны. Оно на руку только разбойникам и революционным организациям»⁸³, — заключил он.

Позиция представителей от Азербайджана ясно видна из статьи «Надо быть осторожными», помещенной к газете «Иршад». Газета считала, что лучше было бы пригласить на съезд представителей тех местностей, где не было столкновений, где жили по-братски — «вот эти-то делегаты откроют вам глаза, и тогда вы увидите, что между нами нет никакой вражды»⁸⁴.

На съезде было решено провести частные совещания, в результате которых каждая сторона должна была выработать программу, а затем обсудить их на совместных заседаниях.

23 февраля 1906 г. генералу Маламе, который был уполномочен заместителем председательствовать на заседаниях, а затем доложить ему подробно о всех выдвинутых соображениях, были представлены программы. Программа азербайджанской стороны была оглашена А. Агаевым, который отметил, что при ее составлении имели в виду «скорый и прочный мир и возможно скорое выполнение условий мира»⁸⁵.

Анализ пунктов программы показывает, что наряду с предложениями, которые, по мнению составителей, могли бы привести к успокоению края, были и общедемократические требования. А. Зиятханов в процессе обсуждения ее отмечал, что «делегаты-мусульмане, составляя программу, не задавались целью проводить в ней свои политические идеалы, а исключительно поставили пункты, которые могут, по нашему глубокому убеждению, привести к успокоению взволнованного края. Нужно сначала употребить в дело все средства для установления искреннего и нерушимого мира, а потом заводить речь о манифесте 17 октября и о всяких свободах в нем изложенных, пока же эти кровавые события висят как дамоклов меч над нами, до тех пор ни о какой свободе нельзя и мечтать, а свобода нужна и мусульманам, как нужен им воздух»⁸⁶.

И тем не менее программа содержала наболевшие проблемы-введение в крае всеобщего, обязательного, бесплатного обучения в начальной школе, фактическое осуществление уравнивания правового положения всех слоев населения, учреждение при заместителе для умиротворения населения особого совещания выборных от населения.

А. М. Топчибашев органически увязал все обсуждаемые вопросы - о причинах столкновений, о создании условий жизни лицам, вынужденным

оставить насиженные места и т. д., с программой всеобщего обучения. Он полностью солидарен был с А.Агаевым, который отметил, что «среди десяти тысяч населения нет и десяти грамотных», считал, что «всему можно положить конец одним образованием», для чего предложил обложить «весь край особой податью, которую мусульмане с готовностью заплатят». Подчеркивая огромное значение вопроса о введении в крае всеобщего, обязательного, бесплатного обучения в начальной школе, он разъяснял: «Все политические партии в России и общественные группы, без различия оттенков, вносят этот кардинальный вопрос государственно-общественного благополучия в свои платформы и ставят его во главу угла своих требований»⁸⁷. Провозгласив эту необходимость, А.М.Топчибашев, имеющий солидный опыт по формулированию требований, по составлению целого ряда документов, петиций, автор многочисленных статей, на этом совещании постарался дать практические рекомендации для претворения его в жизнь: прежде всего обязательное обучение, при условиях всеобщности и бесплатности, должно вестись в начальной школе на родном языке. «Этот принцип, - отмечал он, - уже провозглашен наместником графом Воронцовым-Дашковым как удовлетворяющий основному требованию рациональной педагогики»⁸⁸. Однако, продолжал он, мусульмане не могут воспользоваться уже предоставленным правом обучения детей на родном языке, так как у них нет «соответствующего для этого учительского института» для подготовки учителей родного языка. Татарское отделение при Закавказской учительской семинарии, в котором царил, «как и в других учебных заведениях, полицейский режим и какая-то «политика» начальства, не имеющая ничего общего со святым делом обучения»⁸⁹, не отвечало интересам мусульман. А.М.Топчибашев предлагал перенести татарское отделение Горийской семинарии в один из азербайджанских городов, преобразовать его в учительский институт, открыть мусульманскую духовную семинарию⁹⁰. Он ставил вопрос также, и о том, чтобы в обсуждении жизненных интересов мусульман учитывалось мнение их самих, чтобы им предоставлялось право участия не только в хозяйственных вопросах учебных заведений, но и в учебно-воспитательной.

Вопрос о перенесении «Горийской семинарии в другой город в центре азербайджанского населения» ставил и Н. Нариманов в своей статье, помещенной в газете «Хаят» 18 июня 1906 г. Мотивировал он это тем, что, прежде всего, надо изменить программу обучения в ней. Она призвана готовить учителей, которые должны знать свой язык, литературу, религию и учить детей в начальных школах в соответствии с требованием времени; готовить для народа и родины воспитанных, образованных детей. Он предлагал увеличить выпуск учителей в год с 10 до 40. Эти проблемы можно было бы решить, создав помимо семинарии в Гори, еще 2-3 семинарии и

притом в центрах с азербайджанским населением: в Баку, Гяндже и т. д. «В Горийскую семинарию принимается не больше 60 учеников и, повторяем, в Гори нет постоянно живущих азербайджанцев. А если их нет, то не будет учащихся, приезжающих извне»⁹¹.

На отмеченном выше съезде развернулась дискуссия о всеобуче, о типах школ. На опасения К.Карабекова, что всеобуч будет затруднен разбросанностью, тифлисский губернатор барон Рауш-фон-Траунтенберг, который со своей стороны также приветствовал введение всеобщего обучения и скорейшего его осуществления, посоветовал заимствовать опыт Финляндии и Швеции - создавать передвижные школы. А.М.Топчибашев считал возможным такое лишь при условии большей самостоятельности общества и устранения «полицейского порядка, который до сих пор царит в школьном деле»⁹². Одним из типов школ была предложена И. Векиловым — смешанная школа в местах смешанного проживания, к которых вероучение преподавалось бы муллами и священниками, а обучение языкам велось бы совместно. К.Карабеков предложил альтернативный вариант группировки контингента учащихся.

Итог обсуждения пункта программ по образованию генерал Маламе сформулировал следующим образом: «Необходимо ввести всеобщее начальное образование в крае, для чего народ готов дать в помощь казне необходимые средства, перенести учительский институт в мусульманский центр, открыть в мусульманском центре мусульманскую духовную семинарию, не ставить препятствия к группировке селений, соединить шиитскую и суннитскую духовные школы в Тифлисе в одну»⁹³. Этот вывод в жизнь претворен не был.

Программа азербайджанской делегации содержала пункт и о фактическом осуществлении уравнивания прав мусульман с остальным населением Кавказа. Прежде всего речь шла об отмене 44-й статьи городского положения, согласно которой число гласных - мусульман в органах городского самоуправления не могло превышать половины числа гласных. Хотя, как сообщил А.М.Топчибашев, по личной инициативе наместника были сняты ограничения при выборах в городскую думу в Елисаветполе, статья 44-я еще была в действии. Ограничения оставались и при выборах в Бакинский биржевой комитет и арбитражный суд. При таком положении дел, отмечал А. М. Топчибашев, индифферентизм мусульман вполне объясним.

Говоря о необходимости устранения ограничений в области вероисповедания, А. Агаев поставил собравшихся в известность, что он 11 лет состоял преподавателем среднего учебного заведения и не был утвержден только потому, что он мусульманин. В уравнивании в правах он видел путь к преодолению трений между народами⁹⁴. «Для того, чтобы мусульманин стал присяжным поверенным, - отметил А.Зиатханов, - требовалось утверждение

министра юстиции». «Долой всякие национальные ограничения», - провозгласил архимандрит Егише Мурадиан, вызвав единодушное одобрение собравшихся⁹⁵.

Вновь поднимался вопрос о справедливом правосудии, который являлся краеугольным камнем наведения правового порядка в стране, а вместе с тем мира и спокойствия. Большие надежды возлагал А.М.Топчибашев на Государственную думу, которая свою деятельность должна начать с пересмотра судебного законодательства. Судебные уставы 1864 года были введены на Кавказе в сокращенном виде, игнорировалась выборность мирового судьи, суда присяжных. Ненормальной была организация предварительного следствия. Ввиду отсутствия настоящих следователей, оно находилось в руках кандидатов на судебные должности и помощников мировых судей. А. М. Топчибашев выразил пожелание видеть на Кавказе «не суррогат судебных следователей, а настоящих следственных судей, могущих своей опытностью и независимым положением быть свободными в отправлении столь важных следовательских функций. Если сверх сказанного припомнить, что девять десятых и даже больший процент производителей предварительного следствия — люди, не знающие языка местного населения, ни нравов, ни быта и всех особенностей его». Он провозглашал свое предложение — введение в строй судебных учреждений судебной полиции⁹⁶. На трех принципах судебных уставов Александра II остановился А. Зиятханов — суд скорый, правый и милостивый. Он признал, что после судебной реформы в Азербайджане суд здесь стал в определенной степени «правдивым и милостивым». Однако скоростью он не отличался. Пример — «процесс помещиков Шахмалисовых тянется почти 100 лет»⁹⁷.

На съезде была принята резолюция, зачитанная 4 марта. Предложения азербайджанских представителей в ней сводились к следующему: 1) введение всеобщего, обязательного, бесплатного обучения в начальной школе, предоставление населению возможности группироваться в более крупные единицы в целях устройства и содержания школ, а где возможно введение передвижных школ, в селениях же со смешанным населением — учреждение смешанных школ, предоставление в деле школьного дела юридических прав как в хозяйственной, так и в учебно-воспитательной сфере, учреждение учительской и духовной семинарий; 2) обеспечение законодательным путем фактического полного равенства мусульман в правовом отношении с другими национальностями, снижение ценза, установленного для выборов по общественному самоуправлению; 3) введение суда присяжных, выборности мировых судей, знающих местные языки, введение института опытных следователей, судебной полиции, выборных третейских судей, усиление состава судебных следователей, строгий выбор надежных переводчиков с образовательным цензом, Участие адвокатуры в производстве

предварительного следствия и т. д. Претворение же их в жизнь они связывали с наместником, с его благорасположенностью к ним. И как бы в помощь они предлагали учредить при наместнике особое совещание из выборных от населения. «Теперь, когда с высоты престола раздался мощный голос, призывающий представителей русского народа к участию в делах государственных (имеется в виду Государственная дума. - Д.С), голос кавказского населения также будет услышан», — верил А. М. Топчибашев и спешил уверовать в том других. Он надеялся, что временное особое совещание может приобрести в дальнейшем значение постоянного представительского органа при высшем правителе края, значение общекавказского сейма⁹⁸.

Выступая 6 марта на заключительном совещании съезда, наместник, с присущей ему способностью давать обещания, и тем самым рассчитывая хотя бы на время успокоить население края, заявил, что "«вопросы, намеченные совещанием относительно мер просветительных и по уравниванию мусульман в правах с другими национальностями, уже разрабатываются центральным правительством и, следует думать, будут разрешены в желаемом совещанием смысле». Он заверил также, что им будут приниматься все «зависящие от пего меры к распространению грамотности среди населения и постановке школьного дела на должную высоту»⁹⁹. В связи с этим он остановился на возможности открытия учительской семинарии в более удобном месте, чем Гори. Что же касается вопросов, решение которых было не в его компетенции, он обещал возбудить ходатайство о них в установленном порядке. Делегаты настолько прониклись доверием к представителю царской власти на Кавказе, что заявление И. Гаджиева: «В память о нынешних совещаниях при наместнике учредить высшее учебное заведение для Кавказа в Тифлисе имени наместника и с этой целью открыть подписку по всему краю»¹⁰⁰ было встречено с завидным единодушием всех собравшихся. На этих мажорных тонах съезд завершил свою работу.

Насколько был искренен наместник, делегаты убедились, не успев доехать до своих мест. На совещании 6 марта были избраны азербайджанские делегаты на особое совещание при наместнике. Ими оказались А.М.Топчибашев, И.Векилов, А.Зюльгадаров, М.Шахмалиев, А.Казаналипов (кандидатами к ним - И.Зиатханов и М.Эминов). 17 марта директор канцелярии наместника сообщил, что еще нет никаких распоряжений по поводу создания губернских и уездных примирительных комиссий. И лишь 6 апреля пришла телеграмма от наместника о создании этих комиссий, но права их оговаривались совещательным голосом по всем вопросам межнациональных отношений. Мы столь подробно остановились на работе этого съезда потому, что на нем были подняты вопросы, которые частично иредворяли будущую платформу азербайджанских депутатов в Государственной думе.

Азербайджанская буржуазия стремилась к объединению с мусульманской буржуазией окраин Российской империи, которая также находилась в тисках политического бесправия.

Организационное оформление устремлений мусульман России к единению в 1905 г. явилось тем фундаментом, на котором консолидировались силы мусульманских депутатов в Государственной думе в рамках единой фракции. В. И. Ленин в «Докладе о революции 1905 года» писал: «В России больше половины, почти три пятых (точно: 57 проц.) населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка, их насильственно русифицируют»¹⁰¹.

В условиях острых классовых боев, развернувшихся в стране в 1905 г., мощного освободительного движения в очень короткий срок возникла политическая организация мусульман России - Всероссийский мусульманский союз, именуемый «Иттифаги муслимин». В.И.Ленин, тщательно анализировавший каждое событие исторического 1905 г., так оценил этот факт: «...мусульмане, составляющие десятки миллионов населения России, с изумительной быстротой организовали тогда - это была вообще эпоха колоссального роста различных организаций - мусульманский союз»¹⁰².

Инициаторами объединения были представители буржуазии и буржуазной интеллигенции крымских и казанских татар - Р.Ибрагимов, Ю.Акчурин, И.Гаспринский. Активное участие в подготовительной работе принял А.М.Топчибашев.

Вопрос о создании Всероссийского мусульманского союза, идея созыва учредительного съезда этой организации возникли еще в начале 1905 г. Оформление союза произошло в июне 1905 г. в Чистополе, где собралось до 500 человек. Поводом для этой встречи послужила так называемая «чистопольская свадьба» (мулла Кемалоя выдавал замуж сестру). Свадебные торжества превратились в общественное собрание, где была даже вынесена резолюция. Отстаивая идею конституционной монархии, участники совещания высказывались также за осуществление свободы совести и религии, слова, печати, собраний, сходок, за «народное представительство» при всеобщем и равном избирательном праве¹⁰³.

Сторонники объединения мусульман на политической платформе испытывали на себе влияние прогрессистов — политической группировки русской либерально-монархической буржуазии, которая под флагом «беспартийности» пыталась объединить элементы из разных буржуазнопомещичьих партий и групп¹⁰⁴. И поэтому, сообщая о созыве 12 августа 1905 г. в Нижнем Новгороде организационного совещания по подготовке съезда, газета «Тарджуман», издававшаяся в Бахчисарае, издателем и редактором которой был И.Гаспринский - широко известный в мусульманском мире общественный деятель и публицист, отмечала, что это

совещание устраивают мусульмане-прогрессисты¹⁰⁵.

Первый учредительный съезд Союза состоялся 15 августа 1905 г. в Нижнем Новгороде во время нижегородской ярмарки¹⁰⁶. На съезде были представлены различные слои и группы мусульманского населения России, причем довольно значительным было представительство буржуазной интеллигенции и мелкой буржуазии. В выступлениях в основном раздавались призывы к «единению» всех мусульман России. В качестве практических задач выдвигалось, прежде всего, уравнивание мусульманских помещиков и капиталистов в правах с русскими господствующими классами. Это не могло не привлечь представителей азербайджанской буржуазии которая все петиции и прошения начинала именно с этих требований. В решениях съезда отмечалось, что «мусульманам России во всех вопросах - политических, культурных, а также в вопросах, возникающих в зависимости от настоящего положения России, необходимо быть солидарными»¹⁰⁷, а для достижения требований предполагалось учредить местные собрания, которые должны были собираться периодически¹⁰⁸.

Зависимость мусульманской буржуазии от русского капитала наложила отпечатки на программные документы Всероссийского мусульманского союза. В принятых решениях подчеркивалось, что борьба за уничтожение существовавших в отношении мусульман притеснений и бесправия, за уравнивание их с русскими в политических, религиозных и имущественных правах будет осуществляться «законными способами», что «мусульмане, в деле устройства своих нужд», будут ориентироваться на настоящее и будущее»¹⁰⁹. Требования преподносились как «положения». В документах встречаются заявления о том, что «мыслящие мусульмане, будучи единомышленниками с передовыми русскими людьми, принимают участие в деле установления такого порядка, но которому законы составлялись бы при участии избранных народом представителей его, «как и провозглашение стремления» к всестороннему развитию мусульман путем открытия школ, издания книг, газет и журналов»¹¹⁰ и т. д.

II и III съезды мусульман России организационно упрочили «Иттифаги мусульмин». На них был принят устав, определена программа Союза.

Азербайджанские буржуазные идеологи приняли самое активное участие в работе этих съездов. Достаточно сказать, что программа и устав Союза были написаны А. М. Топчибашевым.

II съезд состоялся 13-23 января 1906 г. в Петербурге, в нелегальных условиях, без официального разрешения. Присутствовало на нем около 100 человек - представители помещиков, буржуазии, духовенства и буржуазной интеллигенции¹¹¹.

Прежде чем собраться на съезд, идеологи татарской либеральной

буржуазии решили договориться с русскими кадетами об основах программы и о возможности заключения с ними избирательного блока. С этой целью члены «Союза мусульман» Ю.Акчурин и С.Алкин приняли участие на съезде конституционно-демократической партии в январе 1906 г. в Петербурге. Участие их не было лишь созерцательным. Они обратились к съезду со специальным заявлением, в котором, изложили готовность Союза принять программу кадетов. «По нашему мнению, — писали они, — конституционно-демократическая партия не является специфически русской организацией, наоборот, она представляет из себя партию различных народностей. Доказательством этого может служить то обстоятельство, что на этом съезде присутствуют представители различных народов. Хотя распространение идей кадетской партии среди мусульман поставлено не особенно удовлетворительно, но, несмотря на это, основные мотивы ее программы имеют значительный успех...»¹¹². Далее, от имени Союза заявлялось, что кадеты могли бы пользоваться у мусульман большей поддержкой, если бы внесли в свою программу некоторые изменения и дополнения, соответствующие интересам мусульман, тогда и отдельные мусульмане и Союз в целом без колебаний присоединились бы к конституционно-демократической партии.

Делегаты съезда кадетов, считая, что заявление Союза вполне совпадает с основной идеей программы партии, приняли все положения и предложения мусульман. К этому призвали лидеры кадетской партии Гессен и Петражицкий. Орган казанских либералов с удовлетворением оповещал своих читателей: «Второй съезд конституционно-демократической партии принял почти все положения мусульман»¹¹³.

В работе II съезда мусульман активно участвовали представители мусульман Азербайджана: редактор газеты «Каспий» А.М.Топчибашев, врачи К. Карабеков и А. Х. Ахундов¹¹⁴.

Съезд обсудил проекты устава и программы Союза, его тактику на выборах в I Государственную думу. Деятельность мусульманской фракции в Думе протекала в соответствии с установками, выработанными на данном съезде.

На съезде был принят устав. В 23-х его пунктах мусульманам России предлагалось образовать единую политическую партию и действовать как целостная организация. Предусматривалось создание из губерний России, населенных мусульманами, шестнадцати районов с центрами: в районе Кавказа - Баку, Крыма - Симферополь, Москвы и Петербурга - Петербург, в Нижнем Поволжье - Астрахань, в Верхнем Поволжье - Казань и т. д. Во всех этих пунктах предполагалось учредить районные собрания, которые должны были подчиняться всеобщему (Всероссийскому) съезду, а в промежутке между съездами - главному Совету «Иттифага». Устав предполагал сбор

взносов с членов Союза в размере от 50 коп. до 5 рублей, а также, помимо членских взносов, прием пожертвований «в угоду богу». Собранные суммы должны были расходоваться по постановлениям районных собраний. Устав предусматривал ежегодный созыв всероссийских съездов, на которых должны были участвовать с решающим голосом по два делегата от районных и по одному - местных (городских) собраний. Члены Союза обязались подчиняться постановлениям съезда.

Съезд принял временную программу Союза, почти полностью совпадающую с программой кадетов.

По вопросу о тактике на выборах в Государственную думу, которому придавалось довольно серьезное внимание, съезд единодушно постановил присоединиться к кадетам, заявив, что это является наилучшим решением для мусульман. Этим Союз оформил свой блок с кадетами, которые, в свою очередь, охотно блокировались с местными буржуазными идеологами. Последних же привлекал пропагандируемый лидером кадетов-доктринеров П. Б. Струве «творческий национализм». Последний сводился по существу к следующему: 1) отказу от грубонасильственных методов русификации и национального угнетения, пропагандируемых правыми; 2) предоставлению нерусским народам права пользоваться родным языком в школе, суде и земском самоуправлении. На самом же деле цели «творческого национализма» были те же, что и у правительства: упрочение империи, целостность и неделимость России. Разница была лишь в средствах¹¹⁵.

Несмотря на конечные цели выдвигаемых кадетам лозунгов, они на протяжении начала XX века привлекали буржуазных идеологов окраин России, рассчитывающих получить расширение прав и привилегий в рамках империи. Особенно упорно они выступали как за преподавание родного языка в школах, так и за открытие школ на родном языке. Развитие национального языка имело огромное значение для формирования и развития нации, ее интеллигенции, интеллектуального потенциала общества. Поэтому борьба представителей мусульманской буржуазии и интеллигенции, в том числе азербайджанской, в этой области имела положительное значение. Однако она встречала ярое сопротивление националистов, реакционеров всех мастей. К примеру — обсуждение этого вопроса в III Государственной думе Так, 3 апреля 1908 г. точка зрения правительства в Думе была представлена в отзыве министра народного просвещения А.А.Шварца на проект плана государственной обороны, представленный Военным ведомством. Шварц предлагал развивать и укреплять в школе русское национальное чувство, и поэтому всячески устранять «притязания инородцев на национализацию школы». «Школа должна быть национальна и консервативна, — утверждал Шварц, — и никакие в этом отношении послабления не должны быть терпимы»¹¹⁶. Об открытии высших учебных заведений, что значилось во всех прошениях,

петициях и выступлениях членов мусульманской фракции, не могло быть и речи. Что же касается частных школ, они допускались, но под строгим контролем на местах.

Кадеты охотно поддерживали местных буржуазных идеологов. Так, в феврале 1906 г. ЦК кадетской партии признал необходимым организовать постоянные сношения между представителями мусульман и центральными органами партии¹¹⁷. Большевики образно называли политику мусульманского союза «татарским кадетизмом в чалме и тюбетейке»¹¹⁸.

На III съезде мусульман, который проходил с 16 по 21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде, была принята программа «Иттифаги муслими». На съезде присутствовало около 800 человек: прибывшие на ярмарку торговцы, промышленники, учителя, муллы, издатели мусульманских газет. Председательствовал на съезде А. М. Тончи-башев.

На съезде присутствовали корреспонденты буржуазной печати, в том числе и «Иршада»¹¹⁹.

Самым значительным в деятельности съезда было принятие программы, которая включала 11 разделов и 79 параграфов. Основу ее составляли положения программы партии кадетов.

В первом же разделе, где разъяснялись политические цели организации, указывалось, что ее задачей является объединение всех мусульман России. Некоторая расплывчатость программы должна была придать Союзу видимость «внеклассовости» или «общенациональности» в целях привлечения в него широких масс. Программа Союза, подобно кадетской, отстаивала идею конституционной монархии¹²⁰. Она объявила частную собственность священной. В целях удовлетворения крестьян считалось возможным наделить их землей в необходимом размере «за счет всех удельных, государственных, кабинетских и монастырских земель». В случае же необходимости отчуждения частновладельческих земель программа считала обязательным условием вознаграждение государством помещиков «по справедливой оценке»¹²¹. В этом Союз полностью консолидировался с кадетами. В программе по существу был обойден вопрос о 8-часовом рабочем дне и высказывалось лишь пожелание определить «максимум часов нормального рабочего дня»¹²². В этом пункте программа не шла дальше царского законодательства о рабочем дне, принятого еще в конце XIX в. под натиском борьбы пролетариата.

Идеологи Союза выдвинули требование «национально-культурной автономии (создание школ на родном языке, открытие газет и журналов на национальном языке и т. д.). Рассмотрению вопросов реорганизации духовных учреждений мусульман отводилось довольно почетное место. Им же была подчинена реформа школьного дела. Предлагалось мектебы и медресе из ведомства Министерства просвещения передать в ведение мусульманского

духовенства. Было выдвинуто требование о расширении прав духовных учреждений мусульман, об уравнивании мусульманского духовенства в правах с православным духовенством, об упорядочении вакуфного дела¹²³. Эти требования отражали стремление членов Союза привлечь на свою сторону все мусульманское Духовенство.

На съезде было избрано постоянное бюро Центрального комитета Союза в составе 15 человек. В состав бюро вошел и А. М. Топчибашев¹²⁴. Было постановлено также в ЦК кооптировать еще 5 членов, трое из них представляли мусульман из Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний¹²⁵. «Иттифаги муслимин» обязал всех членов бюро ЦК активно пропагандировать решения съезда, вести разъяснительную работу среди мусульман России, агитируя за программу и устав Союза. В письме, направленном членам ЦК Союза, в частности говорилось: «Мусульмане всех районов должны действовать в соответствии с программой Союза, создавать в городах и селах региональные союзы, организационно оформлять их». Далее шло разъяснение целей организации: «Первоочередная цель организации «Иттифаги муслимин» — отстаивать интересы народа в материальных и общественных областях, выработать единую линию в реформе общины и придерживаться ее»¹²⁶. Газета «Бурхани-тарагги» поместила призыв «Иттифаги муслимин», обращенный к мусульманам России и зовущий к совести, справедливости, шариату, единству, братству и т. д. Она также сообщала, что организация создала различные комиссии в числе 23 человек. В комиссию по религии вошли А.М.Топчибашев, А.Ибрагимов, Х.Хасмамедов. В состав экономической комиссии были включены Ф. Хойский, Э.Султанов, С.Гасанов и т. д., а в состав юридической комиссии - А.М.Топчибашев, Ф.Хойский, Х.Хасмамедов¹²⁷.

Съезд возложил на избранный ЦК помимо других обязанностей и составление устава общества мусульманской партии. Устав был составлен, рассмотрен и принят на совещании ЦК 18—20 ноября 1906 г. в Москве. 30 ноября проект был представлен в Петербургское особое городское присутствие по делам об обществах для регистрации на основании временных правил 4 марта 1906 г. об обществах и союзах. Однако рассмотрение, его произошло лишь 28 февраля 1907 г., причем он был возвращен со ссылкой на некоторые формальные основания. На четвертом совещании ЦК 6 апреля 1907 г. в Петербурге была избрана временная комиссия для внесения соответствующих изменений в устав, после чего он вновь был представлен в Присутствие¹²⁸. В середине апреля 1907 г. на совещании ЦК было избрано постоянное бюро из пяти лиц для «ведения дел» «Иттифага» и для содействия внедумской работе мусульманской фракции в Государственной думе¹²⁹. В бюро вошли редакторы газет: А.М.Топчибашев - «Каспия», А.Ибрагимов - «Ульфата», С.Алкин - «Казанского вестника», Ф.Каримов -

«Вакта» и публицист Ю.Акчурин¹³⁰.

На III Всероссийском мусульманском съезде была принята резолюция по вопросу межнациональных столкновений, которая представляла обращение к духовным и светским представителям обоих народов «взять в свои руки дело взаимного примирения Закавказских мусульман с армянами и во имя человеколюбия, во имя общности интересов всех народов России в освободительном движении прекратить взаимную распрю и общими силами содействовать установлению в России разумной жизни на началах гражданской и политической свободы»¹³¹.

ЦК Мусульманского союза осуществлял руководство и деятельностью мусульманской фракции в Государственной думе. Члены его избирались депутатами Думы, принимали участие в обсуждении законопроектов, в выработке программы. При этом они руководствовались решениями всероссийских мусульманских съездов.

Лидеры Союза вели разьяснительную работу, целью которой было расширение географии отделений Союза. Придавая особое значение городу Баку, в апреле 1907 г. они делегировали своего представителя для создания в нем отделения Союза. Их инициатива была поддержана бакинской интеллигенцией. В газете «Каспий» была напечатана статья с призывом, чтобы каждый, «в ком есть хоть капля любви к своему народу, сознательно относящийся ко всему окружающему и внимательно следящий за всеми перипетиями современного поступательного движения мусульман, должен приложить все силы к созданию таких объединяющих единиц, должен стремиться к такому порядку вещей, при котором идея единства мусульман была бы обща и свята для всех»¹³². Вместе с тем газета отмечала, что представитель Союза уехал, «удрученный индифферентным отношением бакинских работников к общемусульманским вопросам». «Почетные» не явились на объявленное собрание, а участники его не дерзнули без них решить вопрос о выборе комитета¹³³. Отделение Союза в Баку создано не было. Необходимо отметить, что верхний эшелон бакинского общества сохранял равнодушие к общероссийским мусульманским объединениям на протяжении всего периода их существования.

Таким образом, период, непосредственно предшествовавший учреждению I Государственной думы, являлся периодом политического пробуждения азербайджанской буржуазии, что нашло отражение, прежде всего, в подаче петиций и прошений. В них выражалось недовольство ущемлением прав господствующих классов общества, проявлялся протест против колониальной политики царской администрации. Занимая довольно внушительные экономические позиции в народном хозяйстве Азербайджана, его верхние социальные слои не имели еще четкой политической программы и не создали своих политических партий.

Первая революция в России начала XX в. всколыхнула весь народ, создала благоприятные условия для политической активизации всех слоев общества. От спорадических выступлений и незрелых требований социально-экономических изменений социальные верхи Азербайджана приступили к сплочению своих сил для более организованных действий. Они консолидировались с представителями других мусульманских народов окраин империи, начав выработку политических требований о переустройстве государственного правления, предоставления народу более широких социальных и политических прав. 1905 год открыл перед господствующими слоями Азербайджана перспективу более кардинальных решений, лучших возможностей для того, чтобы возглавить национально-освободительную борьбу своего народа.

ГЛАВА II ПРЕДСТАВИТЕЛИ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ВЕРХОВ В I И II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Первая российская революция потрясла устои самодержавия, обнажила сущность политики классов и партий, их программы, стратегию и тактику. «Без выяснения классово-природы наших политических партий, — подчеркивал В.И. Ленин, — без учета интересов и взаимного положения классов в нашей революции нельзя сделать ни шагу вперед в деле определения ближайших задач и тактики пролетариата»¹³⁴.

В декабре 1905 г. в стране, несмотря на подавление вооруженного восстания, революционные выступления не прекращались. «Пролетариат борется, — буржуазия крадется к власти»¹³⁵, — писал В.И. Ленин, разъясняя позиции классов российского общества в этот период. Буржуазия, в том числе и либеральная, всячески старалась убедить правительство, что единственным путем к спасению монархии является созыв «народного представительства».

Царизм решил пойти на согласие с буржуазией и объявил о созыве первой Государственной думы. 11 декабря 1905 г. был издан указ царя о выборах. Согласно ему впервые предоставлялись избирательные права части рабочих. Доля участия крестьян также была незначительной. Таким образом, обеспечивалось преимущество на выборах и в самой Думе представителям социальных верхов. «...Сквозь всю эту паутину избирательного закона, — писал В. В. Боровский, — просвечивает одна мысль... растворить выборщиков от рабочих в массу других выборщиков, сделать для них невозможным проникновение в Думу»¹³⁶. Азербайджан получил право представительства в Государственной думе. Проведение выборов здесь, как; и на Кавказе в целом, было поставлено в полную зависимость от наместника. Он мог по своему усмотрению определить сроки выборов в отдельных губерниях края, мог лишить ту или иную часть населения участия в выборах, мог объединять населенные пункты в избирательные участки даже чересполосно, мог выделять из губерц. ских избирательных собраний отделения и определять количество членов Думы, избираемых в том или ином отделении из назначенного по губернию общего числа депутатов¹³⁷.

В январе-феврале 1906 г. в РСДРП прошла дискуссия по вопросу об отношении к выборам в Государственную думу. Разъясняя тактику большевиков, В.И. Ленин писал: «Наша задача — быть на своем посту в ют момент, когда думская комедия разразится в новый великий политический кризис, и своей целью мы поставим тогда не поддержку кадетов (в лучшем случае они будут только слабым рупором революционного народа), а свержение самодержавного правительства и переход власти в руки революционного народа»¹³⁸.

Самой оппозиционной партией оказалась партия кадетов. Почти во всех губерниях империи эта партия, развернув активную предвыборную агитацию и пропагандируя свою платформу, одержала победу на выборах. Это произошло потому, что в данных условиях кадеты в наибольшей степени выражали интересы широких слоев населения. Они не только заявляли, что стоят за «единство и нераздельность России», а всячески стремились раскрыть пути к достижению этого единства. Порицая правительство за то, что оно добивалось это силой, кадеты заявляли, что «штыками и пулями единства России не добьешься» и провозглашали уважение к «обычаям, языку и вере каждой подвластной народности»¹³⁹. Далее партия народной свободы оповещала избирателей о том, что она за широкое самоуправление, за автономное устройство всех местностей, живущих «самобытной национальной жизнью», за «всеобщее, бесплатное, обязательное обучение» и т. д.¹⁴⁰. Все это было слишком заманчиво для представителей социальных верхов мусульманских окраин, в том числе и Азербайджана. Именно с кадетами связали они свои надежды Бакинское отделение партии кадетов развернуло широкую агитационную работу. На общем собрании членов партии 29 апреля 1906 г. отмечалось, что «бюро партии составило воззвание к избирателям-мусульманам на татарском (азербайджанском. - Д.С.) языке давая им возможность ознакомиться с программой партии и задачей, преследуемой ею в настоящей избирательной кампании»¹⁴¹. Бюро отделения проводило лекции, на которых пропагандировались идеи партии, утверждалось, что «по отношению к разным народностям партия стоит за равноправие и широкие автономные управления... уничтожение всех стеснений к поступлению в школу, связанных с полом, происхождением и религией»¹⁴². Все это позволило кадетам достичь желаемых результатов: всероссийский съезд мусульман в Петербурге, признав одной из своих главнейших задач выработку позиции мусульман России на предстоящих выборах, постановил присоединиться к политической платформе кадетов¹⁴³, тем самым предопределив партийную принадлежность и позицию будущих депутатов Думы от мусульманских окраин России. Выборы в Баку и Бакинской губернии состоялись 31 мая 1906 г.¹⁴⁴, в Елисаветпольской губернии — 16 мая¹⁴⁵, т. е. когда I Государственная дума, открывшаяся 27 апреля, уже приступила к своей деятельности. И хотя депутаты от Азербайджана были выбраны с опозданием и не участвовали в открытии Думы, Г.З.Тагиев в приветственной телеграмме на имя ее атлея С.А.Муромцева сообщал о том, что «все бакинские мусульмане, собравшись в мечети, молили Всевышнего о ниспослании счастья и долголетия народным представителям, взявшим на себя столь тяжелый и ответственный труд. Вместе с тем, мы искренно желаем, чтобы русскому правительству без кровопролития удалось упрочить основы свобод в стране»¹⁴⁶.

Бакинскую и Елисаветпольскую губернии, а также г. Баку в Думе

представляли: Алиев Мамед Таги — 0 лет, выходец из купеческой среды, окончил Петровскую сельскохозяйственную академию, член 8 отдела Думы, принадлежал к партии народной свободы; Мурадханов Асадуллабек — 40 лет, бекского происхождения, окончил учительскую семинарию, письмоводитель при Джеватском поселянском отделе, член 1 отдела Думы, принадлежал к партии народной свободы; Топчибашев Али Мардан-бек — 42 года, бекского происхождения, присяжный поверенный, окончил юридический факультет Петербургского университета, редактор газеты «Каспий», гласный городской думы, председатель бюро мусульманской парламентской фракции, член 1 отдела Думы, принадлежал к партии народной свободы; Зиятханов Исмаилхан Абульфатхан оглы — 39 лет, крупный землевладелец, окончил юридический факультет Московского университета, товарищ прокурора при Тифлисском окружном суде, член бюро мусульманской парламентской фракции, принадлежал к мусульманской группе партии народной свободы; Ахвердов Абдурагим-бек — 36 лет, выходец из помещичьей семьи, прослушал курс на восточному факультету Петербургского университета, видный драматург, писатель, в творчестве которого нашла отражение идеология революционно-демократических слоев населения, член 4 отдела в Думе, принадлежал к мусульманской группе¹⁴⁷.

Кадеты оказались самой крупной партийной группой в Думе. В период деятельности Думы кадетская фракция постепенно пополнялась вновь избранными депутатами. В основном это были лица, представляющие буржуазию и помещиков мусульманских окраин империи¹⁴⁸

За 72 дня существования I Думы был внесен 391 запрос, из них 123 срочных¹⁴⁹. Кадеты возглавляли отделы, которых было 11 и которые создавались для проверки полномочий членов Думы. Они же возглавили около 30 постоянных и временных комиссий, тем самым определяя в целом политическую направленность деятельности Думы. Свидетельством тому служит ход обсуждения вопросов о неприкосновенности личности, об отмене смертной казни, о гражданском равенстве, о политических свободах и т. д.

Азербайджанские депутаты вошли в мусульманскую парламентскую фракцию, которая должна была насчитывать 36 человек — посланцев от всех мусульманских окраин империи. По численности она была одной из значительных в Думе и превосходила украинскую группу, польское коло и другие группы. Фракция образовалась на своем первом заседании 21 июня 1906 г. Было избрано бюро фракции в составе 7 человек. В него вошли от Азербайджана А.М.Топчибашев и И.Зиятханов. Председателем фракции был избран А.М.Топчибашев. К моменту создания фракция объединила 22 человека, так как к этому времени еще не прибыли депутаты от Киргизских областей, Туркестанского края и областей Закаспийской, Ферганской, Семиреченской, Семипалатинской, Сыр-Дарьинской, Акмолинской и

Дагестанской. Инициаторы создания фракции были очень обеспокоены этим. Это их в эволюции еще и потому, что Дума, в которой депутатские запросы подавались за подписью не менее 30 депутатов, уже приступила к обсуждению таких важных вопросов, как аграрный, о свободе совести, гражданском равенстве. Необходимо было организовать, чтобы «выяснить свое отношение к этим вопросам»¹⁵⁰. Об образовании фракции было сообщено председателю Думы, ей был выделен отдельный кабинет, но официально о ней в Думе не было объявлено, в периодической печати ее деятельность очень слабо освещалась.

Фракция приняла решение действовать солидарно с партией народной свободы. Об этом было сообщено А. М. Топчибашевым П. Н. Миллюкову¹⁵¹. На заседании комитета партии народной свободы это предложение было принято и было решено немедленно предоставить право представителю фракции войти в состав фракционного комитета кадетов и быть выбранным в ЦК кадетской партии¹⁵². Мусульманских депутатов влекло к кадетам одно из положений думского адреса: равноправие всех национальностей. Этот лозунг, превалируя среди других, привлекал их к этой партии.

Фракция имела несколько заседаний. На первом же заседании было принято решение заслушивать подробные доклады о всех законопроектах и запросах, вносимых в Думу. Однако ни одна из поставленных задач не была решена. Единственным, на наш взгляд, проявлением деятельности фракции было заседание 24 июня, на котором были обсуждены положения предлагаемой ею аграрной реформы¹⁵³. Насколько это был робкий шаг и насколько это ничего не значило для деятельности аграрной комиссии Думы свидетельствует то, что в журналах заседаний аграрной комиссии с 7 июня по 8 июля ни словом не упомянут этот проект, т. е. комиссия прошла мимо предложений членов мусульманской фракции¹⁵⁴. Доклад по законопроекту о свободе совести был сделан, а обсуждение его, назначенное на 10 июля, не состоялось, так как к этому времени Дума была распущена. А. М. Топчибашев, которому фракция поручила заявить, что, по мнению мусульманской фракции, погром в Белостоке организован местными властями, не сумел выступить, так как прения были прекращены и 23 оратора не смогли воспользоваться словом¹⁵⁵.

Все запросы фракции остались не рассмотренными. Не состоялось и сообщение А. М. Топчибашева о самой фракции, ее составе, задачах на заседании Думы, назначенном на 14 июля¹⁵⁶. Незавершенной оказалась и работа по определению ограничений мусульман, зафиксированных в узаконениях Российской империи, которая была начата депутатами Ахтямовым, Аликиным и Топчибашевым¹⁵⁷.

Главным объектом обсуждения I Государственной думы, как и последующих дум, был аграрно-крестьянский вопрос. И не случайно, что

именно в этом вопросе наиболее четко выявилась позиция всех партий и групп. 8 мая кадетами был представлен на обсуждение аграрной комиссии законопроект «42-х», в котором допускалось частичное принудительное отчуждение помещичьей земли. В противовес этому законопроекту трудовики в аграрном проекте «104-х» требовали полного уничтожения помещичьей земли, создания «общенародного земельного фонда», т. е. национализации земли¹⁵⁸. 24 июня мусульманская фракция обсудила основные положения аграрной реформы. Программа фракции по аграрному вопросу, да и все вопросы мусульманского шариата, ограничений мусульман и т. д., которые собиралась обсуждать фракция, выражали прежде всего желания и чаяния буржуазно-помещичьих кругов и мусульманского духовенства. Так, в проекте программы указывалось, что вакуфные земли не подлежат отчуждению, увеличение же наделов должно происходить «за счет удельных, кабинетских и монастырских земель I Отчуждение же частновладельческих земель допускалось «лишь в потребных случаях, с вознаграждением за экспроприированные земли по справедливой оценке». Проект требовал прекращения переселения¹⁵⁹.

23 июня председателю Государственной думы было сделано «срочное» заявление, содержащее протест против опубликованного в печати сообщения по земельному вопросу, которое якобы порочило в глазах населения работу Государственной думы по земельному вопросу основанную на непереносимой передаче крестьянам казенных, удельных, кабинетских, монастырских церковных и принудительно отчуждаемых частновла Т. Алиевым¹⁶⁰.

В обсуждении доклада аграрной комиссии принял участие А. М. Топчибаев. Считая, что протест аграрной комиссии на правительственное сообщение совершенно уместен (хотя и призывал к смягчению тона), он как «окраинец» и «кавказец» предлагал широко обнародовать сообщение комиссии. При этом призывал не ограничиваться его опубликованием на одном только «государственном» языке, а по возможности перевести его на местные языки. «Пусть народ, будет ли это татарин, армянин, поляк, грузин и т. д., пусть каждый на своем родном языке прочтет то, что делается здесь, пусть всякий знает и прочтет на родном языке, что из себя представляет нынешнее министерство, и кто является помехой плодотворной деятельности народных представителей»¹⁶¹. В статье, опубликованной позже в газете «Каспий», он указывал, что «в разработке таких вопросов, как равноправие всех русских подданных, свобода совести, свобода слова, неприкосновенность личности, наделение крестьян землей, — в такого рода общегосударственных вопросах не могло быть места какому бы то ни было вопросу национального характера. Этого не допускали интересы всех народов России, против этого были все условия момента»¹⁶².

Первая Дума не решила аграрную проблему. Правительство, намереваясь «законодательным» путем удовлетворить интересы помещиков, издало несколько указов, полностью отвергавших требование принудительного отчуждения помещичьих земель.

Выступая по запросу, сделанному министром внутренних дел по поводу межнациональных столкновений в Эриванской и Елисаветпольской губерниях, И. Зиятханов также коснулся аграрного вопроса. Главное он видел в переселенческой политике царизма. «Мы также нуждаемся в земле, как и центральная Россия, мы также страдаем от малоземелья и безземелья, но администрация решила этот вопрос иначе», - протестовал он против переселения. И. Зиятханов постарался высказать пожелания социальных верхов Азербайджана. В его довольно обстоятельном выступлении нашли отражение почти все требования, содержащиеся в петициях и прошениях азербайджанской буржуазии в начале XX века. Он еще раз выразил озабоченность бесправным политическим положением в рамках империи, высказался за уравнивание в правах с русской буржуазией и помещиками. С думской трибуны он сообщал о бесчинствах администрации, об ущемлении интересов мусульманского духовенства. И. Зиятханов обращал внимание на отсутствие земства, ограничения гласных - представителей коренной национальности в органах городского самоуправления. Его беспокоило, что азербайджанцам с высшим образованием недоступны должности в государственных учреждениях, некоторые высшие учебные заведения запретны для них¹⁶³.

Представителей Азербайджана, как и других депутатов Думы, интересовали вопросы личной и имущественной безопасности населения. 26 июня 1906 г. министру внутренних дел 31 член Государственной думы представил заявление с беспокойством об объявленном до издания основных законов (апрель 1906 г.) сохранении усиленной охраны в ряде местностей. В числе подавших запрос был и А. Ахвердов¹⁶⁴. Члены Думы, предупреждая, что подобное положение установилось в Эриванской и Елисаветпольской губерниях уже более года и имело последствием «тысячные человеческие жертвы и полное экономическое разорение края», просили сделать запрос заместителю на Кавказе с тем, чтобы выяснить, какие меры принимаются по предотвращению этих беспорядков.

Дальнейшая судьба этого запроса такова. Дума не признала это заявление срочным, обсуждение его происходило в общем собрании и 14 июня было направлено председателю Совета Министров¹⁶⁵. 7 июля, т. е. накануне роспуска Думы, председатель Совета Министров Горемыкин отвечал председателю Думы, что «должность и власть заместителя поставлены совершенно самостоятельно по отношению к общему министерскому устройству и потому Совет Министров не имеет законных полномочий и не располагает

необходимыми данными для ответа на запросы Государственной думы, относящиеся до Кавказского края»¹⁶⁶. Таким образом, Совет Министров, проявив совершенное равнодушие к судьбе национальностей Кавказа, отписалось от этого запроса, формально отослав его авторов к наместнику. Последующие события того же 1906 года свидетельствуют, что наместник и не собирався предпринимать меры для обеспечения неприкосновенности личности в крае.

А.М.Топчибашев, И.Зиатханов, М.Т.Алиев, А.Мурадханов были солидарны с членами Думы, обратившимися 22 июня 1906 г. к председателю с тем, чтобы немедленно возвратить стражников-горцев Терской области, из которых администрация Кавказа «готовит погромщиков мирных русских граждан»¹⁶⁷. Тем самым они попытались воспрепятствовать политике царской администрации, которая подобными мерами рассчитывала насадить чувство отчужденности и неприязни друг к другу у народов Российской империи.

М.Т.Алиев в числе 30 депутатов Думы обратился к председателю с требованием привлечь к ответственности должностных лиц, виновных в произволе над политическими заключенными, доведенными до самоубийства¹⁶⁸. И.Зиатханов присоединил свой голос к заявлению о необходимости принятия мер для предотвращения проявлений произвола и «прикорбных событий беззакония в Прибалтийском крае»¹⁶⁹. Депутаты Думы, в числе их А.Ахвердов, доложили о телеграмме от жителей Новоминска, сообщающей о несправедливостях, о приговорах к смертной казни и требующей приостановить исполнение приговора. О бесчинствах администрации в Сумском уезде Харьковской губернии сообщали председателю М. Т. Алиев, А. Мурадханов и др., требуя принять меры к прекращению их и наказанию виновных¹⁷⁰. Ввиду роспуска Думы, А.М.Топчибашев не сумел донести до Думы печатную петицию крымских татар, которые уполномочивали его огласить описанное в ней положение крымских мусульман. Депутаты Азербайджана принимали участие в обсуждении и представлении разного рода запросов и «законодательных заявлений». Правда, они не подписали заявление 45 депутатов об обязательном обучении в школе, в котором подчеркивалось, что в результате пренебрежения к этому вопросу «ни одна европейская страна не представляет столь громадного контингента безграмотных, как Россия. Для инородцев же попытки распространения образования в их среде и к тому же на родном языке нередко влекли даже преследования разного рода»¹⁷¹. Но это заявление, бесспорно, ими разделялось, так как требование школ на родном языке было одним из основных положений петиций социальных верхов Азербайджана. Его они включали в программные документы совещаний, съездов. Тем более, что И. Зиатханов в вышеприведенном выступлении вокруг запроса о

межнациональных столкновениях, говоря об ограничениях мусульман, отметил: «Что касается народного образования, то оно оставляет желать лучшего - в селах вообще нет школ, преследуются всякие нововведения в школах, в некоторые высшие учебные заведения доступ совершенно закрыт. После окончания же доступных для мусульман вузов им не разрешалось преподавать ни, в одном среднем учебном заведении, не только в Закавказье, но и во всей Российской империи».

Политическое кредо депутатов Азербайджана, да и всей мусульманской фракции в I Государственной думе, очень четко, на наш взгляд, было сформулировано лидером фракции А.М.Топчибашевым в его очерке о «Мусульманской парламентской фракции». Он писал следующее: «Стоя строго на конституционных началах, мусульманская программа выставляет принцип областной национализации земли, полной автономии в делах религии и широкого автономного управления на местах, с учреждением на всем пространстве империи мелких самоуправляющихся единиц и областных собраний»¹⁷². Отмечая, что «...в самой Думе за все 72 дня вынужденно короткой жизни не было ни одного проявления на национальной почве», он особенно восхвалял «представителей национальностей, сознавших, что первые шаги народного представительства должны были быть направлены на разрешение общих для всех народностей России вопросов общественно-государственного строительства»¹⁷³. Только таким путем они мыслили получить "некоторые привилегии для себя, рассчитывали на отмену целого ряда ограничений для населения мусульманских окраин России. Еще на первом всероссийском съезде мусульман России в августе 1905 г. они провозгласили свое стремление к «обновлению всего строя гражданской и политической жизни на началах свободы, правды и человечности... при переустройстве формы правления Российской империи на принципах государства конституционного».

Мусульманская фракция предпринимала энергичные шаги для ознакомления многомиллионного мусульманского населения с деятельностью Государственной думы путем докладов и бесед, публикации материалов в периодической печати, путем посещения мусульманских областей и созыва съездов и т. д.

Деятельность I Государственной думы, на которую депутаты мусульманских окраин возлагали большие надежды, окончилась довольно бесславно. Царское правительство твердо решило покончить с «законодательным представительным учреждением».

А.М.Топчибашев позднее писал: «...правительство нашло, что депутаты Думы плохо работали, ...а главное, были настроены слишком враждебно к министрам. Роспуском первой Думы было заявлено стране, что для согласованной с правительством деятельности нужны другие

представители, которые были «за», а не «против^ правительства»¹⁷⁴.

9 июля все двери Таврического дворца оказались закрытыми. Это было неожиданным для депутатов Думы, для членов мусульманской парламентской фракции, тем более что именно на этот день бюро назначило два заседания: утром — с почетными мусульманами Петербурга, днем - заседание самого бюро¹⁷⁵.

По инициативе кадетской фракции правительству был заявлен протест. Она решила перенести заседания Думы в Выборг, продолжить их там вместе с трудовиками и социал-демократами. «Все упования кадетов сразу перешли от «конституции» к революции - и это следствие одного только конституционного акта верховной власти», - писал В. И. Ленин.

9 и 10 июля в Выборге состоялись заседания¹⁷⁶, на которых присутствовали и депутаты Азербайджана. Было принято решение создать из представителей фракций смешанную комиссию для составления текста воззвания - обращения к народу. Проект воззвания «Народу от народных представителей» был составлен кадетами и подписан участниками выборгских заседаний. В числе подписавших были А. М. Топчибашев и И. Зиятханов¹⁷⁷.

Выборгское воззвание призывало население всей России к протесту против роспуска Думы: отказу от уплаты налогов, от рекрутской повинности, непризнанию займов и т. п. «...Без народного представительства не да вайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все, как один человек... В этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные люди будут с вами»¹⁷⁸, — говорилось в нем.

Временный бакинский генерал-губернатор 15 июля 1906 г. разослал всем редакторам местных газет и типографий распоряжение запретить печатание «воззвания бывших членов Государственной думы», пригрозив наложением самого строгого взыскания в административном порядке¹⁷⁹.

Однако кадеты не сумели подкрепить практическими действиями свой отпор контрреволюционным выпадам правительства. Их призыв к сопротивлению повис в воздухе. Над участниками же выборгских заседаний была учинена расправа. Против лиц, подписавших воззвание, было возбуждено уголовное дело; они были преданы суду. Некоторые из них, в частности И. Зиятханов и А. М. Топчибашев, не отрицая своей причастности к воззванию, не пожелали дать объяснений по существу предъявленного им обвинения¹⁸⁰. А обвинялись «потомственные дворяне: Бакинской губернии Али Мардан бек Топчибашев, 42 лет, ... Елисаветиольской губернии хач Измаил Абульфат хан оглы Зиятханов, 39 лет», в том, что задумали «возбудить население России к неповиновению, и в противодействии закону посредством особого воззвания, обращенного к народу», и в распространении его «во множестве экземпляров в пределах России»¹⁸¹.

Суд, состоявшийся в декабре 1907 г., вынес приговор, согласно которому виновные подвергались трехмесячному тюремному заключению, 167 бывших членов Думы, и в их числе А. М. Топчибашев и И. Зиятханов, лишались права быть впредь избранными в состав Государственной думы¹⁸². А. М. Топчибашев был отстранен от руководства газетой «Каспий»¹⁸³. На заседании Бакинской городской думы 15 февраля 1907 г. рассматривался вопрос об исключении его из числа гласных. По настоянию ряда гласных и по примеру Московской городской думы было принято решение считать его «временно устранным по независящим обстоятельствам»¹⁸⁴. Несмотря на это, А. М. Топчибашев был все же выведен из состава городской думы¹⁸⁵.

14 сентября 1906 г. на заседании Совета Министров был обсужден вопрос о несовместимости службы в правительственных учреждениях с принадлежностью к политическим организациям. Причем в распоряжениях местным властям отмечалось, что это относится и к тем, которые хотя и не причисляют открыто себя к «революционным», но тем не менее в программах своих, в воззваниях «своих вожаков (как например, Выборгское воззвание) и в других проявлениях своей деятельности обнаруживают стремление к борьбе с правительством или призывают к таковой борьбе население». Далее их действие и совмещение с занимаемыми должностями классифицировались как «противники того самого правительства, от которого они получают свои полномочия и именем которого действуют». А это явление «недопустимое и ни в каком государстве не допускавшееся»¹⁸⁶.

Разогнав первую Думу, правительство объявило о выборах во вторую. В связи с этим газета «Каспий» разъясняла своим читателям, что правительство после роспуска I Государственной думы всячески стремилось дискредитировать кадетов, однако «нельзя было заставить поверить, что лучшие русские ученые, профессора, публицисты, земские и городские деятели, входящие в состав партии народной свободы, даже при наличии «выборгского воззвания»... обратились в настоящих «крамольников» и «революционеров», имена лидеров и главных деятелей этой партии говорили всем, что кадеты, несмотря на их программные и тактические ошибки, строгие конституционалисты и истинные приверженцы народного представительства»¹⁸⁷. Затем, указывая на то, что, нарушив 87 ст. Основного Закона, недопускавшую вносить изменения в избирательный закон в период между Думами, министерство Столыпина изменило состав избирателей и вместо «элементов демократических» увеличило количество «в уездах крупных землевладельцев, в городах буржуазии»¹⁸⁸, газета выражала уверенность, что избиратели, идя к урнам, «вспомнят все: кто довел страну до духовной и экономической нищеты... справедливо разрешат апелляцию правительства по вопросу о том, кто прав в споре правительства с первой. Думой, а вместе с тем, разрешат, каких депутатов посылать во вторую Думу»¹⁸⁹.

Буржуазия в целях завоевания большинства голосов избирателей широко использовала страницы своих печатных органов¹⁹⁰. Она призвала прогрессивные элементы, «желающие водворения в России конституционного строя, отодвинуть на второй план все программные и тактические недоразумения, споры, отличия и, ввиду общей опасности, проявить солидарность как на выборах»¹⁹¹, так и в самой Думе¹⁹². В статьях содержалось напутствие будущим избранникам: «Кавказский край составляет нераздельную часть Российской империи, народы его не преследуют никаких сепаратистских целей... Фактическое осуществление свобод манифеста 17 октября, действительное участие народного представительства в законодательстве страны, ответственное перед этим представительством министерство и местное самоуправление на самых широких началах - вот что мы разумеем под строго конституционными порядками и вот что, при настоящих условиях, должно быть поставлено во главу угла программ всех прогрессивных партий на Кавказе... Этим лозунгом должны руководствоваться указанные элементы на предстоящих выборах»¹⁹³. В статье содержался упрек «крайне левым партиям» Кавказа, которые стремятся к образованию единой классовой партии, без различия национальностей, чтобы бороться во имя интернационализма против всех националистических элементов, и выражалось недовольство «возражением некоторых из крайних левых, находящихся невозможным входить в предлагаемое газетой избирательное соглашение»¹⁹⁴.

С серией статей «К выборам» выступил А.М.Топчибашев. Он писал, что «... но обстоятельствам, имевшим место в период бездумья, всякое изменение в настроении населения могло и должно было произойти в пользу еще более настойчивых проявлений безусловного изменения нынешнего осужденного самой властью строя на действительных началах гражданской и политической свободы. Это именно то явление, которое на парламентском языке называется «полевением», усилением оппозиции»¹⁹⁵. Верный своим политическим убеждениям, он выражал надежду, что и во второй Думе партии народной свободы придется играть огромную роль, считая, что она сумеет объединить «прогрессивные элементы» и тем направить деятельность большинства Думы в сторону «положительных законодательных работ, гарантирующих неприкосновенность личности русского гражданина и все его конституционные права»¹⁹⁶. Давая напутствие депутатам Думы М.Махмудову и З.Зейналову как «депутатам от крестьянства», он обязывал их «помнить, что только в единении с лучшими элементами Думы они сумеют отстоять интересы избравшего их крестьянства и вообще трудящихся масс Бакинской губернии. Не только в единении сила, но в данном случае в нем, в этом единении - все спасение»¹⁹⁷. При этом А. М.Топчибашев умалчивал о разногласиях по многим вопросам, в том числе и аграрному, которые существовали между партией трудовиков (З.Зейналов) и партией народной

свободы (М.Махмудов). Об этом скажем ниже.

II Государственная дума открылась 20 февраля 1907 г. Председателем ее был избран кадет Ф.А.Головин. В. И. Ленин в день открытия ее отмечал: «Политическая перегруппировка классов так глубока, так широка, так могуча, что никакой военно-полевой гнет, никакие сенатские разъяснения, никакие ухищрения реакции, никакие потоки кадетской лжи, монополюльно заливающей всю ежедневную печать, ничто не могло помешать отражению этой перегруппировки в Думе. Вторая Дума показывает обострение глубокой, массовой, окрепшей организационно, сознательной борьбы различных классов»¹⁹⁸.

Правоту В. И. Ленина «об организационно окрепшей борьбе» подтверждает ситуация, сложившаяся в Азербайджане в период выборов. Выборы, проведенные в Азербайджане в интересах социальных верхов, уже не удовлетворяли даже их самих. Газета «Каспий» писала по этому поводу: «На выборах не избирали, а «подбирали». «Подбирали» таких, которые бы «хоть что-нибудь да понимали, хоть как-нибудь да объяснялись»¹⁹⁹. При этом ссылалась газета на то, что «несчастный» З.Зейналов, избранный от рабочих, признавался, что «не подготовлен для того, чтобы быть депутатом». «Тем не менее, — продолжала комментировать газета, — лучше его не имелось, и поневоле приходилось остановиться на нем»²⁰⁰.

Депутатами Азербайджана во II Государственную думу были избраны Ф.И.Хойский, Х.Г.Хасмамедов, И.З.Тагиев, М.М.Шахтахтинский, М.Г. Махмудов, З.Э.Зейналов.

Хойский Фатали Искендерхан оглы — 31 год, коллежский ассессор, окончил юридический факультет Московского университета, товарищ прокурора Екатерино-дарского окружного суда, член 2 отдела, шести комиссий Думы, принадлежал к партии народной свободы; Хасмамедов Халил-бек Гаджи Баба оглы — 34 года, помещик, коллежский ассессор, окончил юридический факультет Московского университета, товарищ прокурора Екатеринодарского окружного суда, член 11 отдела, пяти комиссий, принадлежал к партии народной свободы; Тагиев Исмаил Зейнал оглы - 42 года, сын действительного статского советника, крупнейшего представителя азербайджанской буржуазии Г. З. Тагиева, учился в Бакинском реальном училище, коммерсант, член 9 отдела, беспартийный; Шахтахтинский Мамед Ага Мамед Таги Султан оглы - 56 лет, выходец из помещичьей семьи, слушал лекции во Франции, в Сорбонне, окончил философский факультет Лейпцигского университета, издатель газеты «Шарги рус», преподаватель восточных языков, член 10 отдела, продовольственной и аграрной комиссий, принадлежал к партии народной свободы; Махмудов Мустафа Гаджи Муса оглы - 29 лет, из крестьян, уроженец Кюрдамира, окончил Горийскую учительскую семинарию, учитель, затем директор первой русско-татарской

школы 13 Баку, член 9 отдела, четырех комиссий, принадлежали партии народной свободы; Зейналов Зейнал Эйнал оглы - 30 лет, из крестьян, образование начальное, механик Каспийско-Черноморского общества, председатель мусульманской трудовой фракции, член 2 отдела, трех комиссий, принадлежал к трудовой группе²⁰¹.

Тагиев И.З., депутат от г. Баку, в Петербург не выехал. 24 марта 1907 г. к редактору газеты «Прогресс» А. Агаеву обратился М. Шахтагинский с просьбой выяснить, намеревается ли И. Тагиев выехать и принять участие в работе Думы²⁰². Получив известие о том, что И. Тагиев не приедет, М. Шахтагинский сообщил в Баку, что в случае официального заявления депутата о сложении с себя полномочий, на его место может быть избран новый. Однако это обращение осталось без ответа. И. Тагиев, предпочтя коммерческую деятельность парламентской, в Думе участия так и не принял. А первоначально ехать он собирался, о чем свидетельствует следующее. В феврале 1907 г. на поздравительную телеграмму, полученную от городского головы К.-б. Сафаралиева в связи с его избранием, он отвечал: «Доверие и такое сочувствие выборщиков, избравших меня в члены Государственной думы, обязывают принести всем сердечную благодарность на поприще идей, согласных со свободной совестью»²⁰³. А при встрече с М.Г.Гаджинским, который, кстати, относил его к правому крылу кадетов, в Тифлисе в беседе по поводу его кандидатуры заявил, что, являясь депутатом от г. Баку, он «считал бы своей нравственной обязанностью защищать интересы всех без исключения жителей города, без различия национальностей, вероисповедания... Его участие в работе мусульманской партии окажется в этом случае невозможным»²⁰⁴. В результате же г. Баку оказался без представительства в Думе. Это обеспокоило мусульман России, которые имели крайне малочисленное представительство в Думе. Центральное бюро Всероссийского мусульманского союза послало даже своего представителя в Баку, который вернулся ни с чем²⁰⁵.

Азербайджанская буржуазия возлагала большие надежды на новую Думу, считала, что именно 20 февраля явится днем, «которому суждено ознаменовать собой наступление в стране новой эры»²⁰⁶. Она выражала уверенность, что русские депутаты, приняв во внимание солидарность депутатов Азербайджана в первой Думе, особенно при подписании Выборгского воззвания, отнесутся к ним впредь с большим пониманием и поддержкой²⁰⁷. Приветствовали Думу гласные Бакинской и Елисаветпольской городских дум²⁰⁸, надеясь, что «вновь собравшиеся представители народа сумеют довести до конца работу, предпринятую первую Думою, в стремлении ее создать необходимые гарантии для ускорения в стране основ свободы и порядка».

Азербайджанская буржуазия, ее идеологи и лидеры проявили

довольно пристальное внимание как к выборам, так и к деятельности новой Думы. На страницах ее периодической печати шел обстоятельный разговор о событиях в ней.

Депутат М. Шахтактинский так оценивал необходимость Думы: «Все понимают, какую высокую цену имеет в опасное, столь тревожное время, которое мы теперь переживаем, функционирование народного представительства даже в таких узких рамках политического авторитета, какие ему отводит действующий закон об учреждении Государственной думы»²⁰⁹.

В журнале «Фиюзат» в напутствии депутатам Думы говорилось: «...для того чтобы не быть обманутым, надо остерегаться «беспартийных» и быть на стороне определенных партий, которые высказывают цель своей программы... Но единственное наше желание это то, что и мусульмане должны иметь свою программу и партию... Одновременно мы за то, чтобы эта мусульманская партия присоединилась к другим партиям, обеспечивающим равенство и свободу мусульман..., признавая их язык и религию. Наше спасение в единстве с партиями, которые требуют равное право на свободу и равенство»²¹⁰. Далее газета обещала информировать читателей о сущности всех программ.

В буржуазной прессе давались указы депутатам: «В пределах своих сил находиться на страже интересов своих единоверцев, пожертвовав своими личными интересами за свободную жизнь и процветание российских граждан вообще и за культурное развитие многомиллионного поработанного мусульманского народа в частности»²¹¹. Отвечая на это, К.Махмудов уверял, что мусульманские депутаты «к свободной жизни и культурному развитию многомиллионного и многострадального населения нашего отечества будут стремиться до самоотвержения»²¹². В прессе оценивались поступки и высказывания депутатов. Не оставалось вне поля зрения прессы и распределение мест в думском президиуме. С большим удовлетворением было воспринято избрание товарищем секретаря Е.Н.Максудова²¹³, считалось это заслугой всех мусульманских депутатов, которые на заседании фракции кадетов добились, чтобы одним из товарищей секретаря был избран представитель депутатов мусульманских окраин России²¹⁴. С этим они связывали надежду на то, что мусульмане «получат одинаковые с остальным населением права — гражданские, политические, религиозные»²¹⁵. Одновременно отмечалось недовольство поведением М. Махмудова, выступившего против увеличения числа помощников секретаря, и заявившего при этом, что он обращается «к представителям народа, а не к ставленникам Столыпина»²¹⁶. Разумеется, писали газеты, каждый депутат волен высказывать свое мнение, но надо всячески избегать эксцессов²¹⁷.

Депутаты Азербайджана вошли в состав мусульманской

парламентской фракции, а Ф.Хойский и Х.Хасмамедов - в ее бюро²¹⁸. «Прежде всего наши мусульманские депутаты, — писала газета «Иршад», - должны образовать отдельную фракцию, в которой должны обсуждаться политические, экономические и другие нужды, после обсуждения же должны составляться законопроекты, затем представляемые на рассмотрение Думы»²¹⁹. В практической деятельности фракции принимал активное участие ее бывший лидер А. М. Топчибашев. Он неоднократно выезжал в Петербург, присутствовал, а иногда и председательствовал на общих заседаниях мусульманской парламентской фракции и членов ЦК Всероссийского мусульманского союза, вырабатывавших позиции фракции по законопроектам и запросам²²⁰, обсуждаемых и принимаемых в Думе. Избран был он также и в постоянное бюро этой организации, которое быTM призвано содействовать внедумской деятельности фракции²²¹. Фракция во всей деятельности в основном придерживалась платформы кадетов, выполняя установку Мусульманского союза и продолжая политику перводумской фракции.

Мусульманская парламентская фракция составила и опубликовала отдельной брошюрой свою программу²²². В программе, состоявшей из 11 разделов, определялись права граждан, излагались положения по государственному и религиозному строю, местному самоуправлению, суду, народному просвещению, финансам и государственной экономике, крестьянскому и рабочему вопросу, основные политические цели и задачи фракции. Фракция призвала всех граждан-мусульман России, единомышленников по политическим убеждениям, стремиться к переустройству формы правления Российской империи. Приемлемой формой признавалась конституционная парламентская монархия, в которой высшая государственная власть отдавалась монарху, ограниченному в своих правах конституцией, и народному представительству в виде одной палаты - всероссийской Государственной думы или всероссийского парламента, в которые народные представители «избираются всеобщей равной, прямой и тайной подачей голосов». Фракция ставила вопрос о представительстве мусульман в Думе, определяя его пропорционально количеству мусульманского населения России. Программа также содержала требования, которые совпадали с положениями петиций, представляемых неоднократно азербайджанской буржуазией и ее идеологами, -уравнение мусульман в правах политических и гражданских с остальным населением России, с введением этих прав в основные законы империи, введение обязательного, всеобщего и бесплатного обучения в начальной школе, обеспечение-образования на родном языке, создание института выборных судей и суда с присяжными заседателями. Языком всех органов местного представительства, общих судов, наряду с государственным языком, признавался язык народности, преобладающей в данной области империи и т. д. В области аграрной

политики программа заимствовала кадетское требование отчуждения земель с вознаграждением владельцев по справедливой оценке¹. Ратуя за политическое и гражданское равноправие, за свободу рабочих союзов, собраний и право стачек, введение 8-часового рабочего дня, представители мусульманских окраин в то же время требовали: «установление законодательными порядками для мусульман-рабочих праздничного отдыха в дни пятниц, освобождение мусульман от обязанности праздновать христианские праздники».

Свою лояльность правительству фракция проявила буквально на первых же заседаниях Думы. Поддержав идею кадетов встретить молчанием декларацию правительства, оглашенную 6 марта на заседании Думы председателем Совета Министров П.А.Столыпиным, Ф.Хойский от имени фракции заявил, что выслушанная декларация «определяет тот путь, по которому правительство намерено идти в дальнейшей своей политике, «и фракция» находит целесообразным отложить свое суждение о декларации министерства до внесения министерством отдельных законопроектов в Думу»²²³. В то время как большевики считали необходимым разоблачить антидемократическую суть декларации²²⁴, кадеты и их единомышленники из мусульманских окраин поспешили обойти острые углы и перейти к очередным делам без ее обсуждения²²⁵. Оценивая эту тактику, А. М. Топчибашев писал, что Дума тем самым доказала, что «плановность ее работ не может и не должна быть прервана соображениями и видами, не имеющими пока под собой прочной жизненной основы»²²⁶. А.Агаев, высказывая свое отношение к позиции кадетов во II Думе, писал: «Люди, поставившие во главе своей программы земельный вопрос, принудительное отчуждение, рабочий вопрос, урегулирование отношений между капиталом и трудом, люди, подписавшие Выборгское воззвание... теперь трясутся, когда эти вопросы вытекают перед ними, и в конце концов идут в объятия Столыпина, министерства разгона, министерства экзекуций, военно-полевых судов. Они смущенно лепечут, повторяют то, что говорит г. Столыпин, с тою лишь разницею, что Столыпин говорит гораздо интереснее, тверже и талантливее»²²⁷.

В мусульманской парламентской фракции в марте 1907 г. произошел раскол. Несколько ее членов, а именно Хасанов, Зейналов, Атласов, Неметдинов, Магасутов²²⁸, заявив, что они не верят в продуктивность «работы от совместного пребывания «явных кадетов» и депутатов, примыкающих к к.-д. программе, с социалистами»²²⁹. Депутаты, считавшие себя избранниками крестьян, прежде всего были недовольны тем, что фракция оттягивала обсуждение кардинального вопроса — аграрного, а именно: не спешила высказываться за «принудительное отчуждение земли»²³⁰, «вовсе забыла рабочих и крестьянство, и что программа исключительно создана для богачей и дворян»²³¹. Они обратились к своим избирателям с изложением причин, заставивших их выделиться из фракции в целом и

примкнуть к трудовикам. Кстати, поступок этот был одобрен их избирателями, о чем свидетельствовали письма последних²³². В своем объяснении эти депутаты писали, что «руководящие верхи русского мусульманства», воспользовавшихся недостаточной осознанностью своих интересов в разных слоях мусульманского населения, насаждали мнимое тождество интересов мусульманина - помещика и крестьянина, а также провозглашали необходимость выделения мусульман из рядов «других борющихся за свободу национальностей», тем самым ограждая их от влияния «политически сознательных элементов других народностей России». Для претворения в жизнь своих требований они призывали народные массы объединяться «вокруг народных требований Думы». Поддержку же они надеялись занять в «демократических массах мусульманства»²³³. Объединение в единую фракцию вызывало у них сомнение. Газета «Русь», ссылаясь на их высказывания, писала, что «группировка по национальности возможна лишь до тех пор, пока рассматривается вопрос исключительно национальный»²³⁴.

11 марта было заявлено о присоединении трудовой мусульманской фракции, возглавляемой З.Зейналовым, к трудовой группе Думы²³⁵. Вместе с тем в заявлении, опубликованном в газете «Каспий», сообщалось: «Мы, депутаты, выбранные от трудового населения, не сходимся с мусульманской фракцией только по экономическим и политическим вопросам, в остальном же, чисто мусульманских вопросах, будем действовать сообразно с желанием русского мусульманства вместе с мусульманской фракцией»²³⁶, имея в виду участие в созданных фракцией комиссиях «для выяснения существа и юридических норм вакуфа» и «для выяснения вопроса об ограничении гражданских прав мусульман»²³⁷. В апреле 1907 г. З.Зейналов и Г.Хасанов издавали в Петербурге газету «Дума», на страницах которой стремились как можно полнее ознакомить читателей с отношением фракции к обсуждаемым в Думе вопросам. В частности, в ней были помещены публикации З.Зейналова, посвященные положению бакинского пролетариата^{237а}.

Не приняли полностью программу фракции²³⁸ Ф.Хойский и Х.Хасмагледов, причислявшие себя к «мла-дотатарской партии левых». В этих условиях к членам мусульманской фракции обратилось Центральное бюро Мусульманского союза. Признавая определенные «дефекты» программы, оно призывало всех мусульман руководствоваться ее положениями²³⁹.

Депутаты Азербайджана избирались в различные комиссии Думы и от партии народной свободы. Так, М. Шахтагинский, являвшийся членом думской парламентской фракции этой партии, вошел в состав следующих комиссий: о национально-вероисповедном равенстве, по местному самоуправлению, по выработке законопроекта о выборах в земские учреждения, аграрной, по крестьянскому вопросу, о равноправии крестьян,

законодательной, по народному образованию и городскому самоуправлению²⁴⁰. Депутаты Х.Хасмамедов и Ф.Хойский были членами комиссии о национально-вероисповедном равенстве²⁴¹.

9 марта кадеты внесли на рассмотрение Думы законопроект об отмене военно-полевых судов, пойдя на очередную хитрость. Прекрасно осведомленные о том, что срок действия военно-полевых судов, введенных в августе 1906 г., истекал к 20 апреля 1907 г., они выступали с отдельным законопроектом, который был принят Думой, но в мае отклонен Государственным советом²⁴². За отмену военно-полевых судов выступили М.Махмудов и М. Шахтагинский. Последний писал: «Дума имеет право по закону отменять существующие законы. В силу этого она потребовала отмены и этого временного закона о военно-полевых судах. И что же? Министерство не присоединилось к требованию Думы, предложение об отмене полевых судов не прошло». И далее он признавал: «Значит, Дума, для осуществления своей законодательной деятельности, встречает препоны даже тогда, когда за ней стоит если не буква, то дух закона, как в данном случае»²⁴³. Депутаты Ф. Хойский, М.Махмудов, Х.Хасмамедов обратились к военному министру с ходатайством о смягчении участи приговоренных кавказским военно-полевым судом к смертной казни. Однако это обращение принято не было²⁴⁴.

21 марта 1907 г. кадеты на заседании парламентской фракции постановили при выборах в думскую комиссию о свободе совести и национальном равенстве руководствоваться не только принципом партийности, но и национальной и религиозной принадлежностью. На этом основании решено было избрать комиссию в составе 15 человек, в том числе трех мусульман²⁴⁵.

28 марта на заседании парламентской кадетской комиссии о национально-вероисповедном равенстве были заслушаны доклады мусульманской подкомиссии. Выступил и М. Шахтагинский. Поддержав представителя киргиз Карабаева, он остановился на ограничениях мусульман в области городского самоуправления, народного образования и государственной службы. Комиссия предложила представителям национально-вероисповедных групп составить постатейный список ограничительных законов, подлежащих отмене²⁴⁶. Хотя мусульманская фракция поспешила создать комиссию, которой было поручено составить этот список, для разработки в дальнейшем законопроекта, отменяющего эти ограничения²⁴⁷, это оказалось очередной отпиской. Насколько были последовательны в своем отношении к проблемам национальностей кадеты, свидетельствует выступление М. Шахтагинского на заседании фракции в апреле 1907 г., где разговор шел вокруг законопроекта о всеобщем избирательном праве. Он остановился на том, что законопроект не затрагивает национальные нужды, и отметил, что фракция к.-д. относится к мусульманам с

недостаточным вниманием²⁴⁸. На то Н. В. Тесленко, один из активных членов фракции, заявил, что мусульмане якобы не выработали ни одного конкретного предложения, хотя кадеты не раз обращались к ним по этому поводу. Было принято решение вовлекать мусульман к выработке законопроектов²⁴⁹.

Свидетельством разработки именно конкретных предложений явились выступления мусульманских депутатов по самым различным вопросам. Так, при обсуждении вопроса о помощи голодающим и безработным в поддержку трудовиков выступил З.Зейналов. Отвергая предложение кадетов разделить этих обездоленных, З.Зейналов предлагал создать единую комиссию для оказания им помощи. Он сообщил Думе, что, провозжая, избиратели дали ему наказ - «нам нужна земля, нужна воля, нужен хлеб, нам нужна работа»²⁵⁰. Его выступление, содержащее конкретные доводы о том, что если не обеспечить бастующего хлебом, не дать голодающему возможность быть сытым, то предотвратить забастовки будет невозможно, прозвучало явной поддержкой социал-демократам, выступившим против предложения кадетов помочь только безработным, пострадавшим от «промышленного кризиса». Кадеты тем самым исключали тех, кто был уволен за участие в революционных демонстрациях, стачках, забастовках. Большинство голосов Дума внесла в кадетскую резолюцию по данному вопросу поправку, исключив слова «пострадавшим от промышленного кризиса»²⁵¹. В обсуждении данного вопроса принял участие и М. Шахтактинский. Ни словом не обмолвившись о безработных, он присоединился к мнению о создании особой парламентской комиссии голодающим, видя причины голода на Кавказе в отсутствии земства, в неурожаях, в межнациональных столкновениях и т. д.²⁵². «Физиономия настоящей Думы, - признавал он, - рельефнее всего определилась в том заседании, когда требование о взятии Думой продовольственного дела непосредственно, в свои руки было отклонено ею. Получило санкцию народного представительства предложение депутата Роди-Иева об учреждении комиссии контроля над употреблением сумм, отпускаемых государством на помощь голодающим. И такая комиссия, соответствующая вполне духу и букве закона, окажет услугу народу»²⁵³. М.Шахтактинский предложил ввести в эту комиссию представителей Кавказа²⁵⁴. М. Махмудов, член комиссии для оказания помощи безработным, обратился через газету 62 «Прогресс» к избирателям поставлять сведения о безработных и о размерах необходимой помощи для них²⁵⁵.

Классово противоречивыми во II Думе, как и в предыдущей, были позиции депутатов по земельному вопросу. Обсуждению его мусульманская фракция придавала большое значение. Для участия в деятельности аграрной комиссии из Баку были приглашены А.М.Топчибашев, К.Карабеков, Б.Ахундов²⁵⁶; От имени мусульманской фракции выступил Ф.Хойский. В

довольно-пространном заявлении он отметил, что «крестьянство составляет, несомненно, то основание, и тот базис государства, для дела служения которого собрались все сидящие на этих скамьях. Поэтому вопрос земельный представляется в высокой мере важным, в высокой мере неотложным, и в такой же степени он является сложным». Ф. Хойский выразил несогласие с правительственным намерением разрешить земельный вопрос путем операций крестьянского земельного банка и переселения. Операции байка, продолжал он, привели к повышению цен и в результате земля оказалась в руках «обеспеченных», оставив в стороне «малоземельных и безземельных». Не собираясь вскрывать характер переселенческой политики царизма, он вместе с тем подверг критике проведение ее за счет ущемления местного населения и предложил приостановить переселение до окончательного разрешения земельного вопроса. Далее, фактически повторяя аграрную программу, сформулированную фракцией в первой Думе, он вновь высказался за «принудительное отчуждение на началах справедливой оценки», всецело поддерживая соображения кадетов. «Но, - заявил он, - мусульманская группа считает, что отчужденные земли должны составить не общегосударственный земельный фонд, а областной земельный фонд в пределах каждой данной области, распределение же земли и расселение населения в пределах области должно быть предоставлено органам областного-самоуправления, организованного на самых демократических началах»²⁵⁷. В. И. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», дав обзор думских выступлений «националов» по аграрному вопросу, включая и вышеприведенное заявление Ф.Хойского, отмечал, что они «взяли себе под охрану разные «краевые» и «областные» фонды. При этом аграрное содержание про инициализации... националы выкинули: ничего не предрешать, все предоставить автономным сеймам или областным и т. д. самоуправлениям, и вопрос о выкупе и вопрос о собственности и т. д.»²⁵⁸. Анализируя эти программы, он, на наш взгляд, допускал вызывающий возражение упрек в том, что «националы» часто держатся несколько в стороне от «русского аграрного вопроса», игнорируя то важное обстоятельство, что в национальных окраинах аграрный вопрос имел существенные особенности в отличие от «русского аграрного вопроса», и невозможно было его унифицировать. «Наша, дескать, хата с краю, мы сами по себе, - продолжал он. - Со стороны националистической буржуазии - такая точка зрения неизбежна»²⁵⁹. «В интересах же всего народа, - писал он, - лежит наиболее полное освобождение от средневекового землевладения и отмена частной собственности на землю»²⁶⁰. Определяя аграрную программу в революции, В. И. Ленин нацеливал большевиков: «...Национализация колониального фонда, национализация лесов, национализация всей земли в центральной России не может сколько-нибудь долго ужиться с частной

собственностью на землю в пределах той или иной части государства (раз причиной объединения этого государства является действительно основной поток экономической эволюции). Либо та, либо другая система должна будет взять верх. Опыт решит это. Наше дело - позаботиться о выяснении народу условий, наиболее благоприятных для пролетариата и для трудящихся масс капиталистически развивающейся страны»²⁶¹.

М.Шахтактинский провозгласил необходимость частной собственности для человека. «Поэтому я стою вместе с той частью представителей народа, которая требует принудительного отчуждения частновладельческих земель с неперемным условием, чтобы оно происходило не безвозмездно, а по справедливой оценке». К частновладельческим землям он относил также кабинетские и удельные земли. О церковных и монастырских землях он умалчивал, таким образом исключая отчуждение вакуфных земель. Они являлись, по его мнению, неприкасаемыми²⁶².

При обсуждении аграрного вопроса от имени возглавляемой им трудовой мусульманской фракции выступил З.Зейналов. обстоятельно остановившись на положении крестьян Бакинской губернии, он пришел к выводу, что они не в состоянии приобрести земельные участки ни по какой оценке. Крестьянам необходимо отдать земли безвозмездно, путем «принудительного отчуждения частновладельческих и всякого рода земель в народный фонд наделения всех граждан России»²⁶³. З.Зейналов выступил против частной собственности, против всякого рода выкупов. В аграрной комиссии Думы он сделал заявление об изъятых и подвергавшихся изъятию из крестьянских наделов Бакинского уезда земель иод нефтяные и заводские постройки²⁶⁴, поддержал трудовиков в вопросе создания местных земельных комитетов²⁶⁵.

Созданию местных земельных комитетов, выбранных «всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием»²⁶⁶, большое внимание было уделено в «Проекте речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе», написанном В.И.Лениным для социал-демократической фракции. Этот проект перекликался с положениями, выраженными в выступлении З.Зейналова, и содержал большевистское требование конфискации помещичьих земель.

Аграрные прения завершились безуспешно. Как и в предыдущей Думе, они ограничились принятием формулы перехода к очередным делам, в которую кадеты умудрились не включить требования принудительного отчуждения помещичьих земель.

На заседаниях мусульманской фракции обсуждались законопроекты о свободе совести, о местном суде, самоуправлении, избирательном законе, реорганизации мусульманских учреждений²⁶⁷. В законопроекте о вакуфных землях фракция, отражая притязания мечетей на этот доход, требовала

упразднения вакуфной комиссии, расформирования управления вакуфными имуществами²⁶⁸. Этот законопроект был лишь фрагментом обширной деятельности фракции, направленной на доскональное выяснение общеправовых и вероисповедных ограничений для инородцев, которая должна была завершиться составлением законопроекта об отмене ограничений в правах мусульман²⁶⁹.

Депутаты неоднократно останавливались на проблемах, поднятых ранее в петициях социальных верхов - о введении в крае земства, местного самоуправления, всеобщего начального образования и т. д. Все депутаты от Азербайджана были единодушны в обращении к Думе 21 мая о предоставлении еженедельного отдыха служащим в торговле и промышленности в дни, «чтимые их религией».

Ф.Хойский в числе 173 депутатов Думы 18 мая обратился в Государственную думу с проектом основных положений об отмене ограничений в политических и гражданских правах, связанных с вероисповеданием и национальностью. В данном проекте ставился вопрос о необходимости отменить из общих законов все право-ограничения граждан в зависимости от их исповедания и национальности, о предоставлении всем гражданам России свободы избрания местожительства, передвижения, избрания профессий, равные права на государственной и общественной службе, неприкосновенности личности, свободы слова и печати, собраний и союзов, право на образование и т. д. Председатель Думы сообщил об этом проекте депутатам, обещал поставить на обсуждение, и на этом вопрос был исчерпан²⁷⁰.

Вопрос об отмене ограничений в области городского самоуправления неоднократно обсуждался на заседаниях городских дум Баку и Елисаветполя. В период деятельности Думы, когда, как отмечал гласный Бакинской городской думы А.Агаев на заседании 6 марта 1907 г., «вся Россия, весь мир борется за свои существенные права... мусульмане должны требовать отмены всяких ограничений раз и навсегда». Он с огромным беспокойством говорил о том, что сенатом кассированы выборы в органы городского самоуправления в Кубе и Елисаветполе, потому что число избранных гласных от мусульман превысило норму, установленную 44 ст. городского положения, т. е. 1/2 состава гласных. То же ждет и выборы в Бакинскую городскую думу, предупреждал он. Поэтому, предлагал он, следует обратиться в Государственную думу с тем, чтобы все ограничения мусульман были отменены. Выступивший по этому вопросу гласный Г.З.Тагиев отметил, что кардинальный вопрос, т. е. вопрос о реорганизации общественного городского самоуправления, будет решен в Думе и тем самым распространен на мусульман. Гласные Думы решили обратиться с ходатайством к заместителю об устранении ограничений на предстоящих 15 марта выборах в городскую

думу²⁷¹. Но и на этот раз их обращение осталось на бумаге.

В мусульманской фракции поднимался вопрос и о равноправии женщин. Дебаты по этому вопросу заняли целый вечер. Высказывались опасения, что решения, противоречащие вековому укладу несознательных масс, оттолкнут эти массы от фракции и она будет играть роль «генералов без армии»²⁷². После многократного согласования с советом мулл и разными магометанскими религиозными инстанциями, фракция пришла к заключению - право избирать женщинам предоставить, но предвыборные собрания проводить раздельно²⁷³.

На заседании фракции Х. Хасмамедов поднимал вопрос об амнистии и предлагалось провести его в Думе законодательным путем²⁷⁴.

По законопроекту, внесенному министром народного просвещения, выступил член думской комиссии по народному образованию М. Махмудов. Выражая недовольство тем, что министр обошел молчанием состояние просвещения у многомиллионного мусульманского населения, М. Махмудов остановился на положении учителей-мусульман и обратил внимание на то, что они «выделены в особую касту, лишенную достоинства человеческого, лишенную права занимать то или другое положение по народному образованию». Они лишены права говорить на родном языке, их за это преследуют. М. Махмудов поддерживал предложение кадетов передать законопроект в комиссию, внося в него требование о всеобщем и обязательном начальном образовании.

Доклад думской комиссии о местном суде вызвал особый интерес у Ф. Хойского и Х. Хасмамедова, профессиональных юристов. Недовольство вызвало у Ф. Хойского то, что реформа предполагалась лишь в тех губерниях, где введено земство, местное самоуправление. На деле это означало, что она должна была охватить лишь центральную часть России, исключая окраины. Не согласен был он и с тем, что мировые судьи должны избираться из местных жителей. Тревожило его - представителя дворянства, которое он считал «более интеллигентным классом, чем крестьяне и другие элементы государства», то, что мировым судьей мог оказаться менее «подходящий». По его мнению, «ограничивать так резко круг лиц, из которых могут быть избраны мировые судьи, представляется совершенно излишним и нецелесообразным»²⁷⁵. В своем выступлении Х. Хасмамедов высказался за необходимость ведения судопроизводства на языке местного населения, так как «всякое право судие, отправляемое через переводчиков, лишено, как это признано и думской комиссией, жизненного нерва - устности и непосредственности»²⁷⁶.

В апреле 1907 г. в Думе обсуждалась срочность запроса по поводу забастовки судебных команд в портах Каспийского моря. Сообщалось, что «ввиду общегосударственного значения возникших беспорядков» правительством был командирован в Баку «с особыми полномочиями командующий

отдельным корпусом жандармов генерал-майор Таубе»²⁷⁷. За срочность запроса выступил М. Махмудов, предлагая передать его в комиссию для «предотвращения имеющего быть столкновения между бастующими и вновь формирующимся составом команды»²⁷⁸. С ним солидарен З. Зейналов, предлагавший выработку мер, содействующих соглашению между рабочими и промышленниками²⁷⁹. Срочность запроса была отвергнута, он был передан в комиссию запросов. Комиссия, в свою очередь, не нашла «данных для предъявления правительству запроса о незакономерности действий» и постановила «запроса не вносить», но, понимая значение бакинской нефтяной промышленности, просить «правительство дать Думе разъяснение о положении дел в бакинском районе». При этом добавлено было, что «вопроса о вмешательстве в борьбу труда с капиталом решено не касаться»²⁸⁰.

Не остались равнодушными депутаты Азербайджана и к обсуждению ряда частных вопросов - упорядочения думской работы, порядка выбора лиц в канцелярию Думы и т. д. Допуская необходимость образовательного ценза при приеме на службу в канцелярию Государственной думы, Ф.Хойский был не согласен с цензом государственной службы. Его беспокоило, что это приведет к недопущению в канцелярию «целого громадного сословия присяжных поверенных», которые имели высшее образование, но ни на какой службе не состояли, «но тем не менее могут быть оказаться вполне пригодными и обладающими достаточными практическими познаниями для того, чтобы занимать места заведывающих отделами и проч.»²⁸¹. Это предложение было учтено и принято Думой²⁸².

II Государственная дума просуществовала 103 дня. 3 июня 1907 г. был опубликован царский манифест о роспуске Думы. Как указывалось в нем, созванная для «успокоения» России Дума не оправдала «ожиданий», так как «значительная часть состава» ее стремилась «увеличить смуту и способствовать разложению государства»²⁸³.

Как и первая, Дума оказалась разогнанной, не решив ни одного поставленного вопроса. Тщетны оказались и на сей раз старания азербайджанских социальных верхов использовать парламентскую арену для расширения своих прав и привилегий. Весть о роспуске Думы была встречена в Азербайджане неоднозначно. Елисаветпольский губернатор сообщал в департамент полиции, что в знак протеста против «ропуска Государственной думы второго созыва в г. Шуше местными торговцами и ремесленниками подготовлялась забастовка на 11 июня». На то шушинской уездной полицией было объявлено «всем местным торговцам, что в случае забастовки они будут арестованы, а населению, - что при проявлении каких-либо манифестаций будут приняты самые решительные репрессии. Ввиду этих мер забастовка не состоялась»²⁸⁴. Бакинский губернатор 14 мая 1907 г. сообщал в департамент полиции, что население губернии

относится к Государственной думе спокойно и потому «среди него не замечается повышенного настроения или революционной агитации под влиянием сессии Думы»²⁸⁵. Бакинский градоначальник после роспуска Думы, 8 июня 1907 г., спешил успокоить свое начальство в департаменте полиции, что в районе его градоначальства спокойно, что к роспуску Думы население отнеслось «по-видимому, индифферентно»²⁸⁶. 17 июня же из канцелярии наместника в департамент полиции пришла весть о том, что в городе и на промыслах спокойно, если «не считать несколько повышенного, ожидательного настроения среди промышленных рабочих»²⁸⁷. Так завершился второй этап думских кампаний. Он принес очередное разочарование азербайджанским депутатам, не сумевшим добиться решения выдвинутых ими вопросов.

ГЛАВА III ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА III И IV СОЗЫВОВ И АЗЕРБАЙДЖАН

После роспуска второй Думы сразу же в газетах появился избирательный закон по выборам в III Государственную думу²⁸⁸. В. И. Ленин в статье «Третья Дума» писал: «Правительство реализует результаты совершенного им 3-го июня гнусного преступления против народа; уродливый избирательный закон, совершенно извращающий волю не только всего народа, но даже и пользующегося избирательными правами меньшинства в угоду горсти помещиков и капиталистов дал царизму вожделенные плоды»²⁸⁹.

Согласно новому избирательному закону общее число членов Думы сокращалось с 524 до 442. Число выборщиков от помещиков и крупной буржуазии резко возрастало за счет представителей трудящегося народа - рабочих и крестьян. Избирательное право имело лишь около 15 процентов населения. Многие города, в том числе и Баку, лишились представительства. Почти на нет сводилось количество избранников от национальных окраин. Так, не имели своих представителей в Думе народы Средней Азии, кочевое население Астраханской и Ставропольской губерний, нерусские народности Забайкалья. Большим ограничениям подвергся и Кавказ. Для проведения выборов здесь создавалось шесть избирательных округов. Избиратели дифференцировались по национальному признаку: русское население Закавказья избирало одного депутата Думы отдельно от остального населения. Выборы производились по сословиям: от землевладельцев, от городских избирателей и от сходов сельских округов. В избирательном съезде землевладельцев участвовали лица, уплачивающие не менее 30 руб. земских сборов в год. Лица с меньшими сборами участвовали в выборах через уполномоченных.

Как и при выборах в первую и вторую Государственную думу наместнику на Кавказе предоставлялось в случае признанной им необходимости в пределах одной и той же губернии либо области: соединять отдельные уезды, округа или отделы с образованием для них соединенных избирательных съездов; землевладельцев и городских избирателей одного уезда, округа или отдела присоединять к соответствующим съездам другого уезда, округа или отдела²⁹⁰.

Весть о роспуске II Думы посредством агентской телеграммы дошла до Баку. Газета «Каспий» писала: «Этот акт величайшей важности весь день и весь вечер в домах, клубах и других общественных местах служил предметом обсуждения. У всех на устах был вопрос: каков будет новый избирательный закон?»²⁹¹. А избирательный закон призван был их горько разочаровать: если в предыдущей Думе каждая губерния - Бакинская,

Елисаветпольская, Эриванская имели по 3 представителя, то теперь все эти губернии, вместе взятые, выбирали только двоих, Тифлисская губерния же имела одного, вместо четверых ранее. Количественное ограничение обеспокоило представителей социальных верхов. «Помните, Кавказ обездолен, вместо 28 депутатов он пошлет в Думу только 10»²⁹², - предупреждали они и считали, что именно это обстоятельство требует особой серьезности к предстоящим выборам, особенно к «качеству» будущих депутатов. «Нужно сделать так, чтобы десять депутатов, которые поедут в Думу теперь, стоили бы прежних 28-ми»²⁹³. «Надо выбрать, - писала газета, - таких, для которых идея народовластия является далеко не пустым звуком, кому депутатское звание не ярлык лишь, украшающий его особу, ласкающий самолюбие, словом, для кого долг для народа - священный завет, именно такой выбор не даст почувствовать Кавказу себя обездоленным»²⁹⁴. Проанализировав активность депутатов и придя к выводу, что во II Государственной думе отсутствовала постоянно третья часть депутатов, и предполагая, что в III Думе будет та же картина, что активная часть ее будет составлять около 280 человек, автор отмечал, что 10 кавказских депутатов составят в ней около четырех процентов вместо пяти в предыдущей. «Значит, - заключала газета, - активность будущих депутатов от Кавказа может нейтрализовать действие нового избирательного закона. Итак, судьба в наших руках, и верой в лучшее будущее мы призываем граждан к работе в новой избирательной кампании»²⁹⁵. Одна из статей газеты «Каспий» была посвящена месту Баку в этих выборах и, естественно, в III Думе. В ней отмечалось, что если раньше Баку и Бакинская губерния имели по одному представителю в Думе, то теперь другая избирательная обстановка. Она имеет свои особенности, которые заключаются в том, что члены Думы будут разграничены по национальности: «Из двух депутатов, избираемых в этом округе (имеется в виду Бакинская, Эриванская, Елисаветпольская губернии. - Д. С), один должен быть мусульманином, т. е. от местного татарского населения и родственных ему мусульманских племен, а другой будет представлен прочими народностями»²⁹⁶, - разъяснялось в газете. Далее указывалось, что если закон и не определяет, к какой из прочих народностей должен принадлежать второй депутат, то, имея в виду этнографический состав трех губерний, можно предположить, что он должен быть от армян²⁹⁷. Задача в том, чтобы найти годного представителя, «который обладал бы максимумом качеств, предъявляемых в наше время к народному депутату»²⁹⁸. Признавая за Баку преимущественное положение в торговле и промышленности, в статье обращалось внимание на то, что такое положение может обеспечить ему резерв избирательных голосов и придаст «ту активность и ту меру политического самосознания, которые в первую очередь и решают все». Бакинцем должен быть и депутат от

русского населения²⁹⁹. Однако прогнозам самоуверенного бакинца не суждено было сбыться.

В положении о выборах в Государственную думу, утвержденному 3 июня 1907 г., в статье 25 указывалось, что надзор за производством выборов в избирательном собрании, который будет общим для Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний, возлагался на сли-саветпольского губернатора, собрание же это созывалось в г. Елисаветполс³⁰⁰. И в результате депутатом третьей Государственной думы от мусульманского населения вышеперечисленных губерний явился уже ранее избиравшийся депутатом II Государственной думы Халил-бек Хасмамедов.

Беспокоил представителей социальных верхов Азербайджана вопрос: какой будет новая Дума? «Будет ли. это - Дума Пуришкевичей, Крушеванов, будет ли она «а ля» земский съезд или наоборот?»³⁰¹. Ссылаясь на анализ выборщиков в губернских избирательных собраниях, газета «Каспий» делала вывод: «Землевладельцы и крупные городские собственники обеспечивают себе абсолютное большинство», признавала, что «крестьяне и рабочие вместе с городской мелкотой - везде меньшинство. Следовательно, по социальной группировке будущий состав Думы как будто предрешается в пользу буржуазных слоев»³⁰².

Обращаясь к манифесту о роспуске Думы, та же газета писала, что «Россия за время существования первой и второй Думы не успела создать для себя той обстановки, которая является неизбежной во всякой конституции»³⁰³. Это приведет к тому, что партии в III Думе,, партии, далекие по «миросозерцаниям» друг от друга, но единодушные в необходимости конституционных гарантий, объединятся. «Л потом мы будем защищать свои интересы». При этом оговаривалось: «если среди землевладельцев будут господствовать прогрессивные течения, то и при настоящем распределении выборщиков мыслима оппозиционная Дума»³⁰⁴. Таким образом, и в третьей Думе будут преобладать имущие классы,, выражаться их интересы, отстаиваться конституционная форма управления — таков был прогноз представителей социальных верхов Азербайджана.

Петербургское телеграфное агентство в статье, посвященной новому избирательному закону, совершенно официально делило все население на слою «культурные и устойчивые в общественном отношении» и «некультурные... совершенно неподготовленные к пониманию дел государственного управления и в значительной части лишенные самого элементарного образования»³⁰⁵. Отмечалось, что новый закон сокращал число представителей в Думе от окраин государства - Польши и Кавказа, которые якобы «не настолько слились с империей, чтобы депутаты их могли проникнуться пониманием общности их интересов с интересами коренного населения, на окраинах же, совершенно неразвитых а гражданском отношении, в

Туркестане, в степных областях и Якутской области, выборы временно приостанавливаются»³⁰⁶. За счет этих ограничений правительство оповещало, что его закон «обещает дать Государственную думу в составе представителей, имеющих уже опыт местного самоуправления и привыкших к мирной спокойной работе»³⁰⁷.

III Государственная дума открылась 1 ноября 1907 г. На первых же ее заседаниях были избраны председатель Думы, его товарищи, секретарь и его помощники. Председателем первоначально был избран Н. А. Хомяков, затем пост председателя поочередно занимали А. И. Гучков и М. В. Родзянко. Все они были октябристами. Это свидетельствовало о том, что III Государственная дума обещала быть и была более правой, чем ей предшествующие. В Думе было выбрано восемь постоянных комиссий: бюджетной, финансовая, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, редакционная, комиссия по запросам, библиотечная, личного состава и распределительная. Было образовано свыше двадцати пяти комиссий, в число которых входили комиссия по государственной обороне, продовольственная, по народному образованию, по переселенческому делу, земельная комиссия, по рабочему вопросу, по направлению законодательных предложений, по делам православной церкви, по судебным реформам, комиссия о путях сообщения, о торговле и промышленности, по местному самоуправлению³⁰⁸ и др. Газета «Бакинский пролетарий» отмечала, что для деятельности III Государственной думы характерно перенесение центра тяжести обсуждаемых вопросов «в комиссии, вырабатывающие проекты в согласии с представителями министерств. Дума, как собрание комиссий, действующих по директивам министерств - вот настоящая картина третьей Думы. Что это, как не «конституционная» канцелярия при Совете Министров, сфабрикованная для «культурного» подавления революции?»³⁰⁹.

Классовый и партийный состав III Думы, как указывал В. И. Ленин, подтвердил основное деление русских политических сил и русских политических партий. «Смена второй Думы третьей Думой, - писал В. И. Ленин, - есть смена кадета, действующего по-октябристски, октябристом, действующим при помощи кадеты»³¹⁰. Далее он указывал, что «результаты выборов лишней раз подтверждают наше твердое убеждение: Россия не может выйти из переживаемого ею кризиса мирным путем»³¹¹. «Миссия октябристской Думы, но замыслу правительства, состоит в том, - указывал В. И. Ленин, - чтобы завершить революцию прямой сделкой старой власти с помещиками и крупнейшей буржуазией на основе известного минимума конституционных реформ»³¹². В. И. Лениным были определены основные цели социал-демократической фракции в III Думе - она призвана была «вести упорную борьбу за демократические и революционные задачи не только с правительством, черной сотней и октябристами, но и с кадетами»³¹³.

Он призывал социал-демократов не входить в блоки, в «совместные действия», и, руководствуясь резолюцией V съезда РСДРП, «исключить всякую возможность каких бы то ни было отступлений от с.-д. программы и тактики, служа лишь целям общего натиска как против реакции, так и против предательской тактики либеральной буржуазии»³¹⁴.

Следуя ленинским наставлениям, фракция выступила на заседании Думы с декларацией, в которой обвинила ее как Думу «привилегированного меньшинства, которое заинтересовано в том, чтобы обновления России» не происходило. Целые национальности были лишены значительной части своих избирательных прав: широкие массы народа остались за бортом политического представительства. И поэтому «своим лозунгом эта Дума имеет ликвидацию освободительного движения и своей очередной работой - политику более или менее откровенной реакции»³¹⁵, - говорилось в декларации.

Азербайджан, а точнее азербайджанское население трех губерний - Бакинской, Елисаветпольской, Эриванской - было представлено в Думе в единственном числе. Как уже было сказано выше, депутатом был избран представитель имущих слоев Елисаветполя - Халил-бек Хасмамедов, относящий себя к партии народной свободы. Армянское население избрало И. Са-гателяна, представлявшего партию «Дашнакцутюн». Русское же, само того не ведая, - Тимошкина, из фракции правых, «случайного астрахаица, ставшего но приказчиному свидетельству закавказцем»³¹⁶.

Х. Хасмамедов являлся членом ряда комиссий: для выработки адреса императору, по запросам, по переселенческому делу, по судебным реформам.

Социальные верхи Азербайджана нацеливали своих избранников на отстаивание тех пунктов прошений и петиций, которые остались обещанными на бумаге. В то же время они призывали их критиковать существующие порядки. «В этом направлении кавказских депутатов, — отмечала газета «Бакинское эхо», — будут поддерживать не только кадеты и другие левые партии, но и более умеренные элементы Думы — беспартийные прогрессисты, мирнообновленцы и левые октябристы». Утверждая это, они надеялись, что эта критика заставит Столыпина приступить к осуществлению «некоторых реформ в сфере местного управления и удовлетворения элементарнейших потребностей окраин. Пусть это будет первым шагом, без которого трудно ожидать дальнейших реформ. Такова должна быть, по нашему мнению, реальная политика наших депутатов»³¹⁷. Однако действительность показала, что даже эти минимальные надежды не оправдались. Никакие реформы не были проведены, их и не намеревались проводить.

В день открытия Государственной думы была избрана комиссия для выработки адреса императору. В числе 18 человек³¹⁸ был и Х. Хасмамедов.

Бакинские большевики писали: «Адрес царю - Дума выражает верноподданнические чувства и лобызается с Николаем II»³¹⁹. Х. Хасмамедов, выступая по адресу на заседании 13 ноября, признал его «весьма важным актом». Текст адреса состоял из двух частей: I - приветственная, II - политическая. «Я, как принадлежащий к группе, политическим кредом которой является конституционная монархия, всецело присоединяюсь к первой части этого адреса. В нем мы должны и выражаем на самом деле чувство преданности и любви к нашему Монарху: того же я не могу сказать про часть политическую». Х. Хасмамедов, взяв на себя ответственность рассуждать от имени «закавказских мусульман», объявил депутатам Думы, что «совершенно не важно то или иное название политического строя нашего государства, гораздо важнее для нас содержание этого политического строя, способного удовлетворить наши потребности, наши стремления»³²⁰. А «стремления» его и класса, который делегировал его в Думу, сводились к осуществлению тех «свобод», которые были обещаны царем в манифесте 17 октября 1905 г. В адресе же, по мнению Х. Хасмамедова, «поставлена ясно демаркационная линия между старой Россией и Россией новой». В течение двух лет после манифеста ожидания «инородцев» сводились к следующему: полная гражданская свобода, политическое и гражданское равноправие всех граждан, истинное народное представительство, закономерность властей и полное участие народного представительства в делах государственного законодательства³²¹. Х.Хасмамедов довел до сведения членов Думы, что за прошедшие два года ничего не сделано для уравнивания мусульман в правах с коренным населением, ничего не сделано для развития просвещения мусульман, для поднятия их благосостояния³²². В своем выступлении он остановился на переселенческом вопросе и старался убедить депутатов Думы в том, что в случае обеспечения местных крестьян землей, «так долго страдающих от малоземелья», они примут в «свои объятия всех сынов России, кто бы они ни были и где бы они ни жили». Насколько обоснованным было беспокойство Х.Хасмамедова о безземелии азербайджанского крестьянства свидетельствует то, что 307 депутатов третьей Думы 13 февраля 1908 г., представившись «государю», в ответ на его агитационную речь против наделения крестьян землей закричали «ура». А это означало, как и предупреждали большевики: в самом главном вопросе третья Дума будет с «государем против рабочих и крестьян»³²³.

Х. Хасмамедов просил внести поправку в политическую часть адреса - удовлетворить справедливые стремления народностей, населяющих Россию: «Внесение нашей поправки крайне важно. Этим будет Государственной думою засвидетельствовано перед монархом, что эти стремления и потребности сочувственно встречаются в Государственной думе, наши стремления и потребности согласны с монаршей волей. Мы бы не настаивали

лично на внесении этой поправки, если бы после 17 октября политика старой России не продолжалась бы, и в этом отношении я должен указать на ужасный акт 3 июня, которым представительство наше ограничено, а мы частью лишены его совсем...»³²⁴.

В III Государственной думе депутаты от мусульман были объединены в единую фракцию. Насчитывала она 8 человек, имела особое бюро, возглавляемое А.М.Топчибашевым³²⁵, который, не будучи депутатом Думы, принимал самое непосредственное участие в деятельности мусульманской фракции и этой Думы, в подготовке законопроектов и т. д. По многим вопросам члены фракции были едины. Едины они были и в поддержке начинаний партии народной свободы. Это единство М. Максудов объяснял таким образом: «В России проживает 20 миллионов мусульман, исповедующие одну религию, и говорят они, исключая некоторые народности Дагестана, на одном языке». Мусульмане, объяснял он, объединились в единый Союз, не преследуя панисламистские цели. Их объединило чувство самосознания и необходимость выбора пути развития. «Эти два положения для нас священны и мы будем претворять их путем просвещения и культуры»³²⁶, - заключал М. Максудов.

Специальные заседания фракции были посвящены выработке отношения и позиции по таким вопросам, как начальное образование на родном языке (доклад был передан в шестую думскую подкомиссию)³²⁷, введение земских учреждений на Кавказе³²⁸. Придавая большое значение вопросу о свободе вероисповедания, мусульманская фракция постановила перевести на татарский язык доклад по данному вопросу, представленный Государственной думе³²⁹.

На заседании в марте 1908 г. члены мусульманской фракции обсуждали вопрос о начальном обучении на родном языке. Было доложено, что III Дума отклонила «мотивированный доклад» мусульманской фракции, подготовленный «совещанием восьми», выделенным третьей думской подкомиссией по народному образованию для детального рассмотрения вопроса об инородческих школах. В докладе доказывалась необходимость обучения в начальных школах на родном языке. Доклад передан был в шестую думскую подкомиссию для вторичного рассмотрения, где члены фракции собирались настаивать на его утверждении. Помимо этого признавалось необходимым внести на рассмотрение в подкомиссию проект средних и начальных школ инородцев³³⁰. 10 марта 1908 г. фракция обсуждала решение думской комиссии по вероисповедным делам. Указывалось при этом, что религиозный вопрос является самым больным в жизни мусульман, с нетерпением ожидается разрешение его в смысле свободы пропаганды веры. Было принято решение - твердо настаивать на отмене 4-й статьи устава инославных вероисповеданий, допускающих свободу пропаганды только для православной веры³³¹.

17 марта 1908 г. мусульманская фракция вернулась к вопросу о народном образовании, обсудила вопрос об ассигновании 6-ти миллионов рублей на его нужды.

Было решено голосовать за эту сумму, надеясь, что она будет направлена на создание новых народных школ, так как «в школы старого типа мусульмане посылать своих детей не будут, ибо последние не соответствуют нуждам мусульманского населения»³³².

Мусульманская фракция отказалась удалиться на пасхальные каникулы и определила круг вопросов деятельности на это время: вопрос о введении земских учреждений на Кавказе и подготовка к «возражению на запросы правых о положении дел в кавказском наместничестве»³³³. Об участии представителей Азербайджана в деятельности мусульманской фракции и необходимости еще «более близкого и деятельного общения» с ней говорил Х. Хасмамедов в своих обращениях к избирателям-мусульманам и к выборщикам от города Баку. Х. Хасмамедов призывал последних к «более энергичной нравственной и материальной поддержке» как всей фракции, так и бюро при ней³³⁴. Решение не выезжать на пасхальные каникулы было принято членами мусульманской фракции и в марте 1909 года. Во время пасхальных каникул предполагалось провести совещания по различным вопросам мусульманской жизни при участии Али Мардан-бека Топчибашева³³⁵. Фракция оповещала своих избирателей в марте 1909 г., что члены ее будут голосовать против введения для мусульман «общего порядка наследования», ссылаясь при этом на требования религиозного мусульманского закона³³⁶.

В целом деятельность депутатов мусульманской фракции, в том числе и от Азербайджана, сводилась к следующему: участие в обсуждении всех законопроектов на заседаниях фракции, выработка линии поведения в выступлениях на заседаниях Думы. А цель — добиться реформ, ибо, как утверждал Х. Хасмамедов, часто выступавший от имени фракции, «только благодаря реформам можно создать доверие населения к власти»³³⁷.

Анализируя выступления Х. Хасмамедова, их можно сгруппировать вокруг таких крупных вопросов, беспокоивших представителей социальных верхов Азербайджана в начале XX века, как предоставление гражданских и политических свобод, упорядочение переселенческого вопроса, обучение и судопроизводство на родном языке, введение земских учреждений и т. д. Насколько реальны были надежды Х. Хасмамедова, можно судить по заявлению Столыпина: «Правительство надеется в скором времени предложить на обсуждение Государственной думы также проекты самоуправления на некоторых окраинах, применительно к предполагаемому новому строю внутренних губерний, причем идея государственного единства и целостности будет для правительства руководящей»³³⁸.

Самым значительным из выступлений Х. Хаемамедова является

выступление по так называемому кавказскому запросу. Кавказский запрос был внесен в Думу по инициативе крайних правых, а по настоянию право-октябристского большинства был спят^{338a}. Газета «Окраины России», определяя первоочередные законопроекты, отмечала, что «кавказские дела» - это второочередные задачи Думы^{338b}. Несмотря на такую реакцию, Х. Хасмамедов в своей речи отразил почти все вопросы, поднятые им на заседаниях Думы.

Прежде всего он назвал проповедь Пуришкевича, направленную на противопоставление народностей Кавказа друг другу - антигосударственной. «Мы полагаем, - продолжал он, - власть не должна делать никакого различия между национальностями, мы полагаем, что национальности должны пользоваться одинаковыми правами и нести одинаковые обязанности. Только при этом условии возможно доверие населения к власти, а без этого нет здорового управления»³³⁹. Вновь возвращаясь к вопросу о переселении, он говорил, что все население Закавказья делится на христиан и нехристиан. К мусульманам, как к нехристианам, нет доверия, для них созданы ряд ограничений - они отстранены от высших должностей в крае, порой не допускались и к низшим. Мусульманам закрыт путь к «такому рычагу культурного развития», как народное образование. Существующие школы не удовлетворяли коренное население, так как в них обучение велось не на родном языке. Да и школ было крайне мало - в местностях с мусульманским населением одна начальная школа приходилась на 14 тыс. жителей, с христианским же - одна на 4 тыс. Мусульмане с высшим образованием не допускались в средние учебные заведения для педагогической деятельности, без министерского разрешения не могли заниматься адвокатурой. Их число ограничивалось ст. 44 городского положения в органах городского самоуправления и т. д. и т. п. Остановился он и на ограничениях мусульманского духовенства. «Отсутствие какого-либо учебного заведения для подготовки лиц на духовные должности и приниженное, подчиненное положение духовных властей и учреждений решительно пошатнули влияние духовных наших властей, которые вместе с мусульманским обществом лишились своего вакуфа, лишились возможности оказывать влияние на духовное, учебное и просветительное дело мусульман»³⁴⁰. «У нас отобраны несколько лет тому назад наши вакуфы - это наше, так сказать, национальное достояние»³⁴¹, - заключал он. В результате всего этого, объяснял Х. Хасмамедов, мусульмане отстали от своих соседей в культурном отношении, уступали им «и в промышленности, и в торговле, и в технических знаниях»³⁴².

Сравнивая удовлетворение культурных потребностей населения Закавказья и населения Европейской части России, Х. Хасмамедов опирался на статистику: в России одно начальное училище приходилось на 55 кв. верст и па 1 376 жителей, одна больница - на 777 кв. верст и на 19 000

жителей, один врач - па 650 жителей, в Закавказье это выглядит соответственно - одно училище на 108 кв. верст и на 2 965 жителей, одна больница - на 1 218 кв. верст и на 38 000 жителей, один врач - на 13 тыс. жителей. На Кавказе нет правосудия. Вместо того чтобы дать, по его мнению, судебных следователей, создан здесь институт мировых судей, заведующих следственной частью³⁴³. Следователи не знали местных языков, не были осведомлены в технике производства предварительного следствия, которое находилось в руках безграмотных переводчиков. В руках последних находились и мировые судьи, также не знавшие местного языка, обычаев, особенностей. Даже если судьи и знали язык, все равно вести делопроизводство они должны были на языке государственном³⁴⁴.

Не остался безразличным Х. Хасмамедов и к вопросу высшей власти в крае, считая, что она не должна «смотреть па вещи с истинно русской точки зрения, ибо эта точка зрения есть национальная исключительность и борьба с инородцами»³⁴⁵. Наоборот, власть должна быть доброжелательна к населению, не разъединять, а объединять национальности, вселяя любовь к государству. Выход из сложившегося положения па Кавказе Х.Хасмамедов видел в проведении необходимых реформ, которых требовали кавказские народы уже два десятка лет: введение земских учреждений, преобразование местного суда, справедливой администрации, земельного устройства местного населения и т. д. «Только эти реформы могут успокоить наш край и вызвать общественные силы для созидательной работы»³⁴⁶. Запрос не был ни принят, ни отвергнут, ни взят авторами назад. Даже не проголосовав по данному вопросу, Дума перешла к очередным делам, как и обычно, когда решение по тому или иному вопросу не принималось³⁴⁷.

Х.Хасмамедов же в период всей деятельности Думы, выступая по различным запросам, не раз возвращался к поднятым проблемам. 28 марта 1908 г. он принял участие при рассмотрении сметы доходов и расходов переселенческого управления. От имени мусульманской фракции Х.Хасмамедов заявил, что считает переселенческое дело государственным предприятием громадной важности. Оно должно преследовать две цели: во-первых, чтобы переселенцы устраивались на новых местах удобно; во-вторых, чтобы поселение их в этих местах не затрагивало бы и не нарушало бы земельных прав и интересов местного населения. В действительности же, констатировал депутат, управительства не было в этом деле определенности и ясности. Оно наскоро создавало переселенческие участки и произвольно передвигало и направляло переселенческие массы. «Правительство при этом преследовало только одно-чтобы поскорее избавиться от малоземельных и безземельных крестьян в центральных губерниях». Проводя переселенческую политику, правительство сгоняло население с насиженных мест, передавало их зажиточным крестьянам, совершенно не заботясь при этом о безземельных и

малоземельных крестьянах. Х.Хасмамедов был совершенно прав, предлагая обеспечить вначале своих крестьян землей³⁴⁸, оставшиеся же земли затем отвести переселенцам. Наместник на Кавказе, также «убедившись в нецелесообразности такой постановки в крае переселенческого дела», обратился в центральные учреждения о приостановке переселения. И действительно, уже полтора года, как приостановилось это переселение»³⁴⁹, - сообщал Думе Х.Хасмамедов. Он требовал приостановления переселенческого движения в Киргизию, где население само остро нуждалось в годных землях.

Х. Хасмамедов был уполномочен фракцией сделать Государственной думе заявление о том, что переселенческий вопрос тесно связан с аграрным вопросом, без разрешения которого правильное и справедливое переселение невозможно. Переселение из внутренних губерний России связано с лишением и ограничением землепользования местного коренного населения. Ввиду этого, мусульманская фракция считала, что переселение в степные области Закавказья и Туркестана должно быть приостановлено вплоть до разрешения аграрного вопроса³⁵⁰. Газета «Каспий» в передовой статье присоединяла свой голос: необходимо выяснить земельную обеспеченность местного населения и только на этой основе сделать «справедливый вывод»³⁵¹.

К вопросу о переселенческой политике царизма на Кавказе Х.Хасмамедов возвращался неоднократно. В частности, выступая по смете переселенческого управления в марте 1910 г., он отмечал, что колонизация Кавказа является несвоевременной и несправедливой, так как «туземное население Кавказа ничуть не обеспечено в земельном отношении, и оно одинаково страдает как от безземелья, так и малоземелья»³⁵². И вновь он заявлял, что только после того, как местное население будет обеспечено землей, оставшиеся земли могут и должны быть отведены под переселение³⁵³.

Подобные заявления, по-видимому, возымели влияние на наместника на Кавказе, который в своем отчете отмечал, что при наделении землей переселенцев прежде всего должны использоваться нуждающиеся в орошении заброшенные земельные просторы в Восточном Закавказье³⁵⁴. Однако в 1913 г. по его же инициативе появляется новая тенденция «в размещении в крае русских переселенцев: вместо вкрапленных в среду местного населения отдельных поселков - создание сплошных массивов русского населения. Если учесть близость Мугани к границе, то ясно стратегическое значение, хотя и сопутствующее, новых установок расселения переселенцев, что, собственно, и не скрывалось правительством»³⁵⁵. Идея наместника как бы вытекала из заявления депутата от Киевской губернии Сувчинского - члена переселенческой комиссии Думы: «...Всякий раз, когда рассматривается переселенческая смета, представители Кавказа указывают на притеснения, чинимые будто бы туземным жителям из-за водворения русских переселенцев. Быть может, вследствие ошибочной деятельности администрации подобные

случаи и бывают, но они ничего общего не имеют с планомерной колонизацией Кавказа, которая должна быть осуществлена в самых широких размерах»³⁵⁶.

В мае 1908 г. крестьянами-депутатами III Думы был внесен в Думу проект «42-х», который предусматривал принудительное отчуждение по средней рыночной цене помещичьей земли, не обрабатываемой самими владельцами. Для проведения земельной реформы предлагалось создать местные земельные комиссии, избираемые всеобщей подачей голосов. В. И. Ленин называл этот проект прогрессивным, ибо обсуждение земельной реформы на местах действительно демократическими выборными учреждениями абсолютно несовместимо с сохранением в современной России власти царя и землевладения помещиков³⁵⁷. В.И.Ленин писал, что «в такой Думе 42 крестьянина подписали подобный проект, это лучше всяких рассуждений доказывает революционность крестьянской массы в современной России»³⁵⁸.

Х.Хасмамедов принял участие в обсуждении доклада земельной комиссии по внесенному министром внутренних дел законопроекту об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения. Закон 9 ноября 1906 г., заявил он от имени мусульманской фракции, издан в целях политических, направленных к затруднению разрешения аграрного вопроса, ради интересов небольшого класса землевладельцев. Потому, заключал он, мусульманская фракция против постатейного обсуждения этого законопроекта. Х.Хасмамедов подчеркивал, что закон 9 ноября искусственно разрушает во многих местностях государства общину, которая «является еще жизнеспособной и при настоящих условиях более целесообразной формой землепользования»³⁵⁹, что разрушение ее в том виде, в каком предполагается этим законом, поведет к обогащению отдельных лиц в ущерб крестьянской массе, которая будет в результате более обезземелена, что этот указ разбивает крестьянскую массу на классы и сеет между ними раздор. Далее Х. Хасмамедов пытался доказать, что этот указ в связи с разрозненностью и разбросанностью крестьян неблагоприятно отразится на просветительской деятельности как самого крестьянского общества, так и государства, что закон этот, являясь лишь обрывком из общего аграрного законодательства, ухудшит землепользование крестьян в массе, что противоречит этическим задачам государства, имеющим целью поддержание слабых и обездоленных³⁶⁰.

Большевистская газета «Волна» писала по поводу закона 9 ноября: «...этот кит, на котором держится вся политика господствующих классов, вместо успокоения вносит в деревню дальнейшее более интенсивное расслоение, обострение классовых интересов, усиленную пролетаризацию крестьянства, а следовательно, более интенсивную, обостренную и сознательную классовую борьбу»³⁶¹. И если Хасмамедов считал, что этот указ

«неблагоприятно отразится на просветительской деятельности» среди крестьян, большевики же считали, что он «...более, чем годы агитации и пропаганды, прояснит крестьянское сознание и заставит его более решительно выступить на защиту своих интересов»³⁶².

Несмотря на то, что этот законопроект был обсужден постатейно, в чем мусульманская фракция участие не приняла, Дума ни к какому конкретному решению не пришла.

Без всякого внимания осталось требование азербайджанского депутата о введении в крае земства. Дума, рассматривая законопроекты о введении земства в западных губерниях Российской империи, и не намеревалась ставить вопрос о введении его в Закавказье, в том числе в Азербайджане.

В своих выступлениях по вопросам народного образования Х.Хасмамедов ратовал за обучение в начальной школе на родном языке, хотя он и за «необходимость знания государственного языка». «Пока начальная школа в нашем крае не будет отвечать обществу и религиозным особенностям нашим и пока в наших начальных школах преподавание не будет введено на родном тюрко-татарском языке, невозможно рассчитывать на упорядочение школьного дела и правильное воспитание нашей молодежи»³⁶³. Он остановился на проблеме подготовки учителей, обратил внимание на то, что существующие семинарии, где идет их подготовка, - татарское отделение Закавказской семинарии в г. Гори Тифлисской губернии и в Эриванской губернии, находятся вне Азербайджана, число вакансий в них ограничено, и поэтому это не может удовлетворить мусульман. Подготовка их вне Азербайджана приводит также к тому, что будущие учителя не знают «ни национальных традиций, ни истории, ни обычаев, не могут войти в общение с населением»³⁶⁴. Поэтому и ходатайствовал перед Министерством народного просвещения о перенесении татарского отделения Закавказской семинарии в Елисаветполь, преобразовав его в самостоятельную семинарию³⁶⁵. Касаясь состояния женского образования, Х.Хасмамедов отметил, что в крае нет ни одной «правительственной школы для мусульманок, имеющиеся две-три школы содержатся частными лицами. Желательна была бы учительская женская семинария для подготовки мусульманок-учительниц»³⁶⁶.

В октябре 1910 г. по поводу законопроекта Министерства народного просвещения Х.Хасмамедов подчеркивал, что допускает в Думе разногласия по многим вопросам законодательства, но «только не по вопросу о начальном образовании»³⁶⁷. Выступая против ст. 16 проекта, он говорил: «В начальных училищах преподавание производится на русском языке, по руководствам и пособиям, допущенным Министерством народного просвещения». Он разъяснял, что эта статья оказалась более несправедливой к «инородцам», чем имеющиеся уже узаконения, в частности правила 1 ноября 1907 г., согласно которым «преподавание в инородческих школах» в первые два года обучения

допускалось на родном языке. Х.Хасмамедов отмечал, что в этом законопроекте проявился дух черной реакции. Изучение родного языка относилось законопроектом к предметам второй категории (было всего две категории), т. е. относилось к предметам, вводимым в курс училища «по возможности», и притом по разрешению училищного совета или согласия министерства. Согласно ст. 31 и 36 проекта учителя в начальных школах избирались из русских подданных православного вероисповедания. Была оговорка, что в начальных училищах для детей других вероисповеданий «в учителя могут быть избраны и лица соответствующего вероисповедания». Слова «могут быть», считал Хасмамедов, никого ни к чему не обязывали. И поэтому он сокрушался, что контингент учителей вновь будет из лиц, не знающих ни обычаев, ни быта, ни особенностей населения. Такое школьное «начинание заранее, можно сказать, обречено на гибель»³⁶⁸, предсказывал он.

Х. Хасмамедов протестовал по ряду ограничений: против излишней административной опеки духовных учреждений, законоучители и преподаватели которых должны были утверждаться с согласия начальников губерний, против того, чтобы председатель и не менее половины членов училищного совета должны быть христианского вероисповедания. «Такие ограничения мы считаем недопустимыми в настоящее время, когда имеются высочайшие акты 17 апреля и 17 октября о веротерпимости», - заявил он. К этому вопросу он возвращается вновь в выступлении на заседании 19 ноября 1910 г.³⁶⁹, внося поправку - исключить это ограничение. Но его поправка была отклонена Думой³⁷⁰. Говоря о законопроекте в целом, Х. Хасмамедов отмечал, что понятны «затаенные цели проекта, которые заключаются в желании денационализировать инородцев. Это труд напрасный и порукой тому может служить все прошлое инородческой школы. Чем больше вы будете устранять наши языки, нам дорогие, из сферы государственной жизни, тем больше они будут предметом самой деятельной работы в самых близких и кровных сферах нашего суда и ума: в семейной жизни, храмах, в литературе»³⁷¹. «Проект этот является самым зловердным. Если вы хотите, чтобы Дума третьего созыва могла в будущем рассчитывать на название Думы народного просвещения, исправьте ваш законопроект и сделайте его приемлемым для всех национальностей, населяющих Российскую империю», - заключил он под рукоплескания «слева»³⁷².

В ноябре 1910 г. Х.Хасмамедов вновь возвратился к вопросу о том, что родной язык в инородческой школе включен в перечень предметов второй категории. Он внес поправку в ст. 12 и предложил включить в обязательные предметы начальных училищ после русского языка родной язык учащихся³⁷³. Однако и эта поправка, внесенная от имени всей фракции, была отклонена Думой³⁷⁴.

Активен был Х.Хасмамедов при обсуждении законопроектов об

ограничениях в области вероисповедания, был сторонником увеличения числа членов вероисповедной комиссии за счет депутатов-мусульман³⁷⁵. В мае 1909 г. он выступил по законопроекту о праве свободного перехода во всякое вероисповедание или вероучение. Свободу религиозного убеждения он провозглашал важнейшим жизненным вопросом. «В области религии не должно быть никаких принуждений»³⁷⁶. Принимая участие в обсуждении вопроса об отдыхе торговых служащих в воскресные и праздничные дни, Х.Хасмамедов, ссылаясь на акт 17 апреля 1905 г. о веротерпимости, ходатайствовал о предоставлении полного отдыха для мусульман в пятничные дни и в праздники мусульман. От имени мусульманской фракции он заявил: «Определение дней праздничного отдыха является для нас, мусульман... вопросом религиозно национальным, т. к. это составляет одно из отличий внутренних и внешних нашего быта от такого других народностей». Поэтому все многомиллионное население мусульманских окраин России «без различия классов и состояний, единодушно требует разрешения этого вопроса в том смысле, в каком предлагается мусульманской фракцией»³⁷⁷. Это ходатайство было поддержано фракцией народной свободы. Однако Думой принято не было³⁷⁸. Не повлияло на это решение даже то, что члены мусульманской фракции в знак протеста оставили зал заседаний. «Численно бессильная, не могшая своими голосами доставить перевес своему желанию, фракция больше ничего сделать не могла, - с горечью писала газета «Каспий». - Члены ее говорили, убеждали, но большинство осталось глухо к их убеждениям, и в результате Дума приняла закон, который даже по сравнению с существующим порядком является каким-то невероятным шагом назад»³⁷⁹.

Встал на защиту «туземного населения» Х.Хасмамедов при обсуждении законопроекта о преобразовании Терской постоянной милиции в Терскую полицейскую стражу. В законопроекте указывалось, что в составе ее могут быть лишь «благонадежные туземцы», тем самым считая их в основном неблагонадежными. «Такая презумпция едва ли допустима и возможна, т. к. нельзя бросать обвинения и оскорбления целому народу»³⁸⁰. Он внес предложение исключить из текста слово «благонадежные». Предложение было принято в результате голосования.

Блестящее юридическое образование позволяло Х.Хасмамедову выступать по широкому кругу законопроектов. В числе 45 делегатов он был избран в комиссию по городским делам и 21 мая 1909 г. выступил по внесенному представителем наместника на Кавказе законопроекту о введении в г. Карее городского положения. Он отметил несовершенство действующего городского положения 1892 г. и то, что созданная Думой вышеназванная комиссия призвана заниматься этим вопросом, что этот законопроект надо реформировать. Введение же в Карее городского самоуправления по положению 1892 г. свидетельствует о «желании обеспечить представительство

русского населения в городском самоуправлении»³⁸¹. Х. Хасмамедов считал, что надо расширить избирательный закон, подумать о представительстве и турецкого населения, которое в Карее составляло 2000 чел., и греков. «Раз комиссия становилась на точку зрения пропорционального представительства одной только национальности при настоящем положении на Кавказе, Государственная дума, принимая точку зрения, создаст у различных национальностей шовинизм, потому что мы знаем, что всякое такое начало создает рознь и неудовольствие, которое не может и не должно быть поощряемо высшим государственным учреждением. Мы должны, даже если временно устраиваем куриальную систему выборов, сделать все для того, чтобы уничтожить распрю между национальностями и не вызвать раздражения»³⁸². Законопроект был признан спешным и направлен в редакционную комиссию³⁸³.

В ноябре 1909 г. Х. Хасмамедов принял участие в обсуждении проекта реформы местного суда, который вводился только в 46 губерниях. Такое ограничение объяснялось отсутствием в остальных частях государства земских учреждений, на которые по проекту возлагалось избрание местных судей. Он коснулся «одного нововведения»³⁸⁴ законопроекта, т. е. ст. 111, которая «устанавливает впервые, как общее правило, что в судебных установлениях судопроизводство происходит на русском языке»³⁸⁵. И если даже эта реформа и не относилась к окраинам, тем не менее, отмечал Хасмамедов, он за ведение суда на языке, доступном местному населению. Он ратовал за то, чтобы «допустить применение местного языка в мировых установлениях тех местностей, где проживают инородцы»³⁸⁶. Х. Хасмамедов предлагал внести поправку в ст. 111, а именно - судоговорение вести на языке преобладающего «инородческого населения», а судопроизводство - на государственном, т. е. на русском. Поправка эта совпала с предложением партии народной свободы. Однако поправка была отклонена³⁸⁷, как и предложение о языке местного населения. Было внесено дополнение, которое допускало для местностей, где «значительная часть населения не понимает русского языка», принимать словесные просьбы и жалобы на местном языке и мировые судьи при этом изъяснялись бы через переводчика, а их письменные заявления на местном языке прилагались к делопроизводству. Таким образом, суд продолжал оставаться недоступным, непонятным для местного населения.

Несколько позже, 26 марта 1910 г., Х. Хасмамедов обратил внимание Думы на то, что поправка к ст. III не имеет «цели какие-нибудь политические», а направлена лишь на то, чтобы «поставить правосудие на должную высоту»³⁸⁸. Вновь возвращаясь к своей поправке, он выступал против института переводчиков, считая его злом в правосудии. Противопоставляя обсуждаемому законопроекту законодательство 1864 г., он характеризовал его как мудрое, ибо оно допускало судоговорение на языке

местного населения в том случае, если судебный следователь знал этот язык³⁸⁹.

Выступая по законопроекту о воинской повинности, Х.Хасмамедов 30 ноября 1911 г. повторил мнение, высказанное мусульманской фракцией еще ранее на сессии III Государственной думы, при обсуждении законопроекта о контингенте новобранцев в призыв 1908 г. А сводилось оно к тому, что и в 1908 г. и в 1911 г. мусульманская фракция выступала за распространение воинской обязанности на мусульман и против специального денежного налога в размере около 500 тыс. руб., учрежденного взамен отбывания воинской повинности³⁹⁰. Газета «Каспий», знакомя читателей с постановкой этого вопроса в Думе, писала, что «все граждане должны разделять тяготы по обороне отечества, ...все граждане на всем протяжении отечества должны пользоваться одинаковыми правами». И этот «частный вопрос был бы решен», - отмечала газета, - если бы страна получила бы те законы, «которые она ждет шесть лет и которые должны были ей дать свободу слова, свободу веры, свободу убеждений и равноправие»³⁹¹.

Заинтересованно наблюдая за деятельностью Думы и выражая свое отношение к обсуждаемым в ней законопроектам, газета в своих передовицах писала: «Работы бесконечно много. Тут и аграрный вопрос, и наболевший вопрос о переходе страны к нормальному порядку управления, и тесно связанный с этим вопрос о неприкосновенности личности, тут и бюджетно-финансовые и про-мышленно-экономические, и прочие вопросы, один из другого вытекающие, не поддающиеся разрешению порознь и не позволяющие совместного рассмотрения... И всюду мы видим то же стремление отложить вопрос до изменения обстоятельств, причем никто не представляет себе достаточно отчетливо, как именно должны измениться обстоятельства и какие причины могут вызвать эти изменения. Ясно только одно: что третья Дума уже успела сказать свое последнее слово, и что не она явится той творческой силой, которая волеет новую струю жизни в государственный организм»³⁹².

В марте 1911 г., выражая свое отношение к избранию М. В. Родзянко на пост председателя Думы и не соглашаясь со своими коллегами из Петербурга, которые считали этот факт ударом по конституционному строю, автор передовицы «Каспия» разъяснял: «Ведь конституционный строй — это не выдумка партии или группы. Это не бумага, на которой написана та или иная конституция. Это естественная и необходимая ступень в развитии и росте человеческого общества. И все явления, которые будут противоречить этому неизбежному процессу, обречены на естественное отмирание»³⁹³. Обнадеживая своих читателей, газета писала, что если «господа Родзянки и вычеркнут из своего словаря слово «конституционный», то из сознания «русских граждан» его вычеркнуть им не удастся, так как идея эта в них «растет и крепнет с каждым днем»³⁹⁴.

16 марта 1909 г. в Думе обсуждался вопрос о положении нефтяной

промышленности, отмечалось, что ее развитию препятствуют факты нарушения сдачи под разведку и в аренду нефтеносных земель. Было одобрено" пожелание фракции октябристов - «чтобы правительством был внесен в Государственную думу законопроект о порядке изъятия казенных нефтеносных земель из пользования государственных крестьян и других поселян и способе удовлетворения их за отходящие от них земли»³⁹⁵. На деле же это означало изгнание с насиженных мест крестьян Апшерона. Представитель Азербайджана не проявил к этому интереса, как и к внесенному в Думу запросу о незаконной отдаче нефтеносных участков в Бакинской губернии³⁹⁶. При обсуждении этого запроса выяснились факты подлога с передачей нефтеносных земель на Биби-Эйбатской и Сабунчинской площадях - «Кавказскому товариществу», ликвидированному еще в 1890 г., Бастамову, умершему в 1906 г., и Шхиянцу, умершему в 1908 г.³⁹⁷. Выявленные факты привели к отставке министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева.

Не принял участия Х.Хасмамедов и в обсуждении законопроектов, касающихся рабочего законодательства, докладов комиссии по рабочему вопросу. Без всякого внимания он оставил нарушения действующих законов, в частности, заявление депутата от Петербургской губернии Полетаева о неформальном «нарушении законов при задержке заработной платы бакинским рабочим по сообщению фабричного инспектора»³⁹⁸. Совершенно равнодушен был он и к обсуждению законопроекта, внесенного представителем наместничества, о продлении действий бакинского градоначальства. Он, вероятно, согласен был с введением нового полицейского штата в г. Баку и с административным выделением Бакинского нефтепромышленного района из Бакинской губернии с организацией особого градоначальства, что предлагал узаконить Думе наместник, ввиду происшедших в Баку «беспорядков», которые отразились на промышленности и торговле города, принеся значительные материальные потери для государства³⁹⁹. Революционные выступления нефтепромышленных рабочих очень беспокоили и власти и буржуазию. Несмотря на разногласия с правительством в решении тех или иных вопросов, Государственная дума твердо стояла на страже интересов царского самодержавия, когда дело касалось рабочего движения. Дума осторожно подошла к вопросам, касающимся охраны нефтепромыслов и заводов в Баку, и сочла, что такие «серьезные вопросы», как поддержание безопасности в Бакинском нефтепромышленном районе, обеспечение рабочих, составление проектов обязательных постановлений и т. д., не могут быть предоставлены на усмотрение присутствия с участием общественных представителей. Это вообще, отмечалось в Думе, было новым принципом в русском законодательстве, и поэтому необходимо в этом деле соблюдать чрезмерную осторожность в признании за присутствием окончательного решения

вопросов⁴⁰⁰.

Не участвуя в обсуждении законопроекта о страховании рабочих от несчастных случаев, Х.Хасмамедов был даже против спешности рассмотрения проекта Положения о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев служащих, мастеровых и рабочих и их семейств на железных дорогах⁴⁰¹.

Полное равнодушие к обсуждаемым в Думе законопроектам по рабочему вопросу проявили и бакинские нефтепромышленники. К совету съезда бакинских нефтепромышленников и биржевому комитету еще в июне 1907 г. обратился Совет съездов представителей промышленности и торговли, прося незамедлительно изучить законопроекты и прислать отзывы. По этим законопроектам Министерству торговли и промышленности предстояло составить записку по рабочему законодательству и представить в Думу. В сентябре вышеуказанные органы бакинской буржуазии вновь получили напоминание об этом. Однако «ни совет съезда, ни биржевой комитет со своей стороны не обсуждали и не предполагают обсуждать означенные законопроекты»⁴⁰², - оповещала своих читателей газета «Баку».

Ни словом не обмолвились члены мусульманской фракции о том, что к ним обратилась с письмом-петицией группа «бакинских интеллигентов-мусульман», прося принять участие в судьбе «бакинца, доктора Н. Нариманова, содержащегося около 6 месяцев в Метехском замке без предъявления к нему какого-либо обвинения». Бакинские газеты, информируя об этом читателей, разъясняли, что Н. Нариманов, выдержавший «экзамен на аттестат зрелости» и окончивший «курс университета по медицинскому факультету», в числе других поехал в Тифлис «искать место, но на четвертый день по прибытии туда был арестован». Все арестованные уже освобождены, «а он продолжает томиться в тюремном замке»⁴⁰³.

9 июня 1912 г., согласно указу царя, данному им сенату, заседания Думы были приостановлены. Сравнивая деятельность III Думы с предыдущими, газета «Иршад» писала: «III Дума ничего не дала народу, и не даст. Она лишь была в руках бюрократии ширмой. В предыдущих Думах была мысль. Хотя она и не имела исключительные силы, но сама мысль была»⁴⁰⁴.

А вот как характеризовала новую Думу большевистская газета «Гудок»: «Третья Дума явилась выполнением плана, легшего в основу исторической сделки между дворянством и верхами крупной буржуазии. Эта сделка - прямое следствие поражения, понесенного народом в борьбе за свое освобождение, эта сделка - оформленная актом 3-го июня, была неизбежным выводом из всего хода общественного развития за последние 2-3 года»⁴⁰⁵.

Новая, IV Государственная дума, созывалась с 15 ноября 1912 г. Какой же будет очередная Дума? Какой должна быть тактика при выборах в нее?

С такими вопросами обратилась газета «Каспий» к одному из активных членов мусульманской фракции III Думы депутату от Дербента И. Б. Гайдарову. «у мусульман, как показал политический опыт за время существования третьей Думы, нет партии в узком смысле а есть только одно прогрессивное политическое течение»' поэтому предстоит «выставлять и выбирать в члены Государственной думы лиц безусловно прогрессивного направления, стойких защитников общеконституционных интересов, уже известных своей общественной и политической деятельностью»⁴⁰⁶. Газета выражала надежду на то, что «в грядущих выборах в четвертую Государственную думу мусульмане пойдут рука об руку с теми, кто обещает более чутко отнестись к их нуждам и гарантирует свое содействие в их борьбе за национально-культурное равноправие»⁴⁰⁷.

Однако опыт Государственной думы трех созывов свидетельствовал о том, что представители окраин Российской империи имели крайне ограниченные шансы на удовлетворение и разрешение наиболее национальных проблем, и это отразилось в напутствии избирателям новой Думы.

Газета «Каспий» 1 января 1912 г., считая, что важной вехой нового года будут выборы в Думу, писала: «Но обстоятельства таковы, что особых надежд на этот счет питать не приходится. Здесь можно говорить разве только о пожеланиях»⁴⁰⁸. Пожеланием же было «объединение всех прогрессивных элементов, отречение от партийных счетов и пререканий и соглашение для выборной кампании на немногих основных положениях, общих для всех, кто желает процветания обновленной России»⁴⁰⁹.

В ходе подготовки к выборам в газетах появлялись статьи как с анализом того, что дала мусульманским окраинам России предыдущая Дума, так и рассмотрением проблем и вопросов, которые предстоит решить в IV Думе. В корреспонденции, напечатанной в газете «Утро России». Ахмед-бек Агаев, в частности, отмечал, что ни одна нужда, ни одно требование мусульман не удовлетворено, ни одна реформа не только не проведена, но и не обещана. Очна лишь «маленькая радость» заключалась в «освобождении мулл от воинской повинности, вот - награда за вековую лояльность, награда за спокойствие и выдержку во времена общественных бурь и сумятицы»⁴¹⁰. В этой же статье определялась программа для будущих депутатов - борьба за всеобщее начальное обучение, которое должно включать как изучение русского языка, так и родного. Начальная школа в мусульманских окраинах дол лен а быть организована в «строгом соответствии с религиозными, этнографическими и бытовыми особенностями населения. Иначе мусульманское население будет бояться начальных школ, в которых не будет уделено достаточного влияния и средств на обучение детей родному языку и в которых будут преподавать лица во всем чуждые населению». Отмечая

необходимость изучения русского языка для мусульман, дающего им возможность широкого участия в экономической и правовой областях, а также как средство приобщения к мировой культуре, автор корреспонденции отмечал, что нельзя в то же время и умалять значение родного языка. «Десятки газет, сотни книг разнообразного содержания, прогресс даже в разговорной речи - все это привязывает мусульман к своему родному языку. Только школа с родным языком может пользоваться симпатиями населения». Останавливался автор и на ряде других законопроектов, представляющих для мусульман интерес, мимо которых равнодушно прошла Дума. Выделялся среди них законопроект о праве мусульман чтить дни, освященные их религией, перечислялись вопросы об ограничении мусульман в деле их участия в учреждениях городского и земского самоуправления, вопросы об удовлетворении религиозно-культурных нужд мусульман, о воинской повинности и положении их в армии и т. д.

Еще в период деятельности III Государственной думы в Петербурге состоялось несколько заседаний мусульманской фракции, посвященных предстоящим выборам и выяснению платформы на выборах. Фракция призвала всех мусульман-граждан России - воспользоваться своим избирательным правом и вступить в соглашение с организациями, партиями и группами, признающими манифесты 17 апреля и 17 октября 1905 г., равноправие всех народностей и готовых «чутко отнестись» к требованиям и нуждам мусульман, гарантировать содействие им в борьбе за национально-культурное равноправие⁴¹¹. Член фракции И.Б.Гайдаров, отмечал, что Дума всячески попирала интересы мусульман. Так, провозглашая право собственности священным, своими решениями по переселенческому вопросу она лишала мусульман Киргизии, Туркестана и Кавказа всяких прав на землю, передавая ее «так охотно переселенцам»⁴¹². Останавливаясь в целом на отношении к мусульманам, И. Б. Гайдаров обращал внимание на то, что в Думе были депутаты, которые не видели общего между киргизом и татаринном, между татаринном и азербайджанцем или между лезгинном и кумыком, а фракция правых в лице Пуришкевича даже предложила поправку к законопроекту о начальном обучении «разрешить мусульманам иметь свой язык в школе, предварительно разделив их на целые десятки наречий и даже отделив суннитов и шиитов»⁴¹³.

Выборы в IV Государственную думу проходили в сентябре-октябре 1912 г. Как и при выборах в III Думу, избранные по куриям выборщики съезжались в г. Елисаветполь, где на собрании избирали из своей среды двух депутатов: от мусульманского и армянского населения губерний. От русского населения Закавказья депутат избирался в Тифлисе. 20 октября 1912 г.⁴¹⁴ депутатами Государственной думы были избраны М.Ю.Джафаров и М.И.Пападжанов. Оба они проживали в г. Баку, как и М.И.Скобелев,

избранный депутатом от русского населения.

Мамед Юсиф Гаджибаба оглы Джафаров - 27 лет, уроженец гор. Баку, окончил Бакинскую Александровскую гимназию, а в 1912 г. - юридический факультет Московского университета, помощник присяжного поверенного, член мусульманской фракции, бюджетной и переселенческой комиссий⁴¹⁵.

IV Государственная дума открылась 15 ноября 1912 г. Председателем Думы был избран М. В. Родзянко. Он представлял октябристско-кадетское большинство и сразу же объявил себя «убежденным сторонником конституционного строя»⁴¹⁶. В мусульманскую фракцию Думы входило 7 депутатов вместо 9 третьей Государственной думы: три депутата от Уфимской, один - от Оренбургской, один - от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний, один - от Дагестана и один - от Самары. Газета «Каспий», характеризуя их партийную принадлежность, отмечала, что первые пять членов фракции придерживались прогрессивных убеждений и примыкали к партии прогрессистов⁴¹⁷, представитель Самары - правый, а Дагестана - октябрист. Как и ранее, фракция была вынуждена объединяться в своей деятельности с той или иной фракцией и группой. Ввиду своей малочисленности она не могла избираться в состав комиссий, которые насчитывали менее 66 членов. К этому их побуждала и довольно антидемократическая мера - положение о запросах. Запросы и законодательные предположения могли подаваться лишь в том случае, если их подписывали не менее 30 депутатов.

Сразу же после образования мусульманской фракции в IV Думе возник вопрос - целесообразно ли мусульманским депутатам примыкать к какой-нибудь общегосударственной политической группе - «будь то кадетская, трудовая или иная» и тем самым связать себя по рукам и ногам всеми пунктами их программ, или же образовать свою «национальную группу». Дж. Гаджибеков, находясь в тот период в Петербурге, посещая заседания Думы, следя внимательно за деятельностью отдельных групп, фракций и партий в Думе, считал, что «наши депутаты должны образовать национальную группу, ибо те ограничения в общегражданских правах, которые существуют, уже сами по себе не позволяют им всецело войти в число выразителей общерусских нужд или же нужд своего избирательного круга с совершенным игнорированием или же стушевы-ванием национальных нужд представленного ими народа»⁴¹⁸. Однако члены фракции решили вопрос этот по-иному и примкнули, как всегда, к той партии, которая, хотя бы в обещаниях, обнадеживала ее в поддержке и имела большинство в Думе. Такой партией в IV Думе оказались прогрессисты. «Мы видим громадное неуклонное повышение у прогрессистов, которые почти удвоились в числе за 5 лет», - отмечал В.И. Ленин, подводя итоги выборов. Он считал самым характерным для них громадный рост прогрессизма, что на деле представляло «помесь октябристов с кадетами»⁴¹⁹.

«Чего хотят так называемые «прогрессисты». Они не хотят полного и безраздельного господства помещиков и бюрократов. Они добиваются и говорят это прямо - умеренной узкоцензурной конституции с двухпалатной системой, с антидемократическим избирательным правом»⁴²⁰, - разъяснял В. И. Ленин.

Мусульманская фракция получила представительство в 11 думских комиссиях⁴²¹ и провела своего представителя в президиум Думы: Г.Х.Еникеев (депутат от Оренбургской губернии) был избран одним из младших помощников секретаря Думы⁴²². Фракция сочла возможным участие в русской группе межпарламентского союза. На собрании группы в марте того же года в ее состав были включены К.Б.Тевкелев и М.Ю.Джафаров. Последний был избран товарищем секретаря группы⁴²³. Ядром всей фракции являлись по праву И.Ахтямов и М.Ю.Джафаров, получившие юридическое образование и в силу этого прекрасно профессионально подготовленные.

9 декабря 1912 г. мусульманская фракция провела свое официальное учредительное собрание. Представителем ее был избран К.Б.Тевкелев, секретарем - И.Ахтямов⁴²⁴. Для того чтобы иметь непрерывную связь со своими избирателями и быть в курсе их обращений и чаяний, фракция арендовала специальное помещение для своей канцелярии и сообщила об этом избирателям, рассчитывая на их корреспонденции⁴²⁵.

Фракция находилась в тяжелом как материальном, так и моральном положении. Об этом без всяких прикрас на встречах с избирателями говорил М.Ю.Джафаров. Он отмечал индифферентность избирателей, которые проявляют активность, лишь обращаясь к своему депутату в случаях, когда это касается их личных дел. Они абсолютно безучастны, когда депутату требуются необходимые материалы по тем или иным обсуждаемым законопроектам, затрагивающим общие интересы. Беспokoило М.Ю.Джафарова и политическая разобщенность членов фракции и то, что крайняя малочисленность не позволяла членам фракции войти в такие важные для них комиссии, как вероисповедная, по запросам, по городским делам, так как членов их было меньше 66. Отношение большинства депутатов Думы, особенно правых, к фракции крайне высокомерное, к ее голосу никто не прислушивается, при упоминании необходимости предоставления мусульманам прав учинялись всякие препятствия выступающему. С таким отношением приходилось сталкиваться почти всем мусульманским депутатам, и поэтому чаще всего они отмалчивались, «опасаясь за неприкосновенность своей особы». Говоря о своих депутатских планах, М.Ю.Джафаров особо останавливался на подготовке им заявления об отмене ограничений для лиц нехристианского вероисповедания в правилах о зачислении в состав адвокатуры, заявления об отмене 44-й статьи городского положения. Он обратился к руководству Бакинской городской думы с просьбой выслать мотивированный доклад по

этому вопросу⁴²⁶.

На заседаниях фракции ставились и обсуждались вопросы, связанные с ее позицией при обсуждении тех или иных законопроектов в Думе. Некоторые вопросы, носившие частный характер, принимались «к сведению», по другим же вопросам обсуждаемых законопроектов, как например, вопрос о бюджете, давались поручения конкретным членам фракции. Так, секретарю Ахтямову на заседании в феврале 1913 г. было поручено составить список желательных сточки зрения фракции законопроектов, которые внесены отдельными ведомствами или в порядке думской инициативы, и представить их на рассмотрение фракции для определения плана работы. На этом же заседании определялось отношение фракции к предстоящему рассмотрению в Думе бюджета. Фракция признала необходимым выступить по сметам министерств внутренних дел, народного просвещения, земледелия, переселенческого управления⁴²⁷.

Обсудив на заседании предложения председателя Государственной думы, какие законопроекты считает первоочередными, фракция в своем ответе сообщила, что если Государственная дума не желает превратиться в правительственную законодательную канцелярию, то она должна считаться с законопроектами, вносимыми по инициативе правительства постольку, поскольку они соответствуют запросам населения. Руководствуясь этими соображениями, фракция в список неотложных законопроектов включила те, в которых, прежде всего, были заинтересованы мусульманские окраины империи. Они были сгруппированы в две группы. В первую были включены законопроекты об изменении избирательного закона, так резко ограничившего мусульманское представительство в Думе; о претворении в жизнь свобод манифеста 17 октября 1905 г. - совести, союзов, собраний, печати, неприкосновенности личности, о реформе Государственного совета. Вторая группа содержала целый ряд реформ мусульманских духовных правлений, законоположений о мусульманских духовных школах, земского и городского самоуправления, народного образования, урегулирования переселения на окраины и, особенно, на киргизские земли⁴²⁸. Насколько удалось фракции добиться обсуждения вышперечисленных вопросов свидетельствует то, что ей неоднократно приходилось возвращаться к ним на заседаниях фракции, заслушивать доклады членов ее по каждому из этих вопросов.

Деятельность фракции в IV Думе, в отличие от предыдущих, обстоятельно освещалась на страницах печатных органов. Помимо официальных сообщений, заимствованных из столичных агентств и газет, в них появлялись статьи, корреспонденции. Особое место среди них занимают циклы статей «Петербургские письма», «В мусульманской фракции», «Заметки мусульманина» в газете «Каспий», автором которых являлся Джейхунбек Гаджибеков. Подписывался он псевдонимом Дагестани, в честь

своих предков - выходцев из Дагестана⁴²⁹. Он обстоятельно знакомил читателей с атмосферой, которая царила в Таврическом дворце, давал довольно меткие характеристики членам мусульманской фракции, детально анализировал ее успехи, неудачи и т. д.

Дж. Гаджибеков, затрагивая вопрос о фракционности в Думе, считал, что необходимость объединения по национальному признаку в общегосударственном парламенте свидетельствует, что в государстве «национальный вопрос находится в стадии спорности и неопределенности, если не обостренности»⁴³⁰. Это вынуждает в ущерб общеполитическим проблемам, интересам общего, выдвигать интересы частного. Неравенство правового положения, неодинаковое отношение правительства к гражданам государства, делящего их на сыновей и пасынков, является причиной, пишет Дж. Гаджибеков, возникновения национальноопозиционных партий в народном представительстве России со дня основания его. Давая сравнительный анализ деятельности фракции в I и II Государственной думе, отмечая ее безрезультатность отсутствием четкой программы у нее и неустойчивым положением самого законодательного учреждения в связи с наступившей реакцией, автор тем не менее I считал ее в количественном и в качественном отношении значительней, авторитетней, чем фракция в послетом Думах. (В I Думе она насчитывала 25 человек, во II — 35⁴³¹. Избирательный закон 3 июня 1907 г. ограничил представительство мусульман до 9 и даже 7 человек⁴³².) Однако справедливости ради нельзя не признать, что даже при таком мизерном представительстве некоторые из членов фракции, в том числе представлявшие Азербайджан, вполне отвечали своему назначению и при очень большом напряжении сил, энергии, знаний, профессионализма всячески старались справиться с задачами, возложенными на них избирателями. Невольно сравнивая положение, условия деятельности фракции с другими партиями и фракциями, Дж. Гаджибеков подчеркивал, что в отличие от последних постоянно поддерживаются заботой и симпатиями и своих избирателей, фракция оставлена без всякого участия и поддержки «общества, совершенно отказавшего фракции в своем участии в нравственном смысле... подавно в материальном участии... без главной двигательной силы XX века - денег, они могут сделать весьма и весьма немного»⁴³³.

Тем не менее наличие фракции вселяло надежду на решение ее определенных политических прав. с фракции поступали петиции и просьбы. Мусульмане Киргизии, прежде всего, просили об отмене закона июня 1907 г., лишившего их избирательных прав. В III Государственной думе их интересы призваны были авлять депутаты от других мусульманских окраин. Сложность такого положения заключалась в том, последние не были знакомы с нуждами киргизов. В IV Думе миссию представлять интересы

киргизов, довести до депутатов Думы недовольство захватом переселенцами их лучших земель, изложить нужды в области просвещения принял на себя М.Ю.Джафаров. Он много изучал материалы, готовясь выступить по переселенческому вопросу при рассмотрении сметы главного управления земледелия и землеустройства⁴³⁴.

В мае 1913 г. к М.Ю.Джафарову обратились жители г. Шемахи с коллективным письмом, в котором была просьба выяснить судьбу прошения, поданного в октябре 1911 г. министру народного просвещения, в котором содержалось ходатайство о принятии на себя расходов по содержанию реального училища М.Ю.Джафаров и М.И.Пападжанов, посетив министерство, директора департамента среднесуточных заведений, выяснили, что оно передано заместителю и шансов на успех нет⁴³⁵.

Майкопская городская дума обратилась к М.Ю.Джафарову с просьбой поддержать их ходатайство об открытии окружного суда. Однако при обсуждении в думской комиссии по судебным реформам им было отказано, ввиду того, что окружной суд на Северном Кавказе было решено открыть в Пятигорске⁴³⁶.

М.Ю.Джафаров, готовясь к выступлениям, объезжал города и местности Азербайджана. В апреле 1913 г. он побывал в Баку, ознакомил общественность города с деятельностью фракции, посетил Сураханы в связи с вопросом об отчуждении нефтеносных земель, выясняя положение и нужды крестьян, наделенность их землей и то, как отразится изъятие нефтеносных земель на их экономическом положении⁴³⁷. В ноябре же 1913 г. он обещал жителям Хурдалан, обратившихся с просьбой вознаградить их должным образом за отчужденные и изъятые земли, позаботиться об улучшении их положения⁴³⁸.

Для выступления по переселенческому вопросу он подобрал материал, посетив Кубу⁴³⁹. Будучи в поездке по Мугани, он ознакомился с состоянием системы орошения и землепользования. Своим пребыванием в Сальянах он воспользовался для того, чтобы ознакомить жителей с деятельностью фракции в период первой сессии Думы⁴⁴⁰.

К мусульманской фракции в марте 1913 г. обратился М.А. Шахтагинский, в то время являвшийся обозревателем мусульманской печати в правительственном официозе - газете «Россия». Он предложил фракции приложить все усилия и добиться издания в Петербурге газеты на русском языке для отражения интересов мусульман. Его предложение было поддержано И. Ахтямовым и М.Ю.Джафаровым. Фракция обещала «иметь в виду»⁴⁴¹.

Ей удалось претворить это обещание в жизнь. Уже в апреле 1914 г. она добилась издания своего печатного органа - газеты «Миллет»⁴⁴², издавал ее С.Г.Джантюрин⁴⁴³. Среди мусульман Кавказа она популярностью не

пользовалась - из 300 подписчиков лишь 14 были с Кавказа. Газета «Каспий», поместившая информацию, объясняла это тем, что газета выходила на наречии казанских татар. Желание же кавказцев, чтобы язык газеты был ближе к турецкому, как язык «Тарджумана», не был принят во внимание⁴⁴⁴.

Разносторонней была внедумская деятельность членов фракции. Они участвовали в работе съездов мусульман, состоявшихся в Петербурге в период IV Думы, встречались со студентами, обучающимися там. На эти встречи приглашались видные общественные деятели И.Гаспринский, А.М.Топчибашев, А.Исхаков, Ф.Керимов⁴⁴⁵.

Разработка вопросов, поднимаемых на заседаниях Думы, требовала от членов фракции высокой профессиональной подготовки. С самого начала ее функционирования стала ясной необходимость создания при ней особой комиссии из юристов, которые могли бы помочь при разработке тех или иных законопроектов, запросов, для написания и составления необходимых материалов, справок и т. д.

Однако бюро фракции удалось создать только в феврале 1916 г. на совещании членов фракции с представителями общественности. Совещание проводили М.Ю.Джафаров и Г.Х.Еникеев. Присутствовали известные политические деятели, публицисты, редакторы газет и т. д. Продолжалось оно несколько дней, насыщено было дебатами вокруг позиции фракции, ее взаимоотношений с другими группами Думы и т. д. Решением совещания в бюро вошло 4 компетентных в политической области человека, секретарь, три его помощника и один служащий. Члены бюро должны были участвовать совместно с депутатами в обсуждении вопросов, определять их очередность, поддерживать связь с избирателями и т. д.⁴⁴⁶. Они получали, как и депутаты Думы, по 350 руб. в месяц⁴⁴⁷. На содержание бюро и фракции требовалось первоначально 27000 руб., которые участники совещания рассчитывали «выхлопотать» у мусульман России⁴⁴⁸. Однако это оказалось довольно трудным делом. Избиратели-мусульмане очень нехотя оказывали поддержку своим депутатам. Об этом с тревогой звучало со страниц почти всех печатных органов мусульман России. В журнале «Мир ислама» была информация, в которой отмечалась необходимость поставления фракции сведений о связях с ней⁴⁴⁹. Газета «Ачыг сёз» с недоумением оповещала своих читателей о том, что приглашенные от Баку и Елисаветполя на вышеуказанное совещание А.М.Топчибашев, М.Э.Расулзаде, И. Гайдаров не нашли возможным на нем присутствовать. «И без нас учредительное совещание состоялось... И бюро создано. Без Баку, его миллионов обойдутся»⁴⁵⁰, - с горечью писала газета. И действительно обошлись, хотя это не могло не вызвать недоумения и было трудно объяснимым.

Несколько позже газета «Ачыг сёз» высказала свое мнение о роли и месте Баку в деле оказания поддержки мусульманской фракции в IV

Государственной думе и ее бюро. Издатель газеты - М.Э.Расулзаде с сожалением сообщал своим читателям, что в «самый ответственный момент нашей истории, самый серьезный момент истории России, самую опасную пору жизни... вся северная Россия поспешила помочь»⁴⁵¹ фракции. «Только Баку, эта золотая казна, богатый край, остался в стороне»⁴⁵².

Мусульманская фракция приняла участие в обсуждении правительственной декларации. В заявлении, сделанном председателем Совета Министров В. Н. Коковцовым, отмечалось, что правительство намеревается направить деятельность настоящей Думы «по отысканию новых путей для всестороннего усовершенствования русского государственного и общественного быта на строго правовых основаниях, установленных высочайшим манифестом 17 октября»⁴⁵³. Выступая вокруг заявления председателя Совета Министров, члены мусульманской фракции обратили внимание на то, что в нем не содержатся реформы, которые интересуют мусульман, в частности, в области просвещения, переселенческой политики, распространения землеустроительных законов 1910 и 1911 гг. на окраины, говорили о реформе избирательного закона 3 июня 1907 г., резко сократившего развитие у них самобытной культуры, так необходимой «для граждан современного государства». Обращаясь к членам Государственной думы от имени членов мусульманской фракции, депутат от Уфимской губернии И.Ахтямов заявил: «...выведите нас из положения граждан второго разряда, возведите нас до своего уровня, дайте нам, мусульманам, национальность, говоря словами г. Председателя Совета Министров, которая признает Россию своим отечеством, которая готова мирно трудиться над ее процветанием и укреплением и полагает свое благополучие и даже самое бытие в единении с великим русским народом, дайте нам под сенью русского двуглавого орла возможность культурно развиваться и работать на пользу общества наравне со всеми русскими гражданами»⁴⁵⁴.

Председатель Совета Министров в разъяснении депутатам декларации остановился на этом положении представителя мусульманской фракции, попытался рассеять сомнения в том, что правительство, говоря о равном благожелательном отношении закона, не относит его к «мусульманскому народу». «Разве этот народ, на пространстве веков в своей части, подчиненной русскому скипетру, не испытал на себе бережливое отношение ко всем его особенностям, самое деликатное отношение, не затрагивавшее ничем его сокровенных верований и его особенностей», - недоумевал В.Н.Коковцов⁴⁵⁵. Это лицемерие возмутило лидера кадетов П.Н.Милюкова, который считал, что оно в «выражениях, которые употребил премьер относительно национального вопроса... открыто переходит в цинизм и насильничество... Закон не может быть ни благожелательным, ни неблагожелательным. Это качество моральное, которое должно быть чуждо закону. Закон должен быть просто равным,

безличным и справедливым по отношению ко всем»⁴⁵⁶. С этим высказыванием трудно не согласиться.

10 декабря 1912 г. с ответом на декларацию выступил М.Ю. Джафаров, сделавший оговорку, что будет высказывать чаяния мусульманской фракции. Он конкретизировал их на вопросах, интересующих мусульман Кавказа. Прежде всего он остановился на земском самоуправлении, о введении которого на Кавказе не шла речь в заявлении, хотя указывались местности России, где будут пересмотрены положения о земских и городских самоуправлениях, в которых «правительство усматривает лучшую гарантию экономического и культурного подъема нашего отечества»⁴⁵⁷. Он обратил внимание на неоднократные заявления по этому поводу депутатов предшествующих Дум. Управление Кавказа примитивными средствами тревожило и высшую местную администрацию, не раз ставившую вопрос в своих «всеподданнейших докладах» и указывавшую на своевременность введения земства на Кавказе. Остановился он и на вопросах просвещения: «Мы с горечью констатируем пристрастное отношение правительства к этому святому делу - просвещению народа, где, казалось бы, политика не должна иметь места. До сих пор правительство под видом просвещения мусульман старалось проводить такие меры, которые были направлены к их обрусению»⁴⁵⁸. Отметив, что имеются факты закрытия благо творительных и просветительных учреждений, школных, обысков и арестов среди интеллигенции, оценивал он это как преследование правительством стремлен «приобщиться к русской жизни, к русской культуре», как проявление недоверия к народу, занимавшему «своей численностью второе место в Империи».

Высказывая свое отрицательное отношение к пепе! селенческой политике, цель которой М.Ю.Джафаров усматривал в стремлении «усилить русский элемент на окраинах путем вытеснения туземного элемента», он, «как представитель окраин», призывал правительство «в интересах государства... стремиться к усилению любви, симпатии, доверия к русскому элементу, к русскому имени»⁴⁵⁹.

М.Ю.Джафаров придавал большое значение манифесту 17 октября 1905 г., воспринимал его «как великую хартию вольностей» и считал его рубежом перехода «к представительному строю». Однако, отмечал депутат! хотя мусульмане связывали с ним надежду на устранен ние правоограничений, область их даже расширилась, в частности, появились препятствия к их судебной деятельности. Это особенно остро задевало интересы М.Ю.Джафарова, юриста по образованию. Его не могла устраивать и часть декларации, которая отражала желание правительства создать общность юридических норм, видя в том «стимул к объединению различных частей» Российской империи, распространить их на губернии царства Польского, Прибалтийских и Бессарабской, прч этом совершенно не говоря о

том, что есть окраины, «где действуют особые военные законы», что они «управляются не общеимперскими законами, а военными, как, напр., степное положение»⁴⁶⁰. О необходимости проведения реформ он говорил и 27 февраля 1913 г., когда о суждался, внесенный наместником на Кавказе, закон проект о продлении срока действия закона 17 июня 1909 г. об установлении временного штата Тифлисской городской полиции⁴⁶¹. Однако он не присоединил свой голос к голосу социал-демократа Скобелева, котор выступил вокруг предложенного Милюковым от имени кадетской фракции законодательного предположения - об изменении избирательного закона 3 июня 1907 г.⁴⁶².

При обсуждении обращения членов Государственной думы к министру внутренних дел с запросом по поводу насилий, учиненных чинами полиции над участниками манифестаций на улицах Петербурга 17 и 18 марта 1913 г. по случаю побед славянских войск над Турцией, от имени мусульманской фракции М.Ю.Джафаров заявил о том, что манифестация была мирной и не было никакой надобности для административных мер в отношении демонстрантов. В то же время он выразил протест Мельникову, депутату от Волынской губернии, заявившему, что голосует за принятие запроса, так как манифестация была устроена по поводу «борьбы славянства с исламом». «Я не обратил бы на это внимание, если бы это было единичное явление, но известная часть русской прессы также ставит вопрос», - отметил М.Ю.Джафаров, акцентируя то, что такая постановка вопроса может посеять «антагонизм между мусульманами, вашими согражданами, и христианами. Так нельзя ставить вопрос... борьба идет с турецким правительством, с турками, а не исламом»⁴⁶³.

В июне 1913 г. М.Ю.Джафаров, используя материалы, предоставленные ему Главным управлением земледелия⁴⁶⁴, выступил по смете Переселенческого управления на 1913 г. «Как всякий государственный вопрос, переселенческое дело может быть рассматриваемо с двух сторон: со стороны принудительной, заключающей в себе цель и задачи дела переселения, и со стороны технической - постановки и ведения его»⁴⁶⁵. Поэтому, считал он, односторонность переселенческой политики объясняется тем, что правительство, стремясь преодолеть чрезмерную плотность населения в центральных губерниях, не учитывало сведения о наличии излишних земель в переселенческих зонах. Правительство обязано не пренебрегать правами и интересами коренного населения Стенных и Туркестанских областей, Закавказья. Основываясь на данных сенатора Палена о постановке переселенческого дела в Туркестанском крае, а также ревизий г. Баку и Бакинской губернии, депутат указывал на полное отсутствие какой бы то ни было рациональной системы и планомерности, - «полный хаос, открывающий простор для самодельности руководителей землеотводной партии на

местах. Когда представляешь себе весь этот ужас нашей переселенческой действительности, то невольно напрашивается вопрос, неужели в культурном, правовом государстве мог быть допустим такой вандальский способ ведения пере селения»⁴⁶⁶.

Останавливаясь на положении в Закавказье М. Ю. Джафаров отмечал, что в этом крае, особенно в горной его части, население само чувствует острую нужду к земле. Так, на душу населения в Тифлисской губернии приходилось около 1,9 дес, в Эриванской - около 1 6 в Кутаисской - 0,5, в четырех уездах Елисаветпольской губернии - Джаванширском, Джебраильском, Зангезурском и Шушинском - до 0,5 дес, а в уездах Бакинской губернии - Ленкоранском - до 0,5 дес, в Кубинском - 0,9 дес. и т. д.⁴⁶⁷. В результате переселения лучшие земли в долинах рек Куры и Аракса изъяты у коренного населения и переданы переселенцам. Принятый в III Думе закон об орошении и заселении Муганской степи закрыл всякую возможность для проживания там «туземцев». В такой постановке Джафаров, совершенно справедливо, считал переселенческое дело «не государственным делом», а «государственным злом», направленным против коренного населения. На наш взгляд, весьма обоснованно признавал он переселение как государственную меру «урегулирования и справедливого распределения земель между отдельными частями населения» и считал допустимым, чтобы лишние населению окраин земли были переданы переселенцам лишь после тщательного обследования их, определения количественно и качественно. Он предлагал правительству в свете предстоящих дел по переселению внести на рассмотрение Государственной думы давно обещанный законопроект «о землеустройстве туземцев». Все это будет не столько в интересах последних, сколько в интересах государства, так как данная переселенческая политика направлена на столкновение интересов различных частей населения, натравливания их друг на друга. Такая политика должна вызвать жесткое осуждение со стороны «лучшей части народных представителей»⁴⁶⁸. В заключение он заявил от имени мусульманской фракции, что в знак протеста против переселенческой политики правительства она будет голосовать против ассигнования на содержание центральных учреждений Переселенческого управления.

М.Ю.Джафаров был поддержан депутатом от Кутаисской, Батумской областей и Сухумского округа Чхенкели: «в Европейской России, на одну квадратную версту приходится 22,2 жителя, тогда как в Закавказье - 26,4»⁴⁶⁹.

На этот раз депутатам Закавказья удалось убедить Думу и она проголосовала за то, чтобы при переселении не нарушались законные жизненные интересы коренного населения и чтобы водворение новоселов «на образованных из так называемых излишков переселенческих участков не

производилось прежде окончательного утверждения наделов за получившими их обществами и селениями»⁴⁷⁰.

Воспользовавшись постановкой представителя высшей царской администрации на Кавказе вопроса о помощи населению некоторых местностей Закавказья, пострадавшему от неурожая, М.Ю.Джафаров высказал свою точку зрения по поводу оказания помощи пострадавшим. Связал он это с необходимостью немедленного введения на Кавказе земства, которое могло своевременно оказывать помощь населению в подобных ситуациях. При этом он напомнил, что в III Думе необходимость введения его на Кавказе было поддержано большинством. Дума проголосовала за предложение М.Ю.Джафарова и приняла следующую формулировку: признать, что «скорейшее введение упомянутого самоуправления на Кавказе является крайне необходимым»⁴⁷¹.

Вопрос о целесообразности введения в Закавказье земства, о необходимости земских учреждений для развития хозяйства края в целом ставился М.Ю.Джафаровым неоднократно. Он использовал каждую предоставлявшуюся возможность для выступления: в апреле 1914 г. при обсуждении мер помощи сельскому населению некоторых местностей Эриванской губернии, пострадавшему от уничтожения его посевов и насаждений морозами; в мае 1914 г., выступая по смете отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики. М.Ю.Джафаров с присущей ему чертой - принимать участие в обсуждении вопросов лишь только после тщательного изучения и осмысления материала - раскрыл вал суть деятельности отделов земельных улучшений и определял два направления: I - в центральной России, II - на окраинах ее. Он обратил внимание на то, что призванный способствовать увеличению сельскохозяйственного фонда империи путем осушения болот, орошения и обводнения земель, отдел сосредоточил свое внимание только на орошении казенных земель на окраинах в целях переселения и колонизации, игнорируя нужды местного населения⁴⁷². М.Ю.Джафаров также отметил, что в результате изучения назначений кредита на 1914 г. видно, что подавляющее его большинство предназначено на работы по переселенческому делу и на землеулучшительные нужды по переселению. Далее он приводил многочисленные случаи ущемления нужд местного населения. «Отделу не до этих неустроенных туземцев и не до их нужд»⁴⁷³, - констатировал он. И если они и получают возможность орошения, то оно бывает иногда запоздалым. В то время, когда все оросительные каналы и оросительные сооружения, напр. в Мугаии, проведены были не только на средства государственного казначейства, но и на земские средства и натуральные повинности местного населения, последнее было вынуждено прибегать к помощи так называемых частных оросителей, за что платили треть своего урожая. М.Ю.Джафаров после обстоятельного

анализа деятельности отдела подчеркивал необходимость устранения недостатков в обслуживании всех групп населения без различия национальностей и вероисповедания⁴⁷⁴. В феврале 1916 г. депутаты Думы обратились к наместнику на Кавказе и министру внутренних дел с запросом заявлением разъяснить издание обязательных постановлений по поводу событий в Баку. Выступившие депутаты из Баку М. Ю. Джафаров, М. И. Скобелев и М. И. Пападжаиов сообщили, что в Баку произошли беспорядки в связи с дороговизной. Многочисленная толпа, в основном женщины, громила магазины и склады, расхищала товары. Отмечая особое место Баку в снабжении всей страны нефтью и нефтепродуктами и особенно роль оборонных предприятий, они просили предотвратить обострение продовольственного кризиса. Запрос был принят⁴⁷⁵.

Представитель мусульманской фракции, воспользовавшись обсуждением сметы Министерства просвещения в марте 1916 г., огласил на заседании Думы программу ^фракции. В нее были включены пожелания отмены законодательных и административных норм, ограничивающих права мусульман в области просвещения, введение преподавания на родном языке учащихся, причем определенное место в программе начальной школы отводилось изучению русского языка, предоставление права открытия школ на родном языке частным лицам и обществам. Программа предусматривала также и необ ходимые меры для подготовки соответствующего педагогического персонала для вышеназванных школ, определяла необходимые ассигнования из казны на это жизненно важное для мусульман дело. Дума при согласии фракции, сочтя этот вопрос трудноразрешимым на заседании, решила передать его в комиссию по народному образованию⁴⁷⁶.

Выступая по докладу комиссии о местном самоуправлении в марте 1916 г., М. Ю. Джафаров остановился на желательности законодательного предположения о введении земских учреждений в Закавказье. Начав с того, что этот вопрос давно желанный в Закавказье и имеет полувековую историю, он выразил свою солидарность с высказываниями по этому вопросу депутатов от Закавказья Пападжанова и Скобелева. В дополнение он напомнил, что при возникновении вопроса о введении земского самоуправления центральная 'власть ранее отвечала, что местное население к этой форме управления не подготовлена. Теперь же, т. е. в 1916 г., указывалось на военное время и давались обещания, что земское самоуправление будет введено после войны. Раскрывая суть назревшей необходимости земской реформы, он указывал на отсутствие путей сообщения, агрономической и медицинской помощи населению, просвещения среди сельского населения и т. д. Возлагая надежду на Государственную думу, он верил в то, что она в состоянии заставить правительство разрешить этот вопрос и ввести в Закавказье хотя бы положение 1890 г. с учетом местных особенностей⁴⁷⁷.

Требование депутатов от Закавказья введения земства в крае нашло поддержку у ряда депутатов Думы. Один из лидеров левого течения кадетской партии князь Д.И.Шаховской включил его в свою программу ближайших требований партии⁴⁷⁸.

3 ноября 1916 г. на заседании Думы ряд депутатов выразил недоверие правительству. Так, Ефремов - депутат от области войск Донского, представлявший фракцию прогрессистов, заявил, что основная задача момента - обеспечить победу над внешним врагом. «Но не этому правительству привести нас к победе: на смену ему должно прийти другое правительство, достойное великой России»⁴⁷⁹. Он был поддержан депутатом Карауловым из Терской области - «настоящее правительство при его безответственности не только никогда не создаст великой России, но погубит и существующую»⁴⁸⁰.

От имени членов мусульманской фракции М.Ю.Джафаров присоединился к оценке правительства, сделанной «оппозицией». Остановившись на характере войны и называя ее «освободительной» со слов самого правительства, М. Ю. Джафаров отмечал, что раз «русская армия несет свободу зарубежным народам, то тем более та же свобода должна быть возведена и многочисленным народам, входящим в состав Российской империи»⁴⁸¹. Однако правительство еще более ужесточило отношение к «мелким» народам и никогда «мрачная практика национального угнетения не достигала таких размеров, как в настоящее время освободительной войны. Никогда бездушный централизованный бюрократический механизм не издевался так над национальными чувствами инородцев России и не уродовал их бытовых и духовных особенностей, как в настоящий момент»⁴⁸². В качестве примера он привел поголовный призыв в возрасте от 19 до 43 лет жителей Туркестана и Степных областей. Не получив должных разъяснений у административных лиц и учреждений, распространяя различные слухи, призывники, которые были ранее освобождены от воинской повинности, пришли в смятение, что было признано за крамолу. Последовала расправа. В результате - кровь, слезы, пепелища, развалины. В то же время взяточничество, поборы, насилие достигли чрезвычайных размеров. Видя причины всего этого в «безответственной бюрократии», М.Ю.Джафаров считал, что она должна уступить место власти, ответственной перед народным представительством. Он предлагал немедленно «возвестить всем народам России светлую эру их грядущего национального возрождения». Это, по его мнению, будет способствовать сближению «русского населения с инородцами еще более крепкими неразрывными узами братства, волеет новую мощь в грудь борцов на кровавой ниве... создаст уверенность, что несомые инородцами на алтарь отечества неисчислимые жертвы раскроют перед ними двери к равноправной общеполитической жизни»⁴⁸³.

Речь М.Ю.Джафарова вызвала интерес у бакинской общественности. Анализу ее в газетах «Ачыг сёз» и «Баку» были посвящены статьи. Некоторую обеспокоенность вызвало то обстоятельство, что цензура не позволила полностью ознакомиться с полным текстом выступления, и поэтому мусульманскую фракцию, ее членов автор статьи в «Ачыг сёзе» предупреждал: «в период существующей неразберихи в стране нужно взвешивать каждое слово»⁴⁸⁴, тем более что «парламентаризм в России еще не окреп и не пустил свои корни»⁴⁸⁵.

Председатель фракции К.Б.Тевкелев и М.Ю.Джафаров написали письмо председателю Совета Министров, в котором просили упорядочить призыв нерусских народностей в армию. Они посетили Министерство внутренних дел и получили информацию о привлечении мусульман к оборонительным работам⁴⁸⁶. Вместе с тем они считали, что при этом необходимо учесть занятость населения в разгар полевых работ, семьи должны быть наделены государственным пайком на тех же основаниях, как и семьи призванных в армию, тщательным должно быть медицинское и возрастное освидетельствование, при назначении начальников над рабочими дружинами должно учитываться знание ими языка последних и т. д.⁴⁸⁷ Усилиями фракции и ее бюро призыв инородческого населения был отсрочен до 15 сентября⁴⁸⁸. Отмечая это как заслугу, газета «Ачыг сёз» писала, что «кавказские мусульмане почувствовали пользу фракции и бюро, хотя от нас им никакого проку нет»⁴⁸⁹.

Подспорьем их обращения в Совет Министров было письмо, направленное в мае 1914 г. К.Б.Тевкелеву из Баку за подписью «кавказских мусульман», с просьбой доложить председателю Совета Министров нужды мусульман, выделив среди них необходимость отбывания воинской повинности в рядах русской армии, посодействовать скорейшему введению ее среди кавказских мусульман. Расценивая это как одно из средств «к поднятию духовного самосознания мусульманского народа», авторы письма, не отрицая негативного отношения мусульман в 80-х годах XIX в. к всеобщей воинской повинности, объясняли это тем, что население тогда не имело «ясного представления о действительном положении солдата». Но теперь, когда оно убедилось «как его соседи, простой рабочий или пастух из христиан туземцев, отбыв трехлетний срок службы, возвращается домой, хоть полуграмотным, но чисто говорящим по-русски, то неужели он не сознает всей пользы воинской повинности»⁴⁹⁰. Если селение из ста домов ежегодно в солдаты направит 10-15 человек, то 10 солдат, обучившись русской грамоте, языку, разным ремеслам, вернутся в свои края и, приобретя особую популярность среди своих односельчан, сумеют повлиять на быт последних, предотвратив поджоги, разбои. Поэтому они и рассматривали воинскую повинность как рассадник культуры⁴⁹¹.

В период деятельности IV Государственной думы в стране нарастал общенациональный кризис. Свое недовольство Думой не скрывали все политические силы, представленные в ней, не только либералы, не только «ответственная (перед помещиками) оппозиция. Недовольны и октябристы. Недовольны правые»⁴⁹². Все надежды на царизм не оправдались, обещанные реформы остались только на бумаге. Постепенно прояснялась картина - реформ не будет. Вера сменялась разочарованием, которое выливалось в раздражение, охватившее почти всю Думу.

В августе 1915 г. целый ряд думских фракций - прогрессистов, кадетов, «Союза 17 октября», земцев-октябристов, центра националистов - объединились в «Прогрессивный блок»⁴⁹³. В него вошли 236 из 422 депутатов⁴⁹⁴. Н. Г. Думова, исследователь партии кадетов в период первой мировой войны, отмечает активную позицию кадетов в осуществлении идеи объединения думских фракций, признавая важное место и инициативу правых. Проект программы блока был составлен Милюковым. Он же возглавил комиссию по рассмотрению этого проекта⁴⁹⁵. Основным требованием программы Прогрессивного блока было «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы»- В основе этого требования был лозунг Министерства общественного доверия⁴⁹⁶. Идея на создание компромиссного объединения внутри Думы, фракции в национальной программе постарались обойти даже самые умеренные свои положения. Так, кадеты вместо равноправия евреев вносили расплывчатое, ничего не гарантирующее «вступление на путь отмены ограничительных законов для евреев». То же самое звучание имело: «...начать пересмотр узаконений о польском землевладении»⁴⁹⁷.

Что касается мусульман, то их проблемы в программу включены не были. Это и явилось причиной того, что мусульманская фракция в Прогрессивный блок не вошла, хотя М.Ю.Джафаров в период его создания представлял фракцию и в совете старейшин Думы, и в работе междуфракционных совещаний. Об этом он очень обстоятельно писал в статье «Прогрессивный блок и мусульманская фракция»⁴⁹⁸. Остановившись на причинах объединения фракций в единый блок, М. Ю. Джафаров отмечал, что «блок возник из вопроса о программе работ Государственной думы». Задачей блока было включение в программу законопроектов и вопросов, способных «дать удовлетворение стране и создать благоприятные для окончательной победы над врагом условия, и чтобы вместе с тем эта программа могла бы собрать вокруг себя в Думе большинство, необходимое для проведения ее»⁴⁹⁹. 9 августа после предварительных обсуждений программы блока по фракциям было созвано совещание, на котором программа должна была быть

принята. От имени фракции М.Ю.Джафаров предложил внести в нее отмену существующих в отношении мусульман законодательных правоограничений, административных стеснений, в том числе и изменение избирательного акта 3 июня, жестко ограничившего представительство мусульман в Думе. Его предложения не были приняты. В дальнейшем на совещание о блоке представители мусульманской фракции не приглашались. Фракция узнала об образовании блока и его программе, как о свершившемся факте из газет 26 августа. В статье, опубликованной в газете «Каспий», М.Ю.Джафаров давал оценку постановке инородческого вопроса в программе блока, приводил соответствующие пункты программы, дополнив их тем фактом, что внесение в конце августа левыми группами Думы при поддержке депутатов отдельных национальностей законодательных предположений об отмене вероисповедных и национальных правоограничений было отвергнуто кадетами и большинством прогрессистов. М.Ю.Джафаров отмечал: «Явно было, что всегда стоявшие за отмену указанных ограничений оппозиционные (кадетская и прогрессивная) фракции и под влиянием момента или каких иных причин, пошли по оппортунистическому пути и, чтобы привлечь в блок октябристов и группу правее их, согласились не вносить в программу блока, между прочим, и отмену ограничений в отношении инородцев, против чего голосовали в заседании Думы 20 июля октябристы и правее их стоящие блокисты»⁵⁰⁰.

Позиция фракции к Прогрессивному блоку вызвала большой интерес у общественности России. В газетах появились отклики, и довольно противоречивые. Так, бывший член II и III Думы, известный публицист, помощник присяжного поверенного, редактор газеты «Юлдуз», выходившей в Казани, Садри Эфенди Максудов опубликовал в газетах «Юлдуз» и «Вакт» статью «Прогрессивный блок и наша фракция». Крупной политической ошибкой в столь важный исторический момент объединения партий считал он то, что фракция осталась вне блока. Выдвигая лозунг: «Нация, недовольная предоставленными ей правами, всюду должна говорить и кричать о своих нуждах», он писал, что фракция должна войти в блок, если члены блока «дадут обещание удовлетворить хотя бы минимум требований мусульман»⁵⁰¹. Полемизируя с ним, М.Ю.Джафаров писал: «Я могу уверить Садри Эфенди Максудова, что не только если бы в программе блока был указываемый пункт (об отмене ограничений в отношении инородцев, что, по его мнению, одно должно было бы побудить фракцию войти в блок), но если бы даже была возможность, входя в блок, добиться внесения в его программу какого-нибудь из наболевших вопросов мусульман, мы сделали бы это, и наша гордость, как представляется Садри Эфенди, не помешала бы при таком условии и обращаться, и просить»⁵⁰².

Тем не менее, М.Ю.Джафаров не исключал в дальнейшем

возможности вхождения фракции в блок, связывал это с жизненностью самого блока и его позиции в отношении мусульман. Отношение фракции к блоку он рассматривал с двух сторон. Фракция как представительство мусульман была заинтересована в том, чтобы блок был внимателен к вопросам, касающимся непосредственно мусульман. В то же время, как «русские граждане, - писал он, - мы можем поддерживать блок и его программу, т. к. осуществление и такой программы, в особенности в переживаемых условиях, способно создать значительное улучшение в положении страны, что не может не быть в интересах и мусульман. Но это все же не может исключать нашего отношения к блоку как депутатов-мусульман»⁵⁰³.

В отличие от С. Максудова, авторы публикаций в «Каспии» и «Ачыг сёзе» были солидарны с членами мусульманской фракции. В статье «Заметки мусульманина.

Блок и мы» Дж. Гаджибеков писал, что «сколько бы ни слаба по своему составу ни была наша фракция в Думе, но все же признать за ней отсутствие здравого рассудка и безусловного желания добра представляемому ею элементу было бы более чем несправедливо»⁵⁰⁴. Автор же ряда публикаций «В Государственной Думе» в «Ачыг сёзе», в отличие от М. Ю. Джафарова, который в вышеназванной статье утверждал, что у мусульман нет политической организации и нет лиц, которые могли бы представить их в общественной и политической жизни России⁵⁰⁵, довольно категорично обращал внимание фракции к установкам всероссийских мусульманских съездов. Он отмечал, что программой фракции является программа «Иттифаги муслимин», что в законопроектах, которые в портфеле фракции, формулировки заимствованы из этой программы, призывал фракцию оставаться ей верной, лишь прибегая к гибкости и обновляя тактические приемы. «Фракция должна действовать самостоятельно, не навязываясь никому». Считая блок явлением временным и неустойчивым, автор призывал фракцию не поддаваться «всяческому политическим течениям и настроениям»⁵⁰⁶.

Будучи членом комиссий Думы, М. Ю. Джафаров принимал участие в обсуждении самых разнообразных вопросов. Им были подготовлены материалы по вопросу об отмене ограничений для лиц нехристианского вероисповедания при зачислении в состав адвокатуры, для комиссии по направлению законодательных предположений при рассмотрении правительственного законопроекта об уравнивании в правах лиц податных сословий. Поддержка этого предложения была обещана кадетами, октябристами и прогрессистами. На заседаниях бюджетной комиссии⁵⁰⁷ он выяснял, могут ли нефтеносные земли отдаваться частным лицам без заявок, есть ли законные основания для изъятия полей у скотоводческого населения Казахского уезда, правомерно ли ущемление интересов коренного населения

Киргизии в процессе переселенческой политики. Он подписал запрос о насилии над рабочими Варшавского газового завода, о вредности синдиката нескольких заводов сельхозмашин и орудий, о помощи Поволжью, пострадавшему от наводнения. М.Ю.Джафаров выступал за отмену некоторых ограничений прав сельских обывателей и лиц бывших податных сословий, за предоставление избирательных прав всем крестьянам, имеющим землю на правах личной собственности и т. д. В период первой мировой войны М.Ю.Джафаров, назначенный уполномоченным лазарета имени членов Государственной думы, был вынужден сочетать парламентскую деятельность с пребыванием в районе военных действий на Кавказе⁵⁰⁸. Являясь одновременно представителем бакинского мусульманского благотворительного общества в Особом совещании помощи пострадавшим от войны, в Кавказском комитете по вопросу об оказании помощи беженцам, М. Ю. Джафаров проявлял безграничное милосердие, добываясь у правительства ассигнования средств для открытия приютов для беженцев и их детей, оказания им всяческой помощи, продовольственных лавок для продажи населению предметов продовольствия по пониженным ценам⁵⁰⁹. Таким образом, деятельность представителей азербайджанских социальных верхов в IV Государственной думе, их выступления на заседаниях, участие в многочисленных комиссиях и подкомиссиях Думы, а также высказывания идеологов азербайджанской буржуазии на страницах своих и столичных печатных органов свидетельствуют о том, что в своем стремлении добиться удовлетворения требований, выставляемых в петициях и обращениях начала XX века, они отстаивали отмену правоограничений, право на обучение на родном языке, применение его в судопроизводстве и т. д. Апеллируя к широким массам, пытаясь вовлечь их в сферу борьбы за политические права, но в то же время оберегая свои классовые интересы, все надежды они возлагали на реформы в рамках существующего конституционного строя России, который, утверждали, «не выдумка партии или группы», а «естественная и необходимая ступень в развитии и росте человеческого общежития», и «все явления, которые будут противоречить этому неизбежному процессу, обречены на естественное отмирание»⁵¹⁰. Поиную представлял перспективы борьбы за уничтожение всяких ограничений - и национальных, и социальных - Н.Нариманов. Выступая на съезде учителей в августе 1907 г. в Баку, он со всей решительностью заявил: «То, с чем сталкиваемся, что постоянно, повсеместно испытываем, - самодержавная политика. Ни национального самоопределения, ни равноправия языков при нынешнем режиме быть не может, противоестественно»⁵¹¹.

История показала, что Н.Нариманов был пророчески прав. Все старания представителей социальных верхов Азербайджана добиться отмены правоограничений в рамках Российской империи оказались тщетными. Лишь,

революция, ставя задачу уничтожения всякого рода угнетения и неравенства, могла открыть горизонты для подлинного прогресса и обновления. Реальной альтернативы революции не было.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1 марта 1917 г. были опубликованы «высочайшие» указы правительствующему сенату: «На основании статьи 99 Основных государственных законов повелеваем занятия Государственной думы прервать с 26 февраля с. г. и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств... Николай, В царской Ставке. 25-го февраля 1917 года»⁵¹². Однако ни правительственному Указу, ни надеждам царя на новый созыв Думы в апреле 1917 г. не было суждено сбыться*. 26 февраля Совет старейшин Государственной думы, ознакомившись с указом о роспуске Думы, постановил: «Государственная дума не расходится, всем депутатам оставаться на местах своих».

Монархия рухнула. Таким был закономерный результат всего хода общественно-политического развития России начала XX века. Классовые битвы на рубеже двух веков, революционные бури 1905-1917 гг., империалистическая война привели страну к кризису во всех сферах. «Телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться сразу»⁵¹³.

Буржуазия воспользовалась победой революционных сил. 27 февраля был окончательно организован Исполнительный комитет Государственной думы, в который вошли Родзянко, Керенский, Чхеидзе, Шульгин, Милюков, Караулов, Коновалов, Дмитриуков, Ржевский, Шидловский, Некрасов, Львов⁵¹⁴. Газеты сообщили, что Исполнительный комитет создастся из членов Государственной думы, принадлежащих ко всем партиям⁵¹⁵. Дума сформировала правительство. Председателем Совета Министров и министром внутренних дел объявлялся князь Г.Е.Львов⁵¹⁶. Бакинский голова Л.Л.Быч 3 марта телеграммой от имени Бакинской городской думы приветствовал новое правительство и сообщил, что в Баку была проведена приветственная однодневная забастовка⁵¹⁷. Не мог скрыть своего восторга Джейхун-бек Гаджибеков: «Отнюдь нет больше позорной клички: инородец! А есть только общий почетный титул: гражданин»⁵¹⁸. Приветствовал М.Э.Расулзаде «Великий переворот», связывал с ним гарантии свобод для всех народностей, призывал мусульман во имя свободы организовать и идти вместе со всеми гражданами России. Большие надежды возлагал он на мусульманскую фракцию Думы. «Кроме нее у нас политической организации не было, - заявлял он... Все мусульмане России, оставив свою неподвижность, должны действовать со своими соотечественниками, они всюду должны заявить, что они готовы для этой свободы жертвовать всем, почему и должны всюду дать

знать о себе, о своем существовании». М.Э.Расулзаде выражал уверенность, что учредительное собрание создаст условия для всех народностей, населяющих свободную Россию. И средством получения равноправия для каждой народности считал поддержку правительства, единение со свободными партиями⁵¹⁹.

Председателю Исполнительного комитета Государственной думы М. Родзянко и председателю мусульманской фракции была направлена телеграмма от тридцати мусульманских общественных организаций города Баку. Ее огласил Ф. Хойский на рауте, устроенном бакинским мусульманским благотворительным обществом в день «Новруз Байрама». На рауте присутствовали представители всех национальностей, проживающих в Баку. Гостей принимал президиум общества - Г.З.Тагиев, И.Сафаралиев и М. Асадуллаев. В телеграмме содержалось приветствие новому государственному строю. Все надежды мусульман связывались с провозглашенными основами гражданской, политической и национально-религиозной свободы и равенства всех граждан России. На рауте выступили представители интеллигенции и рабочих⁵²⁰. 11 марта состоялся женский мусульманский раут, участники которого также направили приветственные телеграммы М. Родзянко и мусульманской фракции⁵²¹.

Мусульманская фракция 8 марта 1917 г. передала Совету Министров заявление в связи с опубликованной программой деятельности Временного правительства. Она высказывала в целом одобрение программы. Их беспокоил лишь тот факт, что при проведении ее в жизнь могут сказаться незнание, неосведомленность русских общественных и политических деятелей с особенностями быта мусульманского населения окраин и Поволжья. Это незнание наглядно проявлялось в том, что на протяжении десятилетий законодательные учреждения не были в состоянии удовлетворить самые ничтожные нужды мусульман. Фракция обеспокоена была и тем, что незнание языка, быта, мировоззрения мусульман может вызвать у последних недовольство новым государственным строем. Поэтому мусульманская фракция считала «необходимым указать Временному правительству, чтобы при организации аппарата государственной власти» оно обратило внимание на ведомства - министерства внутренних дел, юстиции, народного просвещения, военное, морское и земледелия, деятельность которых связана с мусульманским населением, и на губернии, где мусульмане составляют большинство населения - Кавказ, Туркестан, Степные области, Астраханская, Вятская, Оренбургская, Уфимская, Таврическая и т. д. При назначениях Временное правительство не должно повторять ошибок прежнего режима и руководствоваться не только партийной близостью к кабинету лиц, назначаемых на должности, но и тем, насколько эти лица знакомы с бытом, языком и особенностью мусульманского населения. Мусульманская фракция,

объявляя себя единственной политической организацией мусульман, заявляла, что может назвать круг лиц, которые способны исполнять обязанности в интересах последних.

9 марта 1917 г. Временное правительство постановило образовать «особый комитет устроения Закавказского края» из членов Государственной думы В. А. Харламова (председатель), М. Ю. Джафарова, М. И. Пападжанова, П. А. Переверзева, наделив их полномочиями правительства и правами Временного правительства. Этот комитет был призван установить «прочный порядок и устроение Закавказского края па основах, всенародно объявленных Временным правительством 6 марта 1917 г.»⁵²². Комитет создавался и для принятия мер к устройству гражданского управления в областях, охваченных войной на Кавказском фронте⁵²³. Местом пребывания Особого Закавказского комитета был определен г. Тифлис. По пути депутаты остановились 15 марта в Баку, где встретились с членами Исполнительного комитета и председателем его Л.Л.Бычем, гласными думы. Депутаты имели беседы с различными слоями населения⁵²⁴. 16 марта М.Ю.Джафаров выступил на митинге. В своей речи он приветствовал «свободных граждан России». Говоря о полномочиях, он отметил, что на них «возложена трудная обязанность временного устройства Кавказа, пока не соберется учредительное собрание и не выработает основных законов»⁵²⁵. Приветствуя февральскую буржуазно-демократическую революцию, оценивая ее как «дело великое», он заявлял: «Россия освободилась от деспотического правления. Нет больше царя, нет больше сгнившего правительства, приведшего могущественную страну на край гибели»⁵²⁶. Далее он призывал объединить все усилия для защиты завоеванного, для сохранения свободы, - «не расставайтесь с ней, укрепите ее за собой, а о домашних делах мы поговорим потом»⁵²⁷. Выступая на митинге в период краевого съезда исполнительных комитетов в Тифлисе 24 марта 1917 г., М.Ю.Джафаров, обратив внимание на несвоевременность выставления в данный момент национальных лозунгов и отметив, что все национальные требования будут удовлетворены учредительным собранием, призывал все народы Кавказа к единению⁵²⁸. В дальнейшем М.Ю.Джафаров принял самое непосредственное участие в формировании руководящих органов Азербайджанской республики, занимая самые ответственные посты в ее парламенте.

Изучение деятельности азербайджанских депутатов в Государственной думе всех четырех созывов позволило выявить тот интеллектуальный потенциал, которым располагал Азербайджан в начале XX века. Эпоха колоссального роста освободительного национального движения позволила высветить целую плеяду ярких личностей, ясно представлявших интересы своего класса и стремившихся выразить их и от имени всего народа. Начиная с начала XX века, получившая впервые в жестких условиях

политического беспорядка возможность высказать свои интересы и нужды, азербайджанская буржуазия в лице своих идеологов составляла и направляла царской администрации всевозможные петиции. Вес требования, пожелания, содержащиеся в них, позже получали конкретное звучание на страницах периодической печати, в выступлениях депутатов как на заседаниях Государственной думы, так и при обсуждении вопросов в ее комиссиях и подкомиссиях. Исследование постановки их в каждой Думе конкретно позволяет прийти к следующему заключению. Если в первой Государственной думе депутаты от Азербайджана ограничивались лишь робкой постановкой вопросов, то в их выступлениях во второй Думе звучала уже обстоятельная мотивировка их, в третьей же они насыщались богатым фактическим материалом. IV Дума, заседавшая накануне свержения царизма, создала такие возможности, что М.Ю. Джафаров, присоединив свой голос к голосу «оппозиции», со всей откровенностью заявил об издевательствах «централизованного бюрократического механизма над национальными чувствами инородцев России».

Обращение к истории классов и партий в начале XX века раскрывает нарастание кризиса самодержавия, несоответствие устаревшей политической надстройки изменившимся общественно-экономическим отношениям. В условиях обострения революционной борьбы против власти массы пробуждаются к самостоятельному выступлению, побуждаемому «как всей обстановкой кризиса, так и самими верхами...»⁵²⁹. Конфликты «верхов», т. е. господствующих классов, с государственной властью не только отражали основные противоречия российской действительности, но и оказывали на развитие событий довольно значительное воздействие. Вот почему В. И. Ленин призывал в интересах революционного движения «внимательно следить за всеми и всякими столкновениями с правительством какого бы то ни было общественного слоя»⁵³⁰.

Нарастание конфликтов господствующих классов России, в том числе социальных верхов Азербайджана, с государственной властью отчетливо проявилось в Государственной думе. Рассмотренные в книге все четыре созыва Думы показывают усиление требований проведения социально-экономических и политических реформ, которые в конечном итоге являлись побочным результатом национально-освободительного движения. Убежденные в том, что являются подлинными выразителями интересов всего народа, представители привилегированных классов Азербайджана, как и других окраин империи, предпринимали «покушения на реформы в области самых больных, самых боевых общественно-политических отношений»⁵³¹.

Азербайджанские депутаты выдвигали требования радикальных преобразований в области национального равноправия, образования, аграрных вопросов и т. д. Царизм не откликнулся на нужды народов окраин

страны, еще раз проявив свою великодержавную, колониальную сущность. А допускаемые им некоторые второстепенные уступки были «всегда неискренние, всегда половинчатые, часто совершенно лживые и кажущиеся, обыкновенно обставляемые рядом более или менее тонко прикрытых ловушек»⁵³². Как правило, эти уступки предоставлялись в моменты непосредственной угрозы власти, а затем вновь отбирались. Царизм стремился любыми средствами оттягивать осуществление тех или иных реформ, тем самым все более увеличивая разрыв между социально-экономическим и общественным развитием страны и ее отжившим политическим строем.

Азербайджанские депутаты добивались претворения в жизнь буржуазных, по своему существу, конституционных требований. Однако социальные верхи Азербайджана, в целом заинтересованные в изменении политического строя, ликвидации не отвечающих историческому развитию различных институтов власти, не обладали еще достаточной силой.

Абсолютная монархия была вынуждена отказаться от своей неограниченной власти в пользу парламентских учреждений. Приведенные в книге материалы, анализ стенографических отчетов Государственной думы и других источников позволили всесторонне осветить деятельность азербайджанских депутатов. Их выступления являются отражением развития общенационального сознания социальных верхов Азербайджана, роста их политической консолидации.

В феврале 1917 г. все prerogatives царизма оказались сметенными революционной бурей. Перед азербайджанским народом, как и другими народами России, открывались широкие перспективы для социально-экономического, политического и национального развития. Опыт, накопленный в процессе участия в российском парламенте, позволил представителям азербайджанских социальных верхов объединить свои усилия, создать Азербайджанскую демократическую республику, возглавить ее руководящие органы и приступить к осуществлению тех мероприятий, которые они ранее надеялись претворить в жизнь в рамках Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 22. С. 305.
- 2 Там же. Т. 19. С. 416.
- 3 Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968; Он же. Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. М., 1981; Он же. Распад третьеиюньской системы. М., 1968; Он же. Царизм накануне свержения. М., 1989; Шацилло К.Ф.Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985; Старцев В.И.Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1907 гг. Л., 1977; Дякин В.С.Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914—1917 гг. Л., 1967; Сабельников С.М.Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962; Павлов М.Думская тактика большевиков в революции 1905—1907 гг. Л., 1947; Шелохаев В.В.Кадеты - главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983; Он же. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987 г.; Колесниченко Д.А.Трудовики в период первой российской революции. М., 1985; Дулова И.Г.Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988 и т. д.
- 4 Стельник Б.Я.Буржуазия Азербайджана и Государственная дума // Социально-экономические и политические предпосылки социалистической революции в Азербайджане. Баку, 1983.
- 5 Сеидзаде Д. Б. Из истории азербайджанской буржуазии в начале XX века. Баку, 1978.
- 6 Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 38. С. 188—189.
- 7 ЦГИА АзССР. Ф. 50. Оп. 1. Д. 194. Л. 5—24.
- 8 Мильман А. Ш. Политический строй Азербайджана в XIX—начале XX в. Баку, 1966. С. 218.
- 9 ЦГИА АзССР. Ф. 50. Оп. 1. Д. 194. Л. 68—69об.
- 10 Там же. Л. 100.
- 11 Там же. Д. 201. Л. 16.
- 12 Спутник избирателя на 1906 г. Спб., 1906. С. 241, 242.
- 13 Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 59.
- 14 Каспий. 1905. 19 февр., 20 февр., 22 февр.
- 15 Там же. 22 февр.
- 16 Там же. 3 марта.
- 17 Каспий. 1905. 10 марта; Сын отечества. 1905. 10 марта.

- 18** ЦГИА АзССР. Ф. 50. Оп. 1. Д. 260. Л. 50; Каспий. 1905. 10 марта; Сын отечества. 1905. 10 марта.
- 19** Там же; Каспий. 1905. 12 марта; Сын отечества. 1905. 13 марта.
- 20** ЦГИА АзССР. Ф. 50. Оп. 1. Д. 259. Л. 44—45.
- 21** Каспий. 1905. 17 марта.
- 22** Там же.
- 23** Там же. 9 апр.; Бакинские известия. 1905. 9 апр.
- 24** Каспий. 1905. 9 апр., 13 апр.
- 25** Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции С. 60.
- 26** Каспий. 1905. 17 марта.
- 27** ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 107. Л. 65 об.; Право. 1905. 8 мая.
- 28** ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 107. Л. 69.
- 29** Тарджуман. 1905. 22 апр.
- 30** Там же.
- 31** НАИИ. Д. 4047. Л. 11—14; Новое обозрение. 1905. 1 мая.
- 32** Там же. Д. 940. Л. 12—19.
- 33** ЦГИА Груз. ССР. Ф. 13. Оп. 3. Д. 177. Л. 6.
- 34** Там же. Оп. 15. Д. 24. Л. 3—5 об.
- 35** ЦГИА СССР. Ф. 821. Оп. 133. Д. 469. Л. 332; Всеподданнейший отчет о произведенной в 1905 г. по высочайшему повелению сенатором Кузьминским ревизии города Баку и Бакинской губернии. Баку, 1906. С. 21.
- 36** Каспий. 1905. 19 июня.
- 37** Приводится по кн.: Мусульманская печать России. Оксфорд. 1987. С. 40.
- 38** Каспий. 1905. 19 июня.
- 39** Там же. 30 июля.
- 40** Там же. 10 авг.; Хаят. 1905. 11 авг.; Баку. 1905. 11 авг.
- 41** ЦГИА СССР. Ф. 776. Оп. 15. Д. 104. Л. 1.
- 42** Хаят. 1905. 7 июня.
- 43** ЦГИА СССР. Ф. 776. Оп. 15. Д. 104. Л. 1.
- 44** Каспий. 1905. 30 апр.
- 45** Хаят. 1905. 7 июня.
- 46** Там же.
- 47** Баку. 1905. 15 июня.
- 48** Там же. 16 июля.
- 49** История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1960. С. 578.
- 50** Каспий. 1905. 20 июля; Баку. 1905. 24 июля; Сын Отечества. 1905. 17 июля.
- 51** Каспий. 1905. 3 авг.; Хаят. 1905. 7 авг.; Баку. 1905. 10 авг.
- 52** Каспий. 1905. 19 июля.

- 58** ЦГИД Груз. ССР. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 162. Л. 102 об., 106 об.
- 54** Мильман А. Ш. Указ. работа. С. 276.
- 55** Баку. 1905. 21 июля.
- 56** Каспий. 1905. 11 авг.
- 57** ЦГИА АзССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1509. Л. 29, 38, 47, 66; Каспий. 1905. 29 сент.
- 58** ЦГИА АзССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1509. Л. И и 11 об.; Ф. 50. Оп. 1. Д. 260. Л. 89 об., 90.
- 59** Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1509. Л. 11.
- 60** Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 260. Л. 89 об., 90.
- 61** Каспий. 1905. 22 сент.
- 62** Там же. 28 сент.
- 63** ЦГИА АзССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1509. Л. 34; Каспий. 1905. 28 сент.
- 64** Там же.
- 65** Каспий. 1905. 29 сент.
- 66** Там же. 30 сент.
- 67** ЦГИА АзССР. Ф. 50. Оп. 1. Д. 260. Л. 89 об., 90; Каспий, 1905. 3 дек.
- 68** ЦГИА АзССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1508. Л. 4-8; Материалы по вопросу введения земских учреждений в Закавказье. Т. 4. С. 29—30; Оруджев Г. Земская кампания в Азербайджане в 1905 г.//Изв. АН АзССР. Сер. ист., филос. и права. 1966. До 1. С. 37 (на азерб. яз).
- 69** ЦГИА АзССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1507. Л. 45.
- 70** Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 5. С. 35.
- 71** ЦГИА АзССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1509. Л. 15.
- 72** Каспий. 1905. 1 окт.
- 73** Там же. 5 авг.
- 74** Черменский Е. Д. Указ. работа. С. 105.
- 75** Каспий. 1905. 9 авг.
- 76** Там же.
- 77** См.: Пясковский А. М. Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1966. С. 112.
- 78** Каспий. 1905. 9 авг.
- 79** Хаят. 1905. 14 сент.
- 80** Каспий. 1905. 27 авг.
- 81** Там же. 23 февр.
- 82** Там же.
- 83** Баку. 1906. 23 февр.
- 84** Иршад. 1906. 23 февр.
- 85** Каспий. 1906. 25 февр.
- 86** Там же. 3 марта.

- 87** Там же. 1 марта.
- 88** Там же.
- 89** Там же.
- 90** Там же.
- 91** Нариманов Н.Н.Избранные произведения. Т.1.1890—1917. Баку, 1988. С. 99.
- 92** Каспий. 1906. 1 марта.
- 93** Баку. 1906. 1 марта.
- 94** Баку. 1906. 1 марта; Каспий. 1906. 1 марта.
- 95** Каспий. 1906. 1 марта.
- 90** Там же. 5 марта.
- 97** Там же. 7 марта.
- 98** Там же. 11 марта.
- 99** Баку. 1906. 11 марта.
- 100** Там же. 12 марта.
- 101** Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 30. С. 323.
- 102** Там же.
- 103** Тарджуман. 1905. 7 и 10 июня.
- 104** Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 16. С. 510—511.
- 105** Тарджуман. 1905. 19 июля; Баку. 1905. 6 авг.
- 106** Баку. 1905. 26 авг.
- 107** ЦГИА СССР. Ф. 821. Оп. 133. Д. 461. Л. 61 об., 62.
- 108** Там же.
- 109** Там же.
- 110** Там же.
- 111** Аршаруни А. и Габидулин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Л1, 1931. С. 26; Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. Казань, 1926. С. 150.
- 112** Казан мухбире. 1906. 8 февр.; Приводится по кн.: Хасанов Х. Х. Революция 1905—1906 гг. М., 1965. С. 284.
- 113** Приводится по кн.: Хасанов Х. Х. Указ. работа. С. 284.
- 114** Баку. 1906. 12 янв.
- 115** Аврех А.Я.Столыпин и третья Дума. М., 1968. С. 33.
- 116** Приводится по кн.: Аврех А.Я.Указ. работа. С. 26; ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 143. Л. 11.
- 117** ЦГИА СССР. Ф. 150. Оп. 1. Д. 266. Л. 99.
- 118** Приводится по кн.: Ибрагимов Г. Указ. работа. С. 150. "9 Хасанов Х.Х. Указ. работа. С. 285.
- 120** ЦГИА СССР. Ф. 821. Оп. 150. Д. 419. Л. П. 12 об.
- 121** Там же. Л. 17.
- 122** Там же. Л. 17 об.

- 123** Хасанов Х. Х. Указ. работа. С. 286.
- 124** ЦГИА СССР. Ф. 821. Оп. 133. Д. 461. Л. 68 об.; Иршад. 1907. 27 апр.
- 125** Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. Оксфорд, 1987. С. 42.
- 126** Бурхани-тарагги. 1907. 29 апр.
- 127** Там же.
- 128** Каспий. 1907. 23 мая.
- 129** Там же. 1907. 20 апр.; Иршад. 1907. 27 апр.
- 130** Каспий. 1907. 20 апр.
- 131** Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. С. 44-45.
- 132** Каспий. 1907. 7 апр.
- 133** Там же.
- 134** Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 17. С. 27.
- 135** Там же. Т. 13. С. 219.
- 136** Боровский В. В. Сочинения. Т. 3. М., 1933. С. 49.
- 137** Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962. С. 80.
- 138** Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 12. С. 311.
- 139** Баку. 1906. 16 марта.
- 140** Там же. 19 марта.
- 141** Там же. 5 мая.
- 142** Каспий. 1906. 9 февр.
- 143** Там же. 4 февр.
- 144** ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 1. 1906. I созыв; Д. 54. Л. 3, 4, 7. 12; Д. 41. Л. 4 об.
- 145** Там же. Д. 97. Л. 3, 5.
- 146** Баку- 1906. 3 мая.
- 147** ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 1. 1906. I созыв; Д. 54; Альбом портретов членов Государственной думы первого созыва. М., 1906. С. 116, 117; История Азербайджана. Баку. 1960. Т. 2. С. 385; Стельник Б.Я. Буржуазия Азербайджана и I Государственная дума // Социально-экономические и политические предпосылки социалистической революции в Азербайджане. Баку, 1983. С. 184.
- 148** Сидельников С. М. Указ. работа. С. 195.
- 149** Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983. С. 204.
- 150** Каспий. 1907. 31 янв.
- 151** Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. С. 51.
- 152** Там же.

- 153 ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 1. 1906. I созыв. Д. 223—225.
- 154 Каспий. 1906. 1 июля.
- 155 ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 1. 1906. I созыв. Д. 223—225.
- 156 Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. С. 51.
- 157 Там же. С. 55.
- 158 Шелохаев В. В. Указ. работа. С. 206—207.
- 159 Каспий. 1906. 1 июля; Стельник Б. Я. Указ. работа. С. 186.
- 160 ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 1. 1906. Д. 343. Л. 8.
- 161 Там же. Д. 203. Л. 23 об.
- 162 Каспий. 1906. 23 дек.
- 163 ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 1. 1906. I созыв; Д. 190. Л. 8 об.; Государственная дума. Стенографические отчеты. Сессия первая. 1906. Спб., 1906. Т. 2. Стлб. 1228—1231.
- 164 ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 1. 1906. Д. 452. Л. 6.
- 165 Там же. Д. 715. Л. 42 об.—43.
- 166 Там же. Д. 452. Л. 6.
- 167 Там же. Д. 341 Л. 1.
- 168 Там же. Д. 190. Л. 195.
- 169 Там же. Д. 199. Л. 24.
- 170 Там же. Д. 202. Л. 121.
- 171 Там же. Д. 306. Л. 1.
- 172 Каспий. 1907. 1 февр.
- 173 Там же. 9 февр.
- 174 Там же. 20 февр.
- 175 Там же. 1 февр.
- 176 Красный архив. 1933. № 2(57). С. 85—99.
- 177 Выборгский процесс. Спб., 1908. С. 21.
- 178 Красный архив. 1933. № 2(57). С. 97.
- 179 Баку. 1906. 16 июля.
- 180 Выборгский процесс. С. 9—10.
- 181 Там же. С. 21; ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 423. Л. 20, 56; ф. 102. ДПОО. 1906. II отд. Д. 716. Ч. II. Л. 225.
- 182 Там же. Л. 194, 217, 248.
- 183 Мовлаева С. А. Пропаганда русской и азербайджанской культуры на страницах газеты «Каспий» (1881 — 1917 гг.), Баку, 1983. С. 24.
- 184 Каспий. 1907. 17 февр.
- 185 Там же. 29 марта.
- 186 ЦГИА АзССР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 47. Л. 82.
- 187 Каспий, 1906, 15 дек.

- 188** Там же.
- 189** Там же.
- 190** Там же. 17 дек.; 20 дек.; 21 дек.; 23 дек.; 1907, 12 янв.; 6 февр.
- 191** Там же. 1906. 17 дек.
- 192** Там же. 1907. 20 февр.
- 193** Там же. 23 дек.
- 194** Там же.
- 195** Там же. 8 февр.
- 196** Там же. 18 февр.
- 197** Там же. 14 февр.
- 198** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 21.
- 199** Прогресс. 1907. 15 марта; Бакинские губернские ведомости. 1907. 31 марта.
- 200** Прогресс. 1907. 24 марта.
- 201** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 666, 671; ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 22. Л. 37; Ф. 102. ДПОО. Оп. 1907. Д. ПО. Ч. I. Л. 55; ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 1. 1907. Д. 1333. Л. 640, 466, 272, 815, 649, 418, 628, 471, 490; Каспий. 1907. 24 февр. и 16 марта; Баку, 1907. 7 февр., 13 февр., 14 февр.; Члены Государственной думы (портреты и биографии). Второй созыв 1907—1912 гг. М., 1907. I С. 456, 458, 478; Эфендиев С. М. Избранные произведения (на азерб. яз.). Баку, 1977. С. 93—94; Зейналова К. А. Литературно-публицистическая деятельность М. Шахтахтинского в русской периодической печати/Автореф. дис. канд. филол. наук. Баку, 1984. С. 15, 22.
- 202** Прогресс. 1907. 24 марта.
- 203** Баку. 1907. 10 февр.
- 204** Там же. 7 февр.
- 205** Каспий. 1907. 7 апр.
- 206** Там же. 20 февр.
- 207** Иршад. 1907. 27 февр.
- 208** Каспий. 1907. 24 февр.; Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия вторая. 1907. Спб., 1907. Т. I. Стлб. 684.
- 209** Прогресс. 1907. 23 марта.
- 210** Фиюзат. 1906. 26 нояб.
- 211** Каспий. 1907. 9 февр.
- 212** Там же. 13 февр.
- 213** Иршад. 1907. 27 февр.
- 214** Каспий. 1907. 27 февр.
- 215** Там же.
- 216** Государственная дума: Стеногр. отчеты. 1907. Т. 1. Стлб. 26.

- 217 Каспий. 1907. 27 февр.; Иршад. 1907. 27 февр.
218 Иршад. 1907. 27 февр.
219 Там же. 25 февр.
220 Каспий. 1907. 7 апр.
221 Там же. 20 апр.
222 Программа Мусульманской парламентской фракции. Спб., 1907.
223 Государственная дума: Стеногр. отчет. 1907. Т. 1. Стлб. 131.
224 Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции, М., 1979. С. 165.
225 Государственная дума: Стеногр. отчеты. 1907. Т. 1. Стлб. 131.
226 Каспий. 1907. 10 марта.
227 Прогресс. 1907. 16 марта.
228 Там же. 1 апр.
229 Там же. 21 марта.
230 Каспий. 1907. 21 марта.
231 Прогресс. 1907. 16 марта.
232 Там же. 6 апр.
233 Там же.
234 Каспий. 1907. 21 марта.
235 Колесниченко Д. А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985. С. 307.
236 Каспий. 1907. 5 апр.; 1907. 8 апр.; Прогресс. 1907. 1 апр.
237 Там же. 1907. 21 марта; Прогресс. 1907. 1 апр.
237а Периодическая печать Азербайджана (1832—1920 гг.). Библиография/Состав. Н. Ахундов. Баку, 1987. С. 71.
238 Каспий. 1907. 13 марта.
239 Там же. 7 а пр.
240 ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 22. Л. 12, 16, 19, 34, 37, 51
52 об., 54, 56 об., 58, 59.
241 Там же. Л. 12.
242 Колесниченко Д. А. Указ. работа. С. 219.
243 Прогресс. 1907. 23 марта.
244 Каспий. 1907. 20 апр.
245 ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1. Л. 60 об.
246 Каспий. 1907. 5 апр.
247 Там же. 13 апр.
248 ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1. Л. 76, 76 об.
249 Там же.
250 Каспий. 1987. 21 марта.
251 Колесниченко Д. А. Указ. работа. С. 235.
252 Государственная дума: Стеногр. отчеты. 1907. Т. 1. Стлб.

- 436—437.
- 253** Прогресс. 1907. 23 марта.
- 254** Каспий. 1907. 17 марта.
- 255** Прогресс. 1907, 1 апр.
- 256** Баку. 1907. 7 марта.
- 257** Государственная дума: Стеногр. отчеты. 1907. Т. 1. Стлб. 581,
- 258** Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 16. С. 393.
- 269** Там же. С. 394.
- 260** Там же. С. 395.
- 261** Там же.
- 262** Государственная дума: Стеногр. отчеты. 1907. Т. ГСтлб. 1817.
- 263** Там же. Стлб. 1958.
- 264** Каспий. 1907. 7 апр.; Баку. 1907. 7 апр.
- 265** ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 1907. Д. 788. Л. 16 об.
- 266** Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 15. С. 155.
- 267** Каспий. 1907. 6 мая.
- 268** Там же. 3 июня.
- 269** Там же.
- 270** ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 1. 1907. Д. 1221. Л. 1—4.
- 271** Баку. 1907. 8 марта.
- 272** Каспий. 1907. 21 марта.
- 273** Прогресс. 1907. 28 марта.
- 274** Там же.
- 275** Государственная дума: Стеногр. отчеты. 1907. Т. 2. Стлб. 1424.
- 276** Там же.
- 277** Государственная дума: Стеногр. отчеты. 1907. Т. 2. Стлб. 1564-1565.
- 278** Там же. Стлб. 1572.
- 279** Там же.
- 280** Каспий. 1907. 7 апр.
- 281** Государственная дума: Стеногр. отчеты. 1907. Т. 2. Стлб. 29.
- 282** Там же. Стлб. 32—33.
- 283** Каспий. 1907. 5 июня.
- 284** ЦГАОР СССР. Ф. 102. 4-е делопроизводство. 1907. Д. 19. Ч. 3. Л. 4.
- 285** Там же. Д. 108. Ч. 65. Л. 1.
- 286** Там же. Л. 3; Д. 5. Ч. 2. Т. 2. Л. 148 об.
- 287** Листовки бакинских большевиков 1905—1907 гг. Баку, 1955. 269.
- 288** Каспий. 1907. 5 июня.
- 289** Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 16. С. 139.
- 290** Каспий. 1907. 5 июня.
- 291** Там же.
- 292** Бакинец. 1907. 24 септ.

- 293** Каспий. 1907. 24 июня.
294 Там же.
295 Там же.
296 Там же. 28 июня.
297 Там же.
298 Там же.
299 Там же.
300 Бакинские губернские ведомости. 1907. 30 июня.
301 Каспий. 1907. 19 июня.
302 Там же.
303 Там же.
304 Каспий. 1907. 19 июня.
305 Бакинские губернские ведомости. 1907. 9 июня.
306 Там же.
307 Там же.
308 Государственная дума в России. М., 1957. С. 347.
309 Бакинский пролетарий. 1908. 15 мая.
310 Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 16. С. 144.
311 Там же.
312 Там же. С. 59.
313 Там же. С. 146.
314 Там же. С. 149.
315 Государственная дума: Стеногр. отчеты. III созыв, сессия 1. I. Спб., 1907. Стлб. 318—328.
316 Там же. Стлб. 135, 288, 514, 526, 749.
317 Бакинское эхо. 1907. 27 окт.
318 Государственная дума: Стеногр. отчеты. Стлб. 95. 135.
319 Бакинский пролетарий. 1908. 15 мая.
320 Государственная дума: Стеногр. отчеты. Стлб. 174.
321 Там же.
322 Там же.
323 Бакинский пролетарий. 1908. 15 мая.
324 Государственная дума: Стеногр. отчеты. Стлб. 174.
325 Каспий. 1908. 8 окт.
326 Иттифаг. 1909. 13 марта.
327 Каспий. 1908. 18 марта.
328 Там же.
329 Там же. 6 марта.
330 Там же. 9 марта.
331 Там же. 18 марта.
332 Там же.

- 333** Там же. 9 апр.
- 334** Там же. 8 окт.
- 335** Там же. 1909. 24 марта.
- 330** Там же. 27 марта.
- 337** Там же. 12 февр.
- 338** Приводится по кн.: Государственная дума. С. 401.
- 338а** Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. С. 33. 338б Окраины России. 1910. №1. С. 1, 3. Приводится по кн.: Аврех А. Я. Указ. работа. С. 43.
- 339** Каспий. 1909. 11 февр.
- 340** Там же.
- 341** Там же.
- 342** Там же.
- 343** Там же. 12 февр.
- 344** Там же.
- 345** Там же.
- 346** Там же.
- 347** Волна. 1909. 17 февр.
- 348** Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия 1. Ч. 2. Спб., 1907. Стлб. 1243.
- 349** Там же.
- 350** Там же. Стлб. 1247.
- 351** Каспий. 1908. 9 апр.
- 352** Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия III. Ч. III. Спб., 1910. Стлб. 869.
- 353** Там же. 886.
- 354** Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Спб., 1913. С. 28.
- 355** Исмаилзаде Д. И. Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX—начало XX в.). М.; 1982. С. 196.
- 356** Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия III. Ч. III. С. 886.
- 357** Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 17. С. 316.
- 358** Там же.
- 359** Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия II. Ч. I. Стлб. 1307.
- 360** Там же. Стлб. 1308.
- 361** Волна. 1909. 17 февр.
- 362** Там же.
- 363** Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия II. Ч. III. Спб., 1909. Стлб. 2450.
- 364** Там же. Стлб. 2461.
- 365** Там же.
- 366** Там же. Стлб. 2452.

- 367** Там же. Сессия. IV. Ч. I. Стлб. 414.
- 368** Там же. Стлб. 418.
- 369** Там же. Стлб. 418. 1649.
- 370** Там же. Стлб. 1660.
- 371** Там же.
- 372** Там же. Стлб. 420.
- 373** Там же. Стлб. 879.
- 374** Там же. Стлб. 922.
- 375** Там же. Стлб. 1712.
- 376** Там же. Стлб. 2002.
- 377** Там же. III созыв. Сессия IV. Ч. IV. Стлб. 92.
- 378** Там же. Стлб. 548, 552-53, 556.
- 379** Каспий. 1910. 5 мая.
- 380** Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия III. Ч. III. Стлб. 3194.
- 381** Там же. Сессия II. Ч. IV. Стлб. 1650.
- 382** Там же.
- 383** Там же. Стлб. 1651.
- 384** Там же. Сессия III. Ч. I. Стлб. 1448.
- 385** Там же.
- 386** Там же. Стлб. 1450.
- 387** Там же. Ч. III. Стлб. 1826.
- 388** Там же. Стлб. 1795.
- 389** Там же. Стлб. 1796.
- 390** Там же. Сессия V. Ч. I. Стлб. 2933.
- 391** Каспий. 1911. 30 окт.
- 392** Там же. 1910. 5 февр.
- 393** Там же. 1911. 25 марта.
- 394** Там же.
- 395** Там же. 1909. 22 марта.
- 396** Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 18830-1914 : Документы и материалы. Л., 1961. Док. № 200. С. 460—461.
- 397** Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия III. Ч. I Стлб. 2164—2178.
- 398** Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия II. Ч. V. Стлб. 1910.
- 399** Там же. Сессия IV. Ч. II. Стлб. 842.
- 400** Там же. Стлб. 844.
- 401** Там же. Сессия V. Ч. III. Стлб. 1931.
- 402** Баку. 1908. 23 сент.
- 403** Там же. 1909. 30 авг.; Каспий. 1909. 1 сент.
- 404** Иршад. 1907. 10 апр.
- 405** Гудок. 1909. 10 янв.
- 406** Каспий. 1912. 8 июня.

- 407** Там же. 11 июля.
- 408** Там же. 1 янв.
- 409** Там же. 11 июля.
- 410** Там же.
- 411** Баку. 1912. 27 мая; Каспий. 1912. 27 мая, 11 июля.
- 412** Каспий. 1912. 8 июня.
- 413** Там же.
- 414** Там же. 21 окт.
- 415** Государственная дума. Четвертый созыв. Стеногр. отчеты. Сессия пятая. Спб., 1916. Стлб. 730; Адрес — календарь за 1920 г. С. 17, 24; Каспий. 1912. 8 ноября.
- 416** Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. М., 1981. С. 30.
- 417** Каспий. 1913. 3 апр.
- 418** Там же. 8 янв.
- 419** Ленин В. И. Поли собр. соч. Т. 22. С. 326—327.
- 420** Там же. Т. 22. С. 244—245.
- 421** Каспий. 1913. 23 марта.
- 422** Там же. 3 окт.
- 423** Там же.
- 424** Там же. 1912. 9 дек.
- 425** Каспий. 1913. 16 янв.
- 426** Там же. 5 февр.
- 427** Там же. 17 февр.
- 428** Там же. 28 марта.
- 429** Вышка. 1989. 18 окт.
- 430** Каспий. 1916. 8 апр.
- 431** Там же. 8 мая.
- 432** Там же. 8 апр.
- 433** Там же. 1913. 18 окт.
- 434** Там же. 6 марта.
- 435** Там же. 10 и 21 июля.
- 436** Там же. 8 мая.
- 437** Там же. 21 апр.
- 438** Там же. 5 нояб.
- 439** Там же. 10 июня.
- 440** Там же. 5 и 12 сент.; 1914. 6 июня.
- 441** Там же. 12 марта.
- 442** Там же. 18 апр.
- 443** Там же. 30 апр.
- 444** Там же. 1914. 18 апр.
- 445** Там же. 9 янв., 15 февр., 22 июня.

- 446 Ачыг сёз. 1916. 7 марта.
447 Каспий. 1916. 21 апр.
448 Там же. 24 марта.
449 Мир ислама. 1912. Вып. 2. С. 101.
450 Ачыг сёз. 1916. 17 марта.
451 Там же. 13 апр.
452 Там же. 23 мая.
453 Государственная дума. Четвертый созыв: Стеногр. отчеты. Сессия I. Ч. I. Стлб. 370—375.
454 Там же. Стлб. 375.
455 Там же. Стлб. 603.
456 Там же. Стлб. 602.
457 Там же. Стлб. 518
458 Там же.
459 Там же. Стлб. 519.
460 Там же.
461 Там же. Стлб. 1753-56.
462 Там же. Стлб. 2209.
463 Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия I. Ч. II. 1913. Стлб. 18.
464 Каспий. 1913. 7 апр.
465 Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия I. Ч. II. Стлб. 1719.
466 Там же. Стлб. 1723.
467 Там же. Стлб. 1727.
468 Там же. Стлб. 1729—1730.
469 Там же. Стлб. 1746.
470 Там же. Стлб. 1763.
471 Там же. Стлб. 2026; Баку. 1914. 23 янв.
472 Там же. Сессия вторая. Ч. V. Стлб. 84; Каспий. 1914. 1 июля.
473 Там же.
474 Там же. Стлб. 87.
475 Каспий. 1916. 27 февр.
476 Там же. 17 марта.
477 Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия IV. Стлб. 3590; Каспий. 1916. 19 марта.
478 Думова Н.Г.Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 68.
479 Государственная дума. Стеногр. отчеты. Сессия V. Стлб. 75.
480 Там же.
481 Там же; Баку. 1916. 5 нояб.
482 Государственная дума: Стеногр. отчеты. Сессия V. Стлб. 84.

- 483** Там же.
- 484** Ачыг сёз. 1916. 9 нояб.
- 485** Там же. 1 дек.
- 486** Там же. 24 июля; Баку. 1916. 25 июля.
- 487** Баку. 1916. 25 июля.
- 488** Там же. 20 авг.
- 489** Там же. 15 авг.
- 490** Каспий. 1914. 30 мая.
- 491** Там же.
- 492** Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 23. С. 329—330.
- 493** Черменский Е.Д. Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 97.
- 494** Думова П. Г. Указ. работа С. 52.
- 195** Там же. С. 57.
- 496** Там же. С. 58.
- 497** Там же. С. 59.
- 498** Каспий. 1915. 9 дек.
- 499** Там же.
- 500** Там же.
- 501** Там же. 14 нояб.
- 502** Там же. 9 дек.
- 503** Там же.
- 504** Там же. 14 нояб.
- 505** Там же. 9 дек.
- 506** Ачыг сёз. 1916. 1 дек.
- 507** Доклады бюджетной комиссии по рассмотрению проекта юсударственной росписи доходов и расходов на 1914 г. Приложения I к стеногр. отчетам Государственной думы. 4-й созыв. Сессия II, 1913—1914. Вып. II. Спб., 1914.
- 508** Баку. 1916. 27 июля, 21 сент.; Каспий. 1915. 13 окт.; 1916. 19 февр., 24 апр., 24 июня, 24 июля.
- 509** Каспий. 1915. 19 и 21 февр.
- 510** Там же. 1911. 25 марта.
- 511** Нариманов Н. Н. Избранные произведения. Т. I. Баку, 1988. С. 130-131.
- 512** Каспий. 1917. 1 марта.
- * 7 октября 1917 года Временное правительство издало акт о роспуске Государственной думы. См.: Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 315.
- 513** Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 31. С. 13.
- 514** Каспий. 1914. 3 марта.

- 515** Там же.
516 Там же. 4 марта. 5,7 Там же. 5 марта.
518 Там же.
519 Там же. 8 марта.
520 Там же. 10 марта.
521 Там же. 12 марта.
522 Там же. 15 марта.
523 Там же. 18 марта.
524 Там же. 17 марта.
525 Там же. 18 марта.
526 Там же.
527 Там же. 19 марта.
528 Там же. 24 марта.
529 Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 218.
530 Там же. Т. 6. С. 267.
531 Там же. Т. 7. С. 313.
532 Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Азербайджанская буржуазия, ее идеологи на рубеже XIX—XX веков.....	7
Глава II. Представители азербайджанских социальных верхов в I и II Государственной думе.....	39
Глава III. Государственная дума III и IV созывов и Азербайджан.....	70
Заключение	120
Литература	126

Сеидзаде Д.Б.

С 28 Азербайджанские депутаты в Государственной думе России. — Б.: Азернешр, 1991.—139 с, ил.

Книга впервые в советской исторической науке освещает условия формирования политического облика и позиций азербайджанских социальных верхов в начале XX века. На основе привлечения широкого круга источников, основная часть которых впервые вводится в научный оборот, в ней исследуются вопросы буржуазно-либерального движения в Азербайджане, анализируется деятельность азербайджанских депутатов в высшем представительном органе страны, прослеживается их борьба за осуществление своей программы на широком фоне социально-экономических и политических преобразований в обществе.

Книга рассчитана на историков, преподавателей и всех, кто интересуется историей Азербайджана.,

С 0503020907—71 без объявл. — 91
М—651(07)—91

ISBN 5—552-00980—0

ББК 9 (С 42)

ДИЛЯРА БАГ ИР КЫЗЫ СЕИДЗАДЕ

Азербайджанские депутаты в Государственной думе России

Dilarə Bağır qızı Seyidzadə

Rusiyanın Dövlət dumasında Azərbaycanın deputatları

Редактор: Э.Гусейнова
Художник: Б.Хананьев
Художественный редактор: Ф.Фараджев
Технический редактор: З.Наджафова
Корректор: И.Вебер
ИБ № 5524

Сдано в набор 27.02.91. Подписано к печати 3.06.91. Формат 84x108^{1/32}. Бум. Типогр. № 2. Печать высокая. Гарнитура литературная. Услов. П. л. 7,56. Усл. Кр.-отт. 7,77. Учетн.-изд. Л. 8,0. Тираж 9000. Заказ № 1290. Цена 3 руб.

Государственный комитет Азербайджанской Республики по печати.
Азербайджанское ордена Дружбы народов государственное издательство «Азернешр». Баку – 370005, ул. Гуси Гаджиева, 4. Типография издательства «Азербайджан».

АШУРБЕЙЛИ С. История города Баку (период средневековья).-Б.: Азернешр, 1991.-24 л. - 5 р. 25 000 экз. - На рус. яз.

В работе исследуются социально-экономическая, политическая история и культура г. Баку, одного из значительных средневековых феодальных городов Ближнего Востока, столицы Ширвапа, Бакинского ханства.

Рассматриваются экономическое положение города (вопросы ремесленного производства, торговли, денежного обращения), состав населения, социальные отношения, феодальная структура общества, военные события, городская культура (архитектура, литература, искусство). Подвергается исследованию социально-экономическая жизнь Баку — развитие производства, производительных сил и производственных отношений людей на протяжении 2000-летнего периода. Показан яркий период истории Баку, времени правления ширваншахов дербендской династии, когда Баку, являясь одним из крупных городов не только Азербайджана, по и всего Ближнего Востока и первым портом на Каспийском море, принимал активное участие в транзитной торговле между Востоком и Западом.

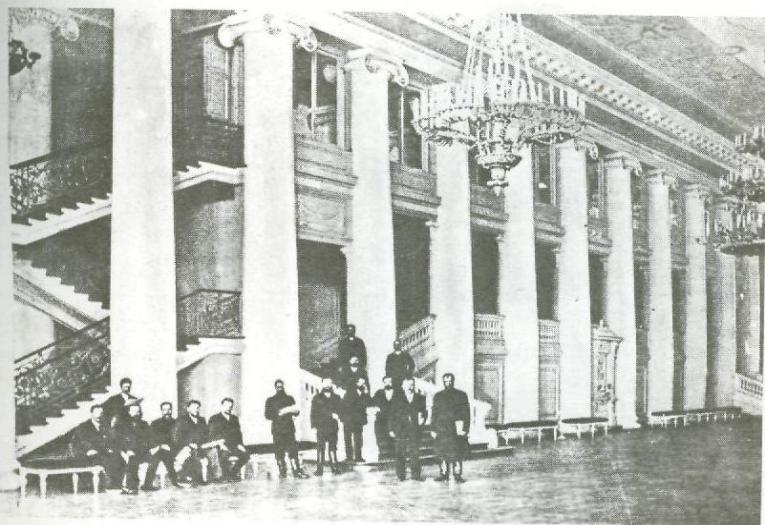
Работа написана на основании восточных, западно-европейских источников, широко привлечены нумизматический, эпиграфический, археологический материалы. Рассчитана на историков, востоковедов, преподавателей и студентов вузов. Заказы принимаются всеми книжными магазинами.

КАСУМОВА С. Азербайджан в III—VII вв. - Б.: Азернешр, 1991. - 7 л. - 3 р. - 20 000 экз. - На рус. яз. В истории раннесредневекового Азербайджана остается немало прочитанных страниц. Одной из них является история южной части территории, очерченной ныне географическим понятием Азербайджан. Предлагаемая читателю работа содержит исследование этнокультурной и социально-экономической истории Азербайджана в III—VII вв. На материале среднеперсидских (Пехлевийских),

древнегреческих, сирийских, древнееврейских, арабских источников, археологических исследований воссоздается картина жизни ранне-средневекового Азербайджана: культура и идеология (зороастризм и христианство), социальный состав населения, формы хозяйствования, основанные на рабовладении, начало кризиса рабовладения и освобождение рабов, социальные движения Мани и Маздака, состав чиновничьего аппарата. Все это рассматривается сквозь призму значимости Азербайджана для государства Сасанидов, в состав которого он входил в этот период. Для всех, кто интересуется историей Азербайджана. Заказы принимаются всеми книжными магазинами.

Таврический дворец. Здесь проходили заседания Государственной думы России всех созывов

Фойе Таврического дворца

А. М. Топимбашиев

А. Акберов

Н. Зинатханов

А. Мурадханов

М. Алиев

Ф. Хойский

М. Махучев

М. А. Шахматовский

М. Ю. Джафаров

X. Хасмамедов

Z. Зейналов